

ЭММИ
ИТЯРАНТА

**ДНЕВНИК
ЧАЙНОГО
МАСТЕРА**

ТЕКСТ

Emmi Itäranta

*Teemestarin
kirja*

Эмми Итяранта

Дневник чайного мастера

РОМАН

Перевод с финского
Евгения Богданова

МОСКВА «ТЕКСТ»
2017

УДК 821.511.111
ББК 84(4Фин)
И92

*Издательство благодарит
за поддержку в издании этой книги
FILI — Finnish Literature Exchange*

Russian edition published by agreement
with Emmi Itäranta and Elina Ahlback Literary Agency,
Helsinki, Finland, and Banke, Goumen & Smirnova
Literary Agency, Sweden

ISBN 978-5-7516-1409-6

© Emmi Itäranta, 2012
Original edition published by Teos Publishers
© «Текст», издание на русском языке, 2017

Пролог

Теперь все готово.

Семь полных недель я подметала опавшие листья на каменных плитах дорожки, ведущей к чайному домику, и сорок девять раз оставляла для себя пригоршню, чтобы разбросать обратно – так дорожка не будет казаться чересчур убранной. В этом правиле чайной церемонии отец всегда оставался непреклонен.

Однажды Санья сказала мне, что не нужно пытаться умиловить мертвых. Может, и нет, может, я просто пытаюсь порадовать себя. Есть ли разница – не знаю, да и как я могу не делать этого, если они во мне – в костях и крови, если от них осталась только я!

Уже семь недель, как я не решаюсь пойти к источнику. Вчера открыла кран и долго держала у его металлического носика бутылку. Говорила с ним, заклинала его, произнося сначала разные красивые слова, затем совсем некрасивые и, кажется, даже кричала на него и плакала, но что воде за дело до человеческих печалей. Она течет не медленно и не быстро, течет там, где-то в земной толще, где ее слышат только камни.

Сегодня военные выделили мне всего несколько капель воды, ну, может быть, с ложку.

Я знаю, к чему все это.

Утром я вылила остатки воды в котелок, сходила в сарай за сухим торфом и положила огниво рядом с очагом. Вспомнила об отце, чей завет я нарушила, подумала о маме, которая не дождалась дня, когда меня посвятили в чайные мастера. Подумала о Санье. Хочется надеяться, что она уже там, куда направляюсь я.

Сюда по тропинке идет знакомый гость, протягивает мне руку, я тоже готова протянуть ему руку и подняться. Земля не начинает вертеться ни быстрее, ни медленнее, и мы выходим за ворота.

Остается только свет на поверхности воды или отступающая тень.

ЧАСТЬ I

Хранители воды

**Лишь то, что меняется,
может сохраниться.**

*Вэй Вулонг. Путь чая
VII век, эпоха Старого Киана*

Глава 1

Вода – самый переменчивый из всех элементов. Так сказал отец в тот день, когда вел меня на место, которого нет. Хотя он ошибался во многом, в этом он был прав – верю до сих пор. Вода движется вместе с луной, заключая землю в объятия, она не боится погибнуть в огне или жить в воздухе. Войдешь в нее – она сроднится с тобой, с силой ударишься о нее – разобьешься на куски. Когда-то в мире были зимы, такие холодные, белые зимы, обволакивающие холодом, тогда можно было зайти в тепло, и люди тогда ходили по поверхности затвердевшей воды и называли ее льдом. Мне приходилось видеть лед, но только маленькие кусочки, сделанные человеком. Всю жизнь я мечтаю о том, каково оно – пройти по морскому льду.

Смерть – союзник воды, их невозможно разделить друг от друга, и ни одного из них невозможно отделить от нас, ибо в конечном счете нас слепили из переменчивости воды и близости смерти. У воды нет ни начала, ни конца, а у смерти есть и то и другое. Смерть суть оба. Порой смерть прячется в воде, порой вода изгоняет смерть, но они всегда вместе – в мире и в нас.

Этому я тоже научилась от отца, но сейчас верю, что научилась бы точно так же и без него.

Могу сама выбрать свое начало.

Возможно, я выберу свой конец.

Началом стал день, когда отец отвел меня на то место, которого не было.

Прошло две недели с экзаменов, обязательных для всех граждан, достигших совершеннолетия, они дают право ехать в город учиться дальше. Все прошло удачно, но я еще с детства знала, что пойду по стопам отца и останусь жить в деревне в нашем доме. Этот выбор я всегда воспринимала как обязанность, отчего, пожалуй, он вовсе и не был выбором. Родители выглядели довольными, я тоже не чувствовала себя несчастной, да и в то время все остальное не имело значения.

Утром мы с отцом развешивали в саду за чайным домиком пустые бутылки, цепляя их вверх дном за металлические крючья. Солнечный свет просачивался сквозь прозрачный пластик, капли воды медленно стекали и падали в траву.

— Чайный мастер обладает особой связью с водой и смертью, — произнес отец, отыскивая трещины в стенках одной из бутылок. — Чай ничто без воды, да и чайный мастер без воды тоже ничто. Чайный мастер посвящает свою жизнь служению другим, но участвует как гость в чайной церемонии лишь один раз в жизни, когда чувствует приближение смерти. Он приказывает своему преемнику подготовить последний ритуал и, когда церемония закончена, остается в одиночестве в чайном домике, пока смерть не опустит руку на его сердце и не остановит его.

Отец бросил бутылку на лужайку к двум другим. Они стоили дорого, как и все сделанное из хорошего пластика, так что надо было хотя бы попытаться починить их, хотя и не всегда получалось.

– Случалось ли кому-нибудь ошибиться, – спросила я, – ощутить приближение смерти, когда его время еще не пришло?

– Не в нашем роду, – ответил он. – Но я слышал об одном мастере. Тот приказал своему сыну провести последний ритуал, а потом остался лежать на полу чайного домика. А через два дня вернулся в дом. Слуги подумали, что это привидение, с одним даже приключился удар. В общем, чайный мастер ошибся, приняв приближающуюся смерть слуги за свою. Слугу кремировали, а мастер прожил еще двадцать лет. Но такого обычно не бывает.

Я попыталась приклепнуть севшего на руку овода, но тот успел вовремя улететь, прожужжав в ответ. Резинка москитной сетки давила и щекотала, однако снять ее было нельзя – это только привлекло бы насекомых.

– Как узнать о приближении смерти? – спросила я.

– Ну, это легко, – ответил отец. – Так же легко, как знать, что любишь, или когда во сне знаешь, что знаком с тем, кто в комнате, хотя он совсем чужой. – Он взял последние бутылки: – Возьми фонари на веранде и наполни их. Все должно быть готово.

Просьба показалась мне странной, ведь было еще совсем светло, да и в это время года солнце не опускалось за горизонт. Я обыскала чайный домик и нашла под скамейкой два фонаря. На дне одного из них лежаладохлая муха. Вытряхнула ее и потрясла ветки крыжовника – в них обычно водятся мухи-огневки – над обоими фонарями, пока на дне не набралось достаточно сонных насекомых, закрыла крышку и отнесла их отцу. С бутылками за спиной и сеткой на голове, он, казалось, сосредоточенно о чем-то

размышлял. Я протянула ему оба фонаря, но он взял только один.

— Нориа, настало время показать тебе кое-что, — сказал отец. — Пойдем.

Мы пошли через каменистую равнину за домом к подножию сопки и начали взбираться вверх. Идти было недалеко, но волосы очень скоро слиплись от пота. На вершине, сплошь усыпанной камнями, я стащила с головы сетку — из-за сильного ветра мошка и оводы почти не донимали.

С чистого и неподвижного неба палило солнце. Отец остановился, словно отыскивая путь. Я поглядела назад: внизу виднелся домик чайного мастера с его садом — крохотное пятнышко зелени в окружении выжженной солнцем почвы и раскаленных камней. Деревенские домики были рассыпаны у подножия сопки Алвинваара. Далеко за ней, где находились орошаемые земли, виднелась темно-зеленая полоса еловых лесов. Еще дальше в том же направлении было море, но увидеть его не получалось даже при самой ясной погоде. В другой стороне стоял Мертвый лес с его сухими перепутавшимися ветвями и непролазным буреломом. Местами там пробивались березки, но они никогда не дорастали до моего пояса, а однажды я даже набрала там горсть брусники.

Отец свернул на тропинку. На этой стороне сопки было множество пещер, где мы часто играли в детстве. Однажды мама нашла нас с Саньей и двумя деревенскими ребяташками, играющими в троллей. Помню, как она молча тащила меня домой, а потом накричала на отца, забывшего присматривать за мной. Мне запретили на месяц ходить в деревню. Но всякий раз после того случая, когда мама уезжала в командировки, мы с Саньей тайком пробирались

к пещерам и играли в первооткрывателей, или в искателей приключений, или в тайных агентов Нового Киана в пустынях Средиземноморья. Пещер было много десятков, если не сотен, и мы, казалось, обшарили их все в поисках тайных ходов и сокровищ — таких, о которых написано в старых книгах или в рассказах, приходивших на транслятор, но не нашли ничего, кроме выщербленного камня.

Отец остановился у входа в пещеру, похожего на кошачью голову и, не произнеся ни слова, полез внутрь. Я — за ним. Проход был низкий, и мне с трудом удалось залезть туда, да еще с фонарем и москитной сеткой. Камень царапал колени через тонкую ткань штанов. В пещере было прохладно и сумрачно, отчего огневки в фонаре начали призрачно светиться желтым.

Я узнала это место: однажды летом мы с Саньей даже поссорились, когда ей захотелось устроить здесь Главный штаб Центрального общества посланцев Нового Киана, а мне казалось, что в ней останется слишком много пустого места, потому что потолок резко снижался к задней стенке, да и сама пещера находилась чересчур далеко от дома, и вряд ли у нас получилось бы тайком приносить сюда еду. В общем, мы выбрали другую пещеру поменьше и поближе к нашему дому.

Отец подполз к задней стене, сунул руку, как мне показалось, прямо в стену и пошевелил. Скала над его головой скрипнула и раскрылась. В этом месте пещера была настолько низкой, что если сесть, то голова оказывалась как раз на уровне появившегося лаза. Отец протиснулся туда, взяв с собой фонарь.

— Ты идешь? — окликнул он меня.

Я поползла в конец пещеры, где только что отец открыл лаз, и потрогала стену. Сначала в

трепещущем свете я смогла разглядеть только грубый камень, но потом пальцы нащупали небольшой выступ, за ним – трещину с маленьким рычажком. Она была настолько удачно скрыта, что непосвященному увидеть ее было невозможно.

– Я тебе потом расскажу, как тут все устроено, – сказал отец. – Теперь залезай сюда.

Лаз вел в другую пещеру, точнее, в туннель, который вел прямо в глубь сопки. Над входом в потолке проходила металлическая труба, рядом торчал непонятно для чего здоровенный крюк. В стене было два рычажка – отец повернул второй, и лаз закрылся. В крошечной темноте свет фонаря стал совсем ярким. Отец стянул с головы сетку и снял со спины бутылку.

– Можешь оставить сетку здесь – она не требуется.

Проход спускался в глубь сопки, туда же шла металлическая труба. Идти выпрямившись было неудобно, отец порой задевал головой за своды. Скала под ногами была неожиданно гладкой. Свет путался в складках одежды, темнота цеплялась за выступы на стенах. Я слушала тишину вокруг: она была другой, чем на поверхности, – куда более густая и недвижимая. По-немногу в глубине начал различаться тягучий нарастающий звук, такой знакомый и чужой одновременно. До того момента мне никогда раньше не приходилось слышать ее, текущую свободно. Это было похоже на дождь, стучащий в окно, или так звучит вода, льющаяся из котелка на корни сосны, при этом звук не был прирученным человеком, зажатым или закованным в металл. Он поглотил меня полностью и тянул все глубже, пока не оказался совсем рядом, как стены вокруг или темнота.

Отец остановился, и в свете фонарей я увидела, что мы вышли к входу в другую пещеру. Кругом грохотало. Отец обернулся ко мне. Свет расходился кругами по его лицу, темнота пела сзади. Я подумала, что он хочет что-то мне сказать, но он повернулся и пошел дальше.

Я шла за ним, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть, но видела только ноги. Нас обнимала темнота, шумевшая точно закипающая вода для чайной церемонии, точнее, вода в тысяче — нет, в десяти тысячах котелках, когда вода только-только закипает и чайный мастер знает, что настало время снять ее с огня или же она выкипит и исчезнет в никуда. Сначала я ощутила что-то прохладное и влажное, затем еще несколько шагов, и свет наткнулся на звук. Так я впервые увидела сокровенный источник.

Сверкающими, искрящимися потоками и рассыпающимися брызгами вода вырывалась из щелей в скале и обрушивалась величественной стеной, она бежала вокруг камней, бурля и закручиваясь в узлы, укутываясь в пену, фыркая в невероятном танце и разворачиваясь вновь и вновь. Подземное озеро сотрясалося от внутренней силы. Из него прямо в сторону выступа, на котором мы оказались, вытекал ручей, уходя в расщелину в скале. Над водой виднелось что-то вроде белого пятна и металлический рычажок — чуть поодаль. Отец подтолкнул меня вперед, к воде.

— Давай-ка, попробуй! — сказал он.

Рукой я почувствовала всю ее силу: вода была похожа на вздрагивающее животное, на живую человеческую кожу, но она была холодной, куда холодней, чем все мне известное. Я осторожно лизнула пальцы — еще в детстве меня

строго-настрого приучили никогда не пить воды, не попробовав ее.

— Пресная!

Отец улыбнулся, и свет от фонаря сложился в складки на его лице, затем улыбка исчезла.

— Тебе семнадцать. Ты уже совершеннолетняя и способна понять то, что я собираюсь тебе рассказать, — сказал он. — Этого места нет. Легенда гласит, что этот источник иссяк много лет назад, и в нее верят даже те, кто слышал, будто источник в сердце сопки давал воду всей деревне. Запомни. Этого источника нет.

— Запомню, — ответила я и только много позже поняла, что за обещание я дала отцу на краю подземного озера. Тишина — вещь материальная и осязаемая, она не нужна, чтобы оберегать очевидное, но порой она охраняет силы, способные все разрушить.

Мы вернулись по туннелю обратно к выходу. Отец взял оставленную бутылку и аккуратно пристроил ее на крюк, затем повернул рычажок: сначала раздался электрический звук — такой же слышится из холодильника у нас на кухне, а вслед за ним и другой звук, чуть более лязгающий. Через мгновение сверху хлынула вода.

— И это все сделал ты? — спросила я. — Или мама? Она придумала? Вы соорудили это вместе?

— Никто в точности не может сказать, кто и когда это построил, — ответил он, — но чайные мастера всегда считали, что это был один из них, возможно, первый, кто давным-давно осел в этих краях, еще до исчезновения зим и начала войн. Нынче лишь вода помнит это.

Отец повернул оба рычага: вода перестала течь, открылся лаз.

— Иди вперед, — сказал он.

Я вылезла наружу. Отец плотно закупорил бутылку и передал ее мне. Лаз закрылся, и пещера вновь стала выглядеть совершенно обычной, без всяких тайн.

На солнце фонарь быстро поблекнул. Когда мы вошли во двор, мама подняла голову от толстой книги, из которой она что-то выписывала, сидя под навесом. Отец передал мне свой фонарь и понес бутылку к чайному домику. Тени от листьев двигались на каменных плитах дорожки. Я было пошла за ним, но он сказал:

– Не сейчас.

Я стояла, держа в руках оба фонаря и слушая, как огневки бьются об их нагретые солнцем стеклянные стенки. И, только услышав голос мамы, сообразила открыть крышку.

– Ты опять обгорела, – сказала она. – Где вы были?

Огневки вылетели из фонаря и скрылись в кустах.

– На месте, которого нет, – ответила я, посмотрев на маму, и тогда мне стало ясно, что она знала, где мы были, и что она там тоже бывала.

Мама ничего не сказала – тогда ничего, но спокойствие навсегда покинуло ее.

Поздно вечером, когда я уже лежала в кровати под пологом, разглядывая оранжевые отблески заходящего солнца в соснах, они с отцом долго разговаривали на кухне. Нет, слов разобрать не удалось, но в них было что-то такое, смысл чего я поняла значительно позже.

Глава 2

Земля еще дышала ночным холодом, когда я помогала отцу загружать треснутые бутылки

в коляску солнцевела. Их исцарапанные бока блестели в лучах восходящего солнца. Я крепко привязала бутылки, закинула за спину плетеную сумку из морских водорослей и уселась на сиденье.

— Обратись к Юкара, он сделает скидку, — сказал он напоследок.

Юкара — так звали самого уважаемого пластмассовых дел мастера на деревне. Он был давним приятелем отца. Правда, я ему не доверяла после того, как в прошлом году запаянные им бутылки вскорости потекли. Так что я ничего не ответила, лишь неопределенно кивнула головой.

— Не задерживайся надолго, — продолжил он. — Ко мне завтра придут гости, я хочу, чтобы ты помогла убрать чайный домик.

Я поехала. Одна из солнечных батарей солнцевела оказалась неисправна, поэтому мотор капризничал, так что мне пришлось почти все время крутить педали, пока я ехала сквозь отливвающий зеленью и солнцем лес. Уже почти на выезде из него дорога начала плавно сворачивать в сторону деревни, мотор вдруг заработал ровно, и я, заблокировав педали, дала наконец ногам отдохнуть. Оводов было еще совсем мало, утренний воздух обдавал свежестью голые руки, так что я скинула сетку и открыла лицо встречному ветру и солнцу. Небо было синим и сухим, земля вокруг словно замерла, и я видела только, как крохотная живность ищет воду в пыли дороги.

Миновав несколько домов на окраине, я выехала к перекрестку, от которого дорога к дому Юкара отходила налево. Пришлось остановиться и поразмыслить. «Нет уж, поеду, как и собиралась», — решила я, сворачивая в противопо-

ложную сторону, пока не увидела знакомый забор с облезлой синей краской.

Как и многие другие здания в деревне, дом Саньи сохранился еще со времен архемира. При нем имелся сад и гараж, в котором когда-то владельцы держали большой и быстрый архемобиль. Стены несли следы многочисленных ремонтов. Родители Саньи рассказывали, что когда-то у него была ровная крыша без всяких солнечных батарей. Уж не знаю, мне лично сложно представить себе такую.

Остановившись у ворот, я увидела на переднем дворе Санью. Она вытряхивала осадок со дна бутылки в металлический бак и жутко чертыхалась. Наружная дверь дома была отворена, и изнутри слышался поток новостей, приходящих на транслятор. На подруге не было защитной сетки, и, когда Санья посмотрела на меня, я поняла, что она провела бессонную ночь.

– Треклятый барыга, продал-таки соленую воду, – прохрипела она, нервно заправляя черные волосы за уши. – Я вообще не понимаю, как ему это удалось. Я же сначала попробовала воду и лишь потом купила. Он содрал с меня втридорога, так что хватило только на полбутылки. Всё, деньги выброшены на ветер.

– Какая у него была бочка? – спросила я, толкая солнцедел через ворота во двор.

– Да такая старомодная. Большая, прозрачная и на подставке, оттуда – трубка, из нее он и разливал воду.

– Эти жулики используют двойную трубку, – сказала я. – В том году их видели в городе. В их бочке имеется вторая, но с соленой водой. У кра-на два положения, поворачиваешь так – течет вода из бочки с пресной водой, а если так – из той, что с соленой. Сначала они дают попробо-

вать пресной, потом меняют положение крана и продают соленую.

Санья на секунду задумалась и выпалила:

— Чертова идиотка! Извини, это я про себя. Потратила большую часть недельного бюджета семьи, а, оказывается, купила-то соленую воду!

— Ерунда, такое могло случиться с кем угодно, — ответила я ей. — Ты не могла знать. Стоит все же пустить слух, чтобы другие не попались на ту же уловку.

— Вечером на рынке многие покупали у него воду незадолго перед закрытием. Скорее всего, тот тип уже давно исчез. Ищет следующих профилей, — заметила она.

Я не стала говорить вслух, о чем думала: не раз и не два мне приходилось слышать от родителей, что, если появляются жулики, значит — не к добру. Часто в новостях по транслятору твердили, что все беспорядки носят временный характер и военные действия находятся под полным контролем, но это не имело значения, ведь даже в хорошие времена вода была в дефиците, но людям, получавшим ежемесячные карточки на воду, в целом удавалось справляться, так что спекулянтам можно было не утруждать себя поездками по деревням. Случалось, в деревушку могли заехать торговцы, державшие высокую цену, но они знали, насколько легко могут оказаться не у дел, так что продавцов непригодной для питья воды они тоже не жаловали. С жуликами приходилось сталкиваться и раньше, но этот был уже третий за последние два месяца. Внезапный рост их количества означал, что в городе поговаривают о грядущем сокращении нормы воды, поэтому некоторые спекулянты отправлялись туда, где на черном рынке поменьше конкурентов и побольше легковых покупателей.

– У вас опять сломался водопровод? – спросила я.

– По-хорошему его надо выкинуть и построить новый, – сказала Санья. – Я и сама могла бы это сделать, если бы хватало времени. На той неделе Минья опять заболела, и я опасаюсь поить ее нашей водой, даже если она кипяченая. И хотя отец утверждает, мол, с водой все в порядке, я уверена, что от всех этих помоев, какие он выпил за свою жизнь, его желудок сделался оловянным.

Младшую сестру Саньи звали Минья. Ей было всего два годика, но она болела с самого рождения, а тут еще и их мать Кира начала то и дело прихварывать. Я не решилась рассказать Санье, что пару раз мне случалось видеть в вечернем сумраке сидевшего около их дверей чужака – худую и темную фигуру, он не выглядел не приветливым, но явно знал, что ему не будут рады. Незнакомец не двигался, молчал и терпеливо ждал, не проходя внутрь и не отходя в сторону.

Помню, как отец однажды рассказывал мне о смерти и о чайных мастерах. Так что, когда я поглядела на усталое лицо Саньи – она была не старше меня, – от воспоминания о сидевшей около ее дверей худой фигуры у меня перехватило дыхание.

Есть вещи, которые не следует видеть. Есть вещи, о которых не говорят вслух.

– Скажи, а ты подала заявку на ремонт водопровода?

В ответ Санья только фыркнула:

– Ты думаешь, у нас есть время ждать, пока они там рассмотрят заявку? Я собрала уже почти все нужные документы. Единственное, пока еще не придумала, как это сделать втайне от акваинспекции.

Санья сказала это мимоходом, как если бы речь шла о простом обыденном деле, а не о преступлении. Я вспомнила акваинспекторов, их невозмутимые лица под москитными сетками, вспомнила, как они размеренно шагают парами по улице, заглядывая в дома с ежемесячными проверками потребления воды и в поисках нарушителей. Мне доводилось слышать о творимых ими избиениях, задержаниях и штрафах, по деревне шептались и о более суровых наказаниях, но я не знала, правда ли это. Я подумала об их оружии – длинные, сверкающие сабли, которыми акваинспекторы как-то на глазах у всех изрубили на куски конфискованный у одной старухи самодельный водопровод.

– Вот, принесла тебе в починку, – сказала я и начала развязывать ремни. – С этим спешки особой нет. Сколько возьмешь?

Санья посчитала количество бутылок:

– Тут работы на полдня. Возьму три бутылки воды.

Я подумала, что пластмассовых дел мастер Юкара сделал бы это за две бутылки, но мне было все равно.

– Договорились. Заплачу четыре, – сказала я.

– За четыре я починю тебе одну прямо сейчас.

– У меня тут есть кое-что, – сказала я, доставая из сумки тоненькую книжку. Увидев ее, Санья сначала обрадовалась, но потом ее лицо померкнуло:

– Я пока ту, что ты мне давала, не прочитала.

– Не страшно. Я читала их по многу раз.

Она нехотя взяла книгу, но я видела, что она довольна. Как у многих семей в нашей деревне, у них не водилось книг. Приходившие на транслятор рассказы стоили дешево, продавались за бесценок, а вот с бумагой было туго.

Мы отнесли бутылки на задний дворик в мастерскую. Ее крышу соорудили из морской травы, а три стены (четвертой служила стена дома) представляли собой конструкцию из кольев с натянутой на них мелкой москитной сеткой. Мы вошли внутрь, и Санья закрыла дверь на щеколду, чтобы ветер не распахнул ее.

Я положила бутылки на верстак посреди мастерской. Санья взяла ту, что сверху, и отнесла на длинный стол у стены возле дома. Отец пометил место протечки красной свекольной краской, нарисовав на поверхности что-то вроде звездочки. Она включила горелку на солнечных батареях – нити тут же раскалились, став оранжевыми в полумраке мастерской, и принялась рыться в одном из своих многочисленных ящичков, пока не нашла кусочек пластмассы подходящего размера. Мне было интересно смотреть, как Санья поочередно нагревала то заплатку, то место, где треснула бутылка, пока они не стали совсем мягкими и липкими, потом приложила заплатку и, убедившись, что та подходит по размеру, принялась залеплять трещину.

Я огляделась. После того раза, когда я гостила у нее пару недель назад, Санья успела насобирать много пластмассовых обломков. На длинных столах вдоль стены стояли банки с краской, вперемешку лежали инструменты, кисти, деревянные подставки, разбитые фонари и всякая всячина, предназначение которой мне было неизвестно. А еще повсюду громоздились ящики, забитые доверху разнообразным металлическим и пластиковым ломом. Металл считался жутко дефицитным, ведь все более-менее пригодное давно увезли в город на нужды армии, и вот уже много десятилетий люди подбирают любой хлам, что удастся найти, а в последнее время — всякие разномастные обломки.

А вот пластмассы было хоть отбавляй, потому что пластик архемира мог лежать столетиями не разлагаясь – не то что наш. Большая часть уже ни на что не годилась, хотя иногда, если хорошо порыться, можно было найти и что-нибудь стоящее. Настоящей находкой были безнадежно перепутанные металлические и пластмассовые детали, придуманные, чтобы делать то, чего в неомире уже не делали. Случалось находить архетехнику в почти нормальном состоянии, а некоторые вещи даже удавалось починить. Нам оставалось только удивляться, почему их когда-то выбросили.

В одном из ящиков под столом лежала треснувшая пластиковая посуда: стаканчики, тарелки и кувшин для воды. Под ними – две черные штуковины толщиной в несколько сантиметров, прямоугольной формы и размером примерно как те книги, что стояли у меня дома на полке. С одной стороны они были гладкими, а на другой виднелись два отверстия с зубчатыми белыми краями. У одного прямоугольника край отломился, и изнутри торчала темная, блестящая лента. На нем были буквы, из которых мне удалось прочесть только три: VHS.

– Что это? – поинтересовалась я.

Санья уже успела закончить с бутылкой и повернулась ко мне:

– Без понятия, я их выкопала на той неделе. Наверное, это запчасти от какого-нибудь археустройства, но я пока не сообразила, для чего они.

Она уже успела закончить работу, но требовалось еще немного времени, чтобы пластик затвердел и бутылка перестала течь. Санья взяла со стола вместительный рюкзак и закинула его за спину.

– Может, пойдем пособираем?

Мы прошли несколько кварталов и уже собирались свернуть на улицу, по которой обычно ходили к свалке, как Санья внезапно остановилась и произнесла:

– Не пойдем здесь.

Тот знак нельзя было не заметить. На краю улицы стоял обычный деревянный дом, ничем не отличающийся от других таких же в деревне, с поваленными заборами и облетевшей со стен краской, разве что край солнечной панели обломился. Построенный еще во времена архемира и позже переделанный на новый манер, он был единственным, в центре ветхой двери которого виднелся нарисованный свежей ярко-синей краской – блестящий и влажный – круг. Таких я раньше не видела.

– Что это? – спросила я.

– Пойдем отсюда, – сказала Санья, потянув меня в сторону. Сосед, вышедший из другого дома, сделал вид, что не замечает знака, и, сгорбившись, быстро прошел мимо. Улица была пустынной.

Я поспешила за Саньей. Убедившись, что мы одни, она прошептала:

– Дом под наблюдением. Круг появился там на прошлой неделе. Это знак серьезного *аквапреступления*.

– Откуда ты знаешь?

– Мама сказала. Жена пекаря, говорят, как-то остановилась у ворот, а тут вдруг, откуда ни возьмись, появились два акваинспектора и начали выпрашивать у нее что да как. Они заявили, что здешние жильцы – нарушители закона о воде. Жена пекаря сумела выкрутиться, только когда убедила их в том, что пришла продать выпечку из семян подсолнуха.

Я знала, кто живет в доме: одна бездетная семья со своими пожилыми родителями. Вряд ли

они могли быть замешанными в аквапреступлениях.

– Что с ними случилось? – спросила я, и перед моими глазами встали их неприметные лица и простая одежда.

– Никто не знает в точности, там ли они еще или их уже увезли, – ответила Санья.

– Как думаешь, что с ними сделают? – спросила я вполголоса.

В ответ она только молча пожала плечами, и тут я вспомнила о строительстве незаконного водопровода. Оглянулась. Улица и дом уже исчезли из виду, но синий круг по-прежнему блестел перед глазами, словно свежая татуировка на коже, настолько воспалившаяся, что к ней было небезопасно подходить близко, и, главное, окутанная тишиной.

Мы пошли дальше.

Вскоре мы перебрались через мелкий грязный ручей, едва-едва сочившийся меж камней. В детстве нам обеим запрещали приходить сюда. Мама говорила, что земля вокруг свалки отравлена, а по ней самой опасно ходить, дескать, нога может неожиданно соскользнуть и что-нибудь острое запросто порвет одежду и оцарапает. Поэтому мы всегда тщательно готовились к нашим походам на свалку и приходили засветло, чтобы не брать с собой фонарей – они могли привлечь внимание.

Свалка была гигантской. Она возвышалась грядами с острыми и рваными краями, неожиданными провалами, не сулившими ничего хорошего. Она жила своей жизнью: ее странные гребни постоянно меняли свои очертания, потому что там вечно копошились какие-то люди, перекладывавшие древний мусор с места на ме-

сто, утаптывая его ногами, вырывая ямы, сваливая в кучи не слишком искореженные куски пластмассы и дерева, которые еще можно пустить в дело. Знакомый запах свалки и ее вид напомнили мне о высоких сапогах в детстве — их я надевала всякий раз, боясь пораниться, — об их грубой кирзе, о том, какие они были жаркие и едва не соскальзывали с ног.

Я пришла в летних башмаках на деревянной подошве, которые не закрывали даже щиколоток (к вечеру они будут красные и опухшие), но ведь я уже большая, да и день был в полном разгаре. Под ногами хрустел мертвый пластик, оводы и прочая летучая живность кружились тучей вокруг наших защитных сеток, так что нам пришлось опустить рукава и плотно завязать их вокруг запястий — мы знали, что в это время даже крохотный участок открытой кожи мог привлечь множество не самых безобидных насекомых.

Обычно мы забирали все хоть сколько-то интересное, но пока кругом валялся только бесполезный хлам: рассыпающиеся пластиковые пластины грязно-белого цвета, омерзительного вида обувь со сломанными каблуками, расплющенные головы кукол... Я оглянулась, заметив, что Санья отстала. Она присела в нескольких метрах от меня и принялась рыться в одной из куч. Подойдя ближе, я увидела, как из груды расколотых горшков, вешалок и жалюзи она достала нечто, похожее на ящик с крышкой.

Он был прямоугольной формы, такого мне раньше видеть не приходилось. Глубокие царапины сплошь покрывали его черную поверхность, а в передней части слева и справа виднелись два углубления, затянутые металлической сеткой.

— Вот это — динамики, — со знанием дела сказала Санья. — Обычная архетехника, мне уже попадались такие. На нем раньше что-то слушали.

Между динамиками имелась прямоугольная выемка чуть шире моей ладони, ее закрывала треснувшая крышка, которая отодвигалась. На верхней панели в ряд стояли ручки с полустертыми стрелками в разные стороны, одна немного больше других. Если ее покрутить, то красная стрелка начинала двигаться по шкале с непонятными цифрами: 92, 98, 104 и так далее. Справа была надпись «мГц». Еще сверху было круглое углубление, немного больше углубления спереди, закрытое прозрачной крышкой.

Конечно, такую находку Санья обязательно отнесет к себе в мастерскую. Вижу, как она уже размышляет об устройстве этого ящика, представляет себе, как разбирает его, запоминая порядок деталей, как подводит электричество от солнечного генератора, чтобы посмотреть, что выйдет из ее затей.

Мы еще немного побродили по свалке и не обнаружили ничего полезного, кроме разбитых игрушек, непонятных осколков, изуродованной посуды и мириадов рваных пластиковых пакетов. Когда мы повернули назад к дому, я сказала Санье:

— Знаешь, если когда-нибудь докопаться здесь до самого дна, то, кто знает, может, тогда удастся понять архемир и людей, выбросивших все это.

— Ты слишком много думаешь о них, — буркнула она в ответ.

— Но ведь и ты думаешь, а иначе зачем приходишь сюда?

— Я думаю не о них, а об их устройствах. Думаю о том, что они умели и что они оставили нам, — ответила Санья, положив руку на мою.

Через ткань рукава я почувствовала тепло ее пальцев и солнце вокруг них – два разных тепла рядышком.

– Тебе, Нориа, не стоит о них думать, ведь и они когда-то не думали о нас.

Невозможно не думать о них, но архемир льется в наш неомир, в его небеса и в его пыль. И тут волей-неволей задаешься вопросом: «Вливался ли хоть когда-нибудь наш неомир – мир, в котором мы живем, в их мир – мир, который был?» Я представляю, как на берегу реки, русло которой нынче всего лишь сухой шрам на поверхности земли, стоит женщина: она не молодая и не старая, или это мужчина – не имеет значения. У нее светло-каштановые волосы, она смотрит на бурлящую воду, возможно грязную или прозрачную, и думает о том, чего еще никогда не было.

Мне хочется представить, как она идет к дому и там делает что-то, подсказанное ей только что увиденным или воображенным, а потом повторяет еще раз на следующий день и через день опять. И все-таки я вижу ее снова, вижу совсем другой: она поворачивается и ничего не делает иначе. И теперь я не знаю, какой из этих образов явный, а какой всего лишь отражение в прозрачной, недвижимой воде – настолько четкий, что его можно принять за действительность.

Смотрю на небо и на свет, смотрю на природу вокруг – они такие же, как и в их мире, и не такие же, а течение воды и времени не останавливается.

Возвращаясь обратно, мы почти не говорили.

Пока я привязывала отремонтированную бутылку к тележке, Санья ушла на веранду. Стоял

ослепительно ясный день, а она – такая маленькая, худенькая и невзрачная – пряталась в тени.

– Нория, а что насчет платы? – спросила она.

– Подожди до вечера, принесу тебе воды, – ответила я и пошла домой. В ответ Санья слегка улыбнулась.

Отцу бы все это не понравилось.

Глава 3

Поздним вечером следующего дня я стояла на дорожке, ведущей от чайного домика к воротам, и собирала мяту. Бледные песчинки молча подрагивали между камнями, словно вода вокруг забытых островов. Тут же росли три чайных куста, зелеными языками пламени поднимавшиеся к совершенно ясному небу. Я положила листки мяты в рот и забралась на холмик около ворот, откуда виднелась дорога к нашему дому, выходящая между дрожащими тенями редких деревьев. Самое пекло уже закончилось, и церемониальная одежда не казалась такой жаркой. Ноги устали от неудобных сандалий, и руки болели.

Утром отец проснулся, как только слепящий свет солнца сменился, став нежно-золотым. Обычно в день чайной церемонии он не будил меня так рано, но в этот раз был строг. Конечно, это было наказание за то, что вчера я допоздна засиделась у Саньи. Он давал мне задания одно за другим, даже три за раз, и, когда мама вышла к завтраку, я уже успела вычистить сад, принести больше обычного воды в чайный домик, дважды подмести там пол, развесить разноцветные фонарики внутри и снаружи, проветрить церемониальную одежду, вымыть и высушить котелки, чайники и чашки, расставить их

на деревянном чайном подносе, вытереть пыль с чаши в саду и трижды передвинуть скамейку на веранде, пока отец не остался доволен.

Когда же он наконец освободил меня от всех этих дел, с каким же удовольствием я пошла к воротам ждать гостей. Весь день после завтрака я так ничего и не ела, поэтому сейчас жевала листочки мяты, чтобы хоть как-то унять чувство голода. Вечернее солнце слепило, в ушах стоял звон висевшего под крышей колокольчика. Дорога была пустынной, а небо бездонным, и я ощущала, как мир вокруг меня движется – так дышит сама жизнь.

Поднялся и стих ветер. Воды, укрытые в темных глубинах земли, продолжали свое движение, тени меняли формы.

Наконец на дороге появились три фигуры в синей униформе, едущие на солдечаре в нашем направлении. Как только они поравнялись с деревьями, я позвонила в свисающий с сосны сигнальный колокольчик. Через секунду со стороны чайного домика послышались три удара гонга – это означало, что отец готов к приему гостей.

Солдечар остановился около ворот под навесом из морской травы, сооруженным специально для гостей, и из него вышли двое мужчин, одетых в военную форму армии Нового Киана. Я узнала одного из них – это был Болин, наш постоянный гость. Он специально раз в несколько месяцев приезжал из Куусамо, чтобы участвовать в наших чайных церемониях, и всегда платил водой и продуктами. Отец его уважал: Болин знал местные обычаи, соблюдал этикет чайной церемонии и никогда не требовал к себе особого обращения, хотя и был высоким армейским чином, наделенным властью на всей территории оккупированных районов Скандинав-

ской унии. На лацкане мундира Болина красовалась маленькая серебряная рыбка.

Второго раньше видеть мне не приходилось. На его форме я разглядела две серебряные рыбки, а значит, он был старше Болина по званию. Лицо его было скрыто тонкой тканью mosquito-сетки, но по походке и осанке я предположила, что из них двоих он моложе. Я поклонилась и, получив поклон в ответ, пошла по садовой дорожке специально медленно, чтобы гости успели слиться с тишиной, столь необходимой для чайной церемонии.

Перед чайным домиком лужайка сверкала в лучах солнца: как и полагается, отец уже разбрызгал воду в знак чистоты. Я омыла руки в каменной чаше, гости последовали моему примеру, а потом уселись на скамейку в ожидании. Через мгновение из домика раздался легкий звук колокольчика, я отодвинула дверь и пригласила гостей внутрь. Вход был низким, и Болин не без труда опустился на колени, чтобы пролезть через дверь. Второй офицер остановился и посмотрел на меня. Его взгляд под сеткой казался твердым.

— Это единственный вход?

— Господин, есть еще один, но никто, кроме чайного мастера, не имеет права им пользоваться. — И я поклонилась.

— В городах почти не встретишь чайных мастеров, которые требуют от гостей на коленях войти внутрь, — ответил он.

— Это старый чайный домик, господин. Он построен в те времена, когда считалось, что чай одинаково принадлежит всем, так что все должны встать на колени перед церемонией.

На этот раз я не поклонилась, и мне показалось, что по его лицу, прежде чем оно изобразило улыбку вежливости, скользнула тень раз-

дражения. Не произнеся ни слова, он опустился на колени и вполз в чайный домик. За ним последовала и я. Закрывая дверь, я почувствовала, как дрожат пальцы: надеюсь, никто этого не заметил.

Майор Болин уже устроился у стены, так что его спутнику ничего не оставалось, как усесться рядом. Я нашла себе местечко вблизи от входа для гостей. Отец сел на колени напротив пришедших, и, когда мы все сняли сетки, он поклонился.

– Добро пожаловать, майор Болин. Ваш визит – долгожданная радость. Слишком много воды утекло с тех пор, как вы последний раз посещали нас.

Отец четко следовал этикету, но произнес он это с теплом, какое позволял себе, только общаясь со старыми друзьями и постоянными гостями.

Майор Болин поклонился в ответ.

– Мастер Кайтио, мне радостно вновь быть в вашем чайном домике. Я привел с собой гостя, надеюсь, он получит такое же удовольствие от вашего чая, как и я. – Он повернулся к спутнику: – Это командор Таро. Он только что переведен к нам из южных провинций Нового Киана, и я хотел бы оказать ему уважение, угостив лучшим чаем во всей Скандинавской унии.

Без сетки Таро действительно выглядел младше Болина. Он брил бороду, и в волосах не было и намека на седину. Выражение лица командора не изменилось, когда он поклонился.

Поприветствовав гостя, отец удалился в боковую комнату и скоро вернулся с наполненным водой котелком и поставил его в специальное углубление в полу прямо поверх сухого торфа. Вскоре огонь запылал. Я слушала шуршание одежды отца – он опять ушел в боковую комна-

ту и вернулся с деревянным чайным подносом, на котором стояли две чашки и два чайника – большой металлический и маленький глиняный. Он поставил поднос на пол рядом с очагом и уселся так, чтобы видеть воду в котелке. Я знала, что майор Болин любит зеленый чай, а для него вода не должна быть слишком горячей.

«Когда ты насчитаешь десять маленьких пузырьков на дне котелка, пора переливать воду, – учил отец. – Пять – это слишком мало, а двадцать уже чересчур».

Вода нагрелась до нужной температуры, и отец перелил ее в большой чайник. В детстве мне часто приходилось следить за его движениями, потом я бесконечно повторяла их перед зеркалом, пока не начинали болеть спина, шея и руки. Однако у меня совсем не получалось двигаться так же плавно – словно дерево на ветру, как и он, – я казалась себе неуклюжей.

«Ты пытаешься просто копировать, – сказал мне тогда отец, – а поток должен исходить изнутри, безостановочно течь сквозь тебя, подобно дыханию или жизни».

Только когда я начала размышлять о воде, я поняла, что он имел в виду.

У воды нет ни начала, ни конца, как нет их в движениях чайного мастера, когда тот готовит чай. Каждое мгновение тишины, каждая остановка – это часть потока, и, если кажется, что движение вдруг замерло, это означает, что человеческие чувства просто не в силах зафиксировать происходящее. Поток разрастается, утихает и изменяется, точно вода в котелке, точно сама жизнь.

Когда я поняла это, мои движения перестали быть суетливыми и неловкими, они стали рождаться где-то глубоко внутри меня.

Отец перелил воду из большого чайника в маленький, где уже лежали чайные листья, и почти сразу же вылил слегка настоявшийся чай в чашки, чтобы согреть их. Затем он наполнил чайник заново и начал медленно выливать содержимое чашек на его бока, а тем временем листья внутри отдавали свой аромат. Фонари на потолке освещали растекавшуюся по подносу воду. С каждым вдохом я погружалась в чайную церемонию, ощущая все вокруг происходящее: желтоватые отблески на воде, сладковатый (так пахнет лужайка) аромат чая, неудобную складку на штанах, мокрый стук металлического чайника, когда отец опустил его на поднос. Все это растворилось, все это стало одним потоком, который дышит внутри меня, гонит кровь по жилам, связывает с секундами бытия... И вот уже не я дышу, а сама жизнь дышит сквозь меня, соединяя небо надо мной и землю подо мной.

И тогда поток воды прервался.

— Кое-кто посчитал бы такое использование воды излишеством, — неожиданно произнес командор Таро. — Нынче считается большой редкостью, чтобы у кого-то была возможность провести чайную церемонию по всем правилам.

Его голос оказался на удивление низким и мягким, так что было трудно представить его командующим парадом.

Не глядя на отца, я почувствовала, как он застыл на месте, словно на него накинули невидимую сеть. Одним из неписаных законов чайной церемонии было, что беседа во время нее должна ограничиваться замечаниями об особенностях воды и чая, о ежегодном урожае на орошаемых землях, о происхождении чайной утвари и ее особенностях или об обстановке чайной комнаты. И никаких разговоров на личные темы, а критические замечания вообще запрещены.

Майор Болин вздрогнул, словно ему под мундир заполз овод.

– Позвольте, Таро, я вам уже говорил, что мастер Кайтио – лучший в своей профессии, он хранитель традиции, и нам оказана большая честь участвовать в ней, – сказал он, не оборачиваясь к Таро и глядя отцу в глаза.

– Понимаю, – ответил Таро, – но я не могу не выразить своего удивления в связи с тем, что у живущего далеко в провинции чайного мастера есть возможность настолько безоглядно расходовать воду. Да, кстати, майор Болин, занятие традиционной чайной церемонией приравнивается к знахарству, к давно отринутым пережиткам архемира. А значит, было бы безумием утверждать, что сохранение традиций требует столь большой траты воды.

Лицо отца застыло, словно кора земли, скрывающая под собой мощные потоки воды. Наконец он произнес тихим голосом:

– Господин Таро, смею вас уверить, что провожу чайную церемонию так, как до меня ее проводили десять поколений чайных мастеров, проживавших в этом доме. С тех пор ни одна деталь не претерпела изменения.

– Ни одна деталь? – спросил Таро. – Неужели мастера чайной церемонии и раньше принимали женщин в свои ученики?

С этими словами он кивнул в мою сторону, и я почувствовала, как к лицу прилила кровь, – такое случалось всякий раз, когда я становилась объектом внимания гостей.

– Отцы всегда передавали свое умение детям. Моя дочь станет искусным чайным мастером, достойным отцовской гордости, – произнес отец. – Нориа, подай, пожалуйста, сладости к первому чаю.

Первая чашечка настоявшегося чая – первый чай – считается самой важной частью церемонии, и во время нее любая неподходящая беседа воспринимается как оскорбление по отношению не только к чайному мастеру, но и к другим гостям. Таро молчал, когда я подавала печенье на подносе из морской травы, приготовленное поутру из меда и амаранта.

Отец невозмутимо разлил гостям чай и предложил сначала майору Болину. Он долго вдыхал аромат, затем пригубил и, чтобы полностью ощутить его вкус, закрыл глаза. Командор Таро поднес чашку ко рту, выпил большой глоток и поднял глаза: на его лице появилась многозначительная улыбка.

– Болин прав. Ваше умение поражает, мастер Кайтио. Даже столичные мастера чайной церемонии, которым армия Нового Киана поставляет природную воду из-за города, не умеют готовить столь чистый по вкусу напиток. Если бы я не знал подробностей, то предположил бы, что этот чай приготовлен на ключевой воде, а не на очищенной соленой.

Мне показалось, что воздух в комнате не дрогнул, когда отец опустил поднос, и что у меня под сердцем шелохнулось что-то холодное и тяжелое. Я подумала о стремительной воде, скрытой в глубинах сопки.

Я не знаю, кто он или какова истинная цель его визита, но мне показалось, что там, где недавно прошел этот человек, где стерлись камни тропинки и шелохнулись травинки настолько незаметно, что это почувствовал только воздух, – там худая темная фигура незнакомца приноровила свои шаги к его шагам и пришла за ним прямо к крыльцу чайного домика. Она была терпеливой и неутомимой, и мне вовсе не хотелось отодвигать дверь, чтобы увидеть, как она

ждет под деревьями или около каменной чаши у входа. Не знаю, почувствовал ли отец то же самое – его мысли прочитать было невозможно.

Майор Болин отпил еще немного и произнес:

– Искренне рад, что ваш чай, мастер Кайтио, произвел впечатление на командора Таро. Его перевели сюда надзирать за местной администрацией, и мы теперь работаем в соседних кабинетах.

Таро вытер рот.

– Я особенно озабочен искоренением местной аквапреступности, – заявил он. – Вы, пожалуй, осведомлены о том, что в последнее время криминалитет в Скандинавской унии вышел за все разумные рамки. – В комнате повисла тяжелая пауза. – Уверен, мы еще встретимся.

– Приятно слышать, – ответил отец, поклонившись. Я последовала его примеру.

– Командор – весьма уважаемая фигура в городе, – сказал Болин. – Я бы так сказал: всякий, кому он начинает благоволить, оказывается на особом счету, правда, не стал бы утверждать, что Новый Кيان – место в равной степени желанное для всех. – Тут он усмехнулся, мы с отцом послушно улыбнулись.

Отец налил им обоим по новой чашечке чаю. Я предложила сладости, и они взяли каждый по одной. Таро обратился к отцу:

– Мастер Кайтио, я не могу не восхититься вашим садом. Нужно ли говорить, что так далеко от орошаемых земель крайне необычно видеть всю эту зелень. Любопытно знать, как еженедельной нормы хватает на вашу семью, да еще и на растения?

– Разумеется, норма воды, которая полагается чайному мастеру в связи с его, так сказать, профессиональной занятостью, несколько увеличена, – заметил Болин.

– Естественно, – сказал Таро, – тем не менее не могу не отметить, что забота о саде требует жертв. Пожалуйста, расскажите, в чем ваш секрет, мастер Кайтио.

Тут Болин опередил отца и, глядя на Таро, твердо произнес:

– Мне кажется, мы потратили уже слишком много времени на пустяковую беседу, вместо того, чтобы наслаждаться чаем в полной тишине и забыть на секунду-другую горести дольного мира!

Посмотрев на него, Таро обернулся к моему отцу:

– Возможно, вы правы, майор Болин. Пожалуй, поберегу свои вопросы для другого раза и позволю себе надеяться, что он случится весьма скоро. – Сказал и умолк.

Далее прозвучало несколько малозначительных фраз, не касающихся ни воды, ни вкуса чая, ни красоты сада. Большую часть в чайном домике царила тишина, медленно окутывавшая нас, словно дым от невидимых костров.

Кончилось печенье.

Опустел большой чайник, а затем и котелок.

Церемония окончена, когда закончилась вода.

Гости поклонились и надели сетки на головы. Я вывела их наружу из той же низкой двери, через которую мы вошли в домик. На улице уже появилась едва уловимая сеть летнего вечера, соединив день с ночью. Тускло поблескивали огневки в фонарях под крышей. Майор Болин и командор Таро шли за мной к воротам. Водитель солнцекара оторвался от игры в маджонг, глотнул воды из фляги, потянулся и запустил двигатель. Гости поднялись в солнцекар, попрощались и уехали.

Я вернулась к чайному домику. Стоял поздний вечер. Небо вокруг солнечного диска было цвета колокольчиков, растущих на заднем дворе. Воздух был недвижим, и трава на лужайке выпрямилась, чтобы впитать ночную прохладу.

Однако нужно было вытереть насухо котелки и прочую утварь, отнести все в особый шкафчик в задней комнате чайного домика. Я помогла отцу прибраться. Руки гудели, когда я принялась вытряхивать из фонарей поблескивающих огненных мух, которые тут же спрятались в кустарнике. Из домика все еще в церемониальной одежде и с москитной сеткой в руках вышел отец: тени пали на его лицо.

– Ты уже многое умеешь, думаю, вполне готова стать мастером чайной церемонии еще в этот праздник лунного года, – сказал он и молча пошел домой, а во мне навсегда поселилось беспокойство.

Я отнесла пустые фонари обратно в домик, завернула каждый по отдельности в ткань и аккуратно уложила их в деревянный сундук. Из последнего вытряхнула несколько огневок в свой ночной светильник.

Потом я долго ходила вокруг чайного домика, кружила по траве и между деревьями, ощущая, как ночная роса охлаждает искусанные ноги. Нигде не было видно худой темной фигуры – ни под соснами, ни на дорожке, ни на крыльце, но я не знаю, может, причина была в том, что я просто не туда смотрела.

Глава 4

Я лежу в постели, слушая, как лениво бьются огневки о стекло фонаря. Собственно, он не нужен, ведь солнце и вечером продолжает ви-

сеть над горизонтом тяжелым желто-оранжевым шаром, и его свет просачивается в комнату сквозь сетку от насекомых. Небо кажется бездонным. Из другого конца дома слышатся приглушенные голоса родителей, но смысла разобратъ не получается. Прошло несколько дней после визита майора Болина и командора Таро, и теперь вечерами они часто что-то обсуждают, а потом мама долго не ложится спать. Она старается тихонько ходить из комнаты в кухню, но я слышу ее движения, вижу свет сквозь щелку под дверью.

У меня в руках одна из сохранившихся в доме старых книг. Это история о путешествии длиной в одну зиму. Я знаю ее наизусть, но сейчас слова утекают со страниц прочь, не давая мысли зацепиться за них: меня волнует не история, а мир, в котором она была написана.

Какими были зимы в архемире? Как бы это представить?

Я знала, что такое темнота: каждую осень, когда заканчивался лунный год, день и ночь встречались, чтобы поменяться местами, и начиналась зима. Все полгода, пока она длилась, было сумрачно, в домах круглые сутки горели большие фонари, а когда становилось совсем темно, то зажигали еще и светильники от солнечных батарей. Если взобраться на сопку, то на фоне темного неба можно было наблюдать свет далеких городов: далекий, но четкий отблеск на востоке — там, где находились орошаемые земли и море, а на юге почти невидимая искорка Куусамо. В это время года земля теряла остатки своей скромной зелени, и наш сад стоял голым и немым, ожидая возвращения солнца.

Правда, представить себе холод оказалось непомерно сложным. В темное время года я привычно закутывалась как можно теплее, ходила

за торфом для камина с осушенных болот — все это я делала, когда солнце утрачивало последнюю силу после праздника середины зимы, но и тогда температура на улице редко опускалась ниже десяти градусов, а в теплые дни можно было, как и летом, разгуливать в сандалиях.

В шесть лет я прочитала старую книгу, где рассказывалось о снеге и льде. Помню, как решила расспросить маму о них. И тогда мама достала один из толстых, выглядевших такими серьезными томов с полки, куда я еще не дотягивалась, и показала фотографии: белые сопки с круглыми боками и сверкающими острыми краями среди незнакомых пейзажей. А еще она сказала, что это вода, перешедшая в другое состояние при низкой температуре в условиях, которые в нашем мире возможны лишь искусственно, но которые когда-то были естественной частью времен года и жизни людей.

— Что же такое произошло? — спросила я. — Почему снега и льда больше нет?

— Мир изменился, — ответила она. — Многие думают, что он изменился сам по себе, стал таким, каким он был до появления людей, но немало информации пропало в эпоху Сумрачного века. Кстати, есть такие, кто верят, что это люди изменили мир, сами того не желая или же осознанно.

— А ты, во что ты веришь?

После долгого молчания она произнесла:

— Я верю в то, что без людей мир не был бы таким, какой он сейчас.

Потом я долго грезилась о тусклом мерцании снега, о белом свете, как если бы тысячи огневок обрели свои крылья на землю, покрыв ее сплошным ковром. Темнота становилась прозрачнее и легче, когда я видела ее сквозь серебряные отблески, я начинала тосковать по ар-

хемиру, которого никогда не знала. Я представляла облака над снежными равнинами, и порой мне казалось, что мне лучше было бы там, а не здесь.

Однажды я провела эксперимент: наполнила ведро водой, вывалила в него весь лед, который нашла в морозильнике, и отнесла тайком к себе в комнату. За закрытой дверью сунула руки в ледяное крошево, закрыла глаза и вообразила себе дыхание зимы архемира, о котором читала так много. Я взывала к белому тончайшему полотну, чтобы оно пало на дорожки, чтобы оно покрыло дом, хранящий в своих стенах и камнях фундамента память о холоде прошлого. Я представляла метель, заволакивающую сопки, превращающую каменистую землю вокруг в мягкий проваливающийся сон. Я просила, чтобы хрустальный лед окружил наш сад, чтобы он заточил в себя зелень травы и заковал воду в бочках и трубах. Я представляла звук, какой издает ледяная глазурь на ветвях деревьев или на развешанных повсюду бутылках, когда они стучатся друг о друга от порывов ветра.

Я думала о воде, о ее вечной изменчивости, думала о замершем мгновении, о движении, застывшем в кристалле льда. Недвижимость, тишина. Конец или начало.

Тупая боль проникла до самых костей, и я открыла глаза. День размашисто пылал за окном, понемногу превращая землю в прах. По покрасневшая от ледяной воды кожа ничего не чувствовала, ломило пальцы, но я так и не стала ближе к зимам архемира, не сумела представить себе всепоглощающий холод, а ведь такой был же когда-то, может, и до сих пор где-то есть. Мама рассказывала, что посреди Северного океана, где день длится полгода, а ночь властвует над

второй половиной, где шли самые кровопролитные битвы нефтяных войн, там, возможно, еще могли сохраниться крохотные островки льда. Они переносятся молчаливыми и неживыми волнами и хранят в себе воспоминания об архемире, медленно погружаясь в объятия воды. Это были остатки гигантского ледяного панциря, некогда лежавшего на северных возвышенностях земли, подобно огромному, неподвижному животному – хранителю материков.

А потом я выросла и начала доставать до книжек на высокой маминой полке. Мне хотелось прочитать все, что могло бы хоть как-то помочь представить себе исчезнувшие зимы. Дни и недели уходили на изучение незнакомых карт, фотографий и странных календарей, измерявших ход времени по Солнцу, а не по Луне. Они рассказывали о температуре, о временах года и о погоде, об утонувших землях и наступавшем на материк море – везде говорилось о воде, хотя книги не всегда были едины во мнении. Как-то я поинтересовалась у мамы (она называла себя научным работником), что все это означает. Ведь если научные работники думают по-разному, спросила я, то получается, что никто в точности ничего не знает? Она задумалась и ответила, что, во-первых, можно мыслить по-разному, а, во-вторых, иногда сложно сказать, какое мнение самое убедительное.

Понемногу становилось понятно, что в маминых книгах со всеми их схемами, чужими словами и подробными комментариями не было всего нужного. А мне хотелось знать, каково это – ощущать снег на ладони до того, когда он растает, или как выглядит лед в зимний день, когда слепит низкое солнце, рисуя четкие тени, но это приходилось искать в других томах. Высокая полка со всем ее содержимым разочаро-

вала, обещая многое, она не раскрывала самого главного. Да и что за радость, знать в подробностях структуру кристалла льда, если нет никакой возможности ощутить его холод или увидеть, как он сверкает?

Сейчас разговор родителей слышался отчетливо. Мама говорила так, когда взывают к разуму, отец отвечал коротко. Я поднялась, чтобы закрыть дверь: под ногами закрипели половицы, из окна прохладный воздух донес сосновый аромат. Огромный овод бился о сетку окна.

Из другого конца дома слышался сигнал о пришедшем сообщении. Я поднялась и пошла в прихожую, где на стене мигал красный огонек транслятора и надпись на экране: *«Кому: Нориа»*. Сняла прибор с подставки и положила пальцы на экран для входа в систему. Появилась фамилия Саньи – *Валама*. Вообще, это было несколько неожиданно, ведь Санья редко пользовалась транслятором. У их семьи был один общий аккаунт, и устройство они купили подержанным, так что оно чаще было сломано, чем в порядке, несмотря на все усилия Саньи или благодаря им. Выбрала «прочитать» и подождала, пока не высветится сообщение, написанное прыгающими буквами (как обычно!). Она написала: *«Приходи завтра и возьми с собой все свои TDK! ЭВРИКА!»*

«Эврика»... Это было одним из ее самых главных слов. Обычно оно означало, что какую-нибудь найденную на свалке вещь она пускала в дело. Подозреваю, что это не всегда могло совпадать с тем, для чего эта вещь предназначалась, но, признаться, мне всякий раз было любопытно: что же такое Санья выдумает. Написала ей, что увидимся завтра утром.

Я стояла совсем рядом с приоткрытой дверью на кухню. В воздухе пахло рагу из морской капусты, и я уже повернулась, чтобы пойти в комнату, как услышала слова мамы:

— ...почему бы тебе не рассказать ей обо всем, пока не слишком поздно?

Отец пробурчал что-то невнятное.

— Он мог бы позаботиться, чтобы нас оставили в покое, — продолжила она, — ведь если армия узнает... — Тут она понизила голос, и конца ее фразы я так и не расслышала.

Отец молча начал ходить по кухне взад и вперед, а когда он ответил, его голос прозвучал решительно:

— Я доверяю Болину ровно настолько, насколько можно доверять военному.

Это не было неожиданностью. Отец не сомневался, что большая часть армейских офицеров тащили все, что плохо лежит, и, на мой взгляд, в этом он не слишком ошибался, но ответ мамы удивил меня:

— Когда-то ты доверял ему куда больше.

Помолчав, он сказал:

— Давно это было.

Я не успела понять, что это значит, как мама что-то тихо произнесла, и я услышала свое имя.

— Но ведь я думаю о ней, — сказал отец. — Ты хочешь, чтобы она стала одним из чайных мастеров города? Они все — продавшиеся за грош армейские содержанки. А еще многие считают, что женщина не может быть мастером. Ее место — тут.

— Она могла бы получить другую профессию, — сказала мама.

А что же я, может, спросите у меня, чего я хочу?

— Неужели ты предлагаешь мне теперь нарушить семейную традицию? — возмущенно сказал отец.

Я не разобрала, что именно ответила мама, но ее голос стал тверже.

– Ведь речь идет не о дочери и даже не о сокровенном источнике, я говорю о твоём исследовании: тебе нужно добиться финансирования, – продолжил отец.

Мне стало интересно, я подошла поближе к двери. Мама была спокойна:

– Я не на их стороне, но хочу, чтобы они поверили, что это так. Ведь после катастрофы никто толком не занимался изучением водных ресурсов Утраченных земель. И если проект будет успешным... – Она понизила голос. Ее слова вновь размылись, мне удалось разобрать лишь конец последней фразы: – ...это менее ценным, чем твои стародавние убеждения и бессмысленные традиции.

Тут я испугалась, что родители услышат мое громкое дыхание.

– Возможно, тебе все это кажется бессмыслицей, конечно, ты же не мастер чайной церемонии, – отчеканил отец. – Есть непостижимые и недостижимые вещи – такие, как вода, а она, ты хорошо это знаешь, не принадлежит никому. И даже военные не имеют на нее никакого права. Так что мы просто обязаны сохранить тайну.

Тишина протянулась сквозь сгустившийся мрак, легла между ними и мной, стоявшей по другую сторону двери. И когда мама заговорила вновь, ее голос звучал все также кристально чисто:

– Если вода никому не принадлежит, какое ты имеешь право делать сокровенный источник своей собственностью? Ведь многие семьи строят нелегальные водопроводы, только чтобы выжить. Чем же ты отличаешься от офицеров Нового Киана, если поступаешь так же, как они?

Он не ответил. Я слышала мамины шаги и бросилась обратно к транслятору. Она вышла из кухни, увидела меня и остановилась.

– Я просто хотела прочитать сообщение и новости, – сказала я и, не оборачиваясь, ушла в комнату. Солнце по-прежнему висело на дымчатом небе в окружении лохмотьев света. Только я забралась в постель, как в коридоре скрипнули половицы и в дверь постучали. На пороге, вопросительно глядя на меня, стояла мама: я кивнула, и она вошла.

– Нориа, тебе не стоит притворяться, будто ты ничего не слышала, – сказала она, вздохнув устало. – Наверное, нам давно стоило поговорить с тобой об этом. Знаешь, о чем мы говорили, ведь так? – Она вытащила табурет из-под стола и села.

– Вы говорили о сокровенном источнике, – ответила я.

Мама кивнула:

– Времена становятся все тяжелее, но что бы ни случилось, каких бы решений мы с отцом ни принимали, ты должна запомнить раз и навсегда: все делается тебе во благо.

Я не смотрела на нее, делая вид, что ищу в книге место, на котором остановилась. Страницы казались ужасно тяжелыми, они не хотели переворачиваться у меня в руках.

– А что, если нам перебраться в город? Как тебе, скажем, Новый Петербург, или Мос-Куа, или Синджинь?

Я подумала о двух городах, где мне приходилось бывать, – Куолоярви на востоке и Куусамо на юге. Какое это было удовольствие ходить по запруженным людьми улицам посреди огромных зданий с крышами из солнечных панелей, где верхние этажи были полностью переустроены под гигантские фонари с прозрачными сте-

нами и теплицами внутри. Я пребывала в полном очаровании от множества ларьков на узких улочках, в них продавались всякая чудная еда и напитки – их терпкий и порой неприятный запах можно было уловить за много кварталов. С мамой мы зашли в датский квартал Куусамо и купили домой в качестве гостинцев кучу разноцветных пакетиков со сладостями. А еще отец повел нас в дорогой ресторан – я как раз окончила школу, – где подавали природную воду из разных уголков мира.

Конечно, такое хотелось увидеть заново, но потом мне вспомнились все эти высокие стены, пункты контроля, отделявшие улицы, всегдашних военных и комендантский час. Вспомнились и усталость, охватившая меня уже через два дня, и желание вырваться из толпы, и тоска по просторам, тишине и одиночеству. Конечно, побывать в городе было бы здорово, но жить там – никогда!

– Не знаю, – ответила я.

Мама пристально посмотрела на меня:

– А что, если ты не будешь чайным мастером? Пошла бы учить языки или математику или стала бы моим ассистентом.

Признаться, вопрос меня несколько озадачил, и я ответила:

– Чайная церемония мне знакома до мелочей, я училась этому всю свою жизнь. А чем еще я могу заниматься?

Мама долго молчала, но было видно, что она взволнованна – она хуже отца умела скрывать свои чувства. Наконец я нарушила тишину:

– Знаешь, в деревне есть один дом, помеченный знаком аквапреступления.

– А, синий круг? И что с того? – Она вздрогнула, как вздрагивают от страха.

– Что стало с жителями? – спросила я.

Мама посмотрела на меня, словно подыскивая слова:

— Никто не знает.

Она подошла ко мне и взяла за руку.

— Нориа, золотце мое, — сказала она и замолчала, будто решила не говорить то, что собиралась, потом погладила по голове и продолжила: — Я надеюсь... мы хотели для тебя другого будущего. Попробуй уснуть. Утро вечера мудренее.

— Доброй ночи, — пожелала я ей.

— Доброй ночи, Нориа, — ответила она, едва улыбнувшись.

Мама ушла, а я поднялась с постели и взяла с нижней полки стеллажа небольшой деревянный ящик. Через тонкий слой лака ощущались все неровности поверхности. Я повернула ключ в замке и подняла крышку.

В ней я прятала свою коллекцию найденных на свалке предметов архемира. Сверху лежали разноцветные отполированные камни и маленький кривой ключ с почти стершимися зубцами, затем три пластиковых прямоугольника с зубчатыми колесиками посередине и надписью «TDK». Они были обломаны по углам, изнутри торчала тонкая черная пленка. Мне всегда нравилось вытягивать изнутри TDK пленку и держать ее в руках — легкую и гладкую, точно волос, точно воздух или вода. Не знаю, зачем Сання просила взять «все свои TDK»! Никто из нас не имел ни малейшего представления о том, что это такое, для чего они служили в архемире, но я все равно хранила их — просто так, чтобы иногда потрогать черную поверхность пленки.

На дне ящичка поблескивал тонкий серебристый диск. В один из походов на свалку я прихватила его с собой, просто потому что он мне

понравился. Я взяла его в руки, чтобы еще раз доставить себе удовольствие. В его блестящей поверхности, лишь немного поцарапанной, можно было разглядеть свое отражение, а когда на нее падал свет от фонаря, то она начинала играть всеми цветами радуги. На обратной матовой стороне виднелись остатки какого-то текста и непонятные буквы: COM ST DISC.

Все завтра, а сейчас я убрала диск и TDK обратно, закрыла ящичек на ключ и сунула его в сумку дожидаться утра. И закрыла глаза, и увидела расстояние, отделявшее наш дом от того другого дома, с облупившейся краской. Синий круг на его двери смотрел в ночь недреманным оком – настолько пристальным, что оно могло пронзить насквозь. Расстояние было невелико, и, если смотреть долго, оно начнет сокращаться, пока дверь не окажется совсем рядом и можно будет услышать шаги внутри дома.

Или тишину.

Я свернула этот мысленный образ и попыталась забыть его, понимая, что это ненадолго.

Глава 5

На следующий день я въехала на солнцевеле во двор дома, где жила Санья. Ее мама Кира отрезала тяжелые от спелых семечек головки подсолнечника и бросала в здоровенную корзину. Младшая сестра Минья сидела на земле и пыталась заставить плоский камень удержаться на пирамидке из трех деревяшек. На ее голове болталась слишком большая старая москитная сетка, камень не хотел держаться и все время падал.

– Нориа! – воскликнула Минья, увидев меня. – Посмотри! – Рука на мгновение замерла в

воздухе, она показала на свою конструкцию: — Это колодец.

— Какой красивый, — сказала я, хотя это сооружение никак не походило на колодец.

Кира обернулась. Подол ее серого платья был испачкан чем-то желтым. Под москитной сеткой лицо Киры выглядело усталым и бледным в обрамлении черных, давно не мытых волос, одежда болталась на исхудалом теле. Но она улыбнулась и стала похожа на свою старшую дочь.

— Привет, Нориа! — сказала она. — Санья все утро поджидает тебя.

— Вот, мама испекла вчера целую гору пирожков из амаранта, — сказала я, доставая из сумки плетеную коробочку. — Держите, возвращать не нужно.

Ее лицо на мгновение стало жестким, но потом Кира снова улыбнулась:

— Спасибо. Передай маме большой привет. У нас, пожалуй, нет ничего, что послать в ответ.

Очередная головка подсолнуха упала в корзину. Вокруг витал сочный, густой аромат.

— Ничего страшного, — ответила я, почувствовав неловкость.

Кира взяла Минью за руку и, не глядя в мою сторону, сказала:

— Ну что, доченька, пора умываться. Пойдем, дам тебе поиграться с корабликом.

Минья взвизгнула, подскочила и бросила камень прямо в свою пирамидку. Деревяшки рухнули на землю, подняв вокруг себя пыль. Кира подхватила ее и пошла к дому с моими гостинцами.

— Увидимся позже, Нориа!

Я помахала Минье на прощание, но она не ответила, предвкушая игру с корабликом.

Мастерская Саньи находилась на другой стороне дома. Через сетку было хорошо видно, как она сидела около стола и в чем-то сосредоточенно ковырялась. Пришлось даже постучать по деревянной стойке.

– Заходи! – сказала Санья, не поднимая головы.

Я вошла, закрыла дверь и сняла сетку.

На столе был прибор, который она нашла несколько недель назад на свалке, – я сразу его узнала: угловатый, с окошком в передней части, странные сочетания букв и цифр, а еще второе окошко – сверху. Устройство было подключено двумя проводами к солнечному генератору в углу мастерской.

– Принесла? – поинтересовалась Санья. Она стянула волосы в пучок, на щеках играл румянец: конечно, она встала пораньше, чтобы разобраться с находкой, и все утро провела в мастерской.

Я отдала ей ящичек с TDK.

– Вот не пойму, для чего тебе они, – сказала я.

Санья исчезла под столом и тут же появилась с черным прямоугольником в руках. Кажется, я его уже видела несколько недель назад, когда приходила чинить бутылки. Она взяла со стола TDK, и я увидела, как эти предметы похожи друг на друга.

– Я тут все размышляю, для чего это устройство. Вроде как знаю, что на нем что-то слушали – тут, вон, динамики, как и на трансляторе, – правда, огромные и страшно древние, но принцип один и тот же. Смотри, сначала я решила приделать крышку, но заметила внутри два цилиндра, один из которых вращается. Вот эти штуковины, – она показала на прямоугольники, – лежали тут же рядом, и когда я на них посмотрела, то подумала, что углубление долж-

но быть сделано под них: дырки подойдут под цилиндры, да и форма в самый раз подходящая... Размер только не тот. — И она постучала пальцем по пластмассовой штуковине с буквами «TDK». — Вот, точно, они сделаны для такого же устройства, только куда бóльшего. Вот ведь не везет, так не везет: все совпадает, кроме размера! И тут я вспомнила, что ты любишь хранить всякие диковинки и что у тебя же есть эта штука — TDK!

Я начала понимать, к чему она клонит. Саня аккуратно разгладила мятую пленку, связала концы и смотала ее внутрь. Затем примерила TDK к углублению верхней части устройства.

— Не подходит, — разочарованно выдохнула я, но Саня перевернула TDK наоборот, раздался щелчок — TDK встала на место.

— Ха! — воскликнула она, и мы обе улыбнулись.

Саня прижала крышку и повернула рубильник солнечного генератора: спереди рядом с цифрами зажегся маленький зеленоватый огонек, похожий на светлячка.

— Нам осталось только сообразить, для чего все эти кнопки.

Сначала она нажала на ту, где был нарисован квадрат: открылся лючок, и больше ничего не произошло. Закрыв его, Саня нажала на кнопку с двумя стрелками: изнутри послышалось царапание. Она наклонилась поближе к устройству и внимательно прищурилась, пытаясь рассмотреть, что там внутри.

— Крутится! Ты только погляди! — воскликнула Саня.

И правда, устройство крутило пленку внутри пластиковой TDK, да еще так быстро, что понять, в каком направлении, не было никакой возможности. Вдруг раздался щелчок, стран-

ный звук, будто где-то заело, а потом еще щелчок, и – тишина.

– Поломался, что ли? – осторожно спросила я.

Санья наморщила лоб:

– Не думаю, может быть, пленка закончилась?

Она нажала на кнопку с одной стрелкой. Устройство застрекотало, из динамиков послышалось шуршание. Санья вздрогнула и обернулась ко мне.

– Слушай! – сказала она.

Из динамиков слышались только шуршание и потрескивание, и одновременно с ее лица постепенно сходила улыбка, точно облетающая сухая краска.

Время тянулось бесконечно, и шуршание утекало все дальше и дальше в мир, тайны которого оно не было готово открыть. Наконец Санья нажала на кнопку с квадратиком, и пленка остановилась. Она открыла лючок, достала TDK и сменила ее на другую, такую же, связав концы порванной пленки вместе.

Из динамиков все также раздавался один лишь бессвязный шум.

Мы по несколько раз вставляли мои TDK в устройство, гоняли их взад и вперед, переворачивали, но слышали только призраки голосов, погруженных навеки во время и в вечность, слышали *почти тишину*, которая была куда более удручающей, чем полная тишина. И если на пленках когда-либо и было что-нибудь, то земля, воздух, дождь и солнце уже давным-давно стерли с них даже последнее эхо архемира.

Санья молча смотрела на устройство.

– Я точно права. Эти подходят сюда, а его задача – передать звуки через динамики. Иначе

быть не может, по идее. Нам бы найти TDK с остатками звуков...

Она постукивала пальцами по крышке. Издалека слышались визг Миньи и успокаивающий голос Кыры. Я следила глазами за маленьким черным пауком, начавшим ткать паутину прямо над солнечным генератором.

– Может... может, найдется еще где-нибудь на свалке? – спросила я. – Или же они не предназначались на долгий срок службы – устройства архемира все такие хрупкие.

Черты лица Саньи словно заострились. Она подцепила ногтем квадратную крышку на верхней панели устройства и потрогала пальцем открывшееся круглое углубление. Потом перевела взгляд на мой раскрытый деревянный ящик на столе и серебристый диск с дыркой посередине. По размеру он выглядел подходящим. Санья посмотрела на меня – мы подумали об одном и том же.

– Можно? – спросила она.

Я кивнула.

Санья взяла диск и пристроила в углубление. Они словно были сделаны друг для друга, и даже небольшая выпуклость посередине точно пришлась в дырку. Санья слегка прижала диск, он щелкнул и зафиксировался. Она закрыла крышку и нажала кнопку со стрелкой: через окошко из прозрачного пластика стало видно, как завертелся диск.

Мы ждали.

Полная тишина.

Какое разочарование!

Тогда Санья предложила понажимать на все кнопки. Первая погасила светлячка и замедлила вращение диска – ее отжали обратно. Вторая ни к чему не привела. Когда нажали на третью, то из динамиков раздался хруст, от которого мы

обе вздрогнули, а потом мужской голос произнес на нашем языке:

«Путевой журнал экспедиции Янссона, день четвертый. Южный Трёнделаг, неподалеку от бывшей коммуны Тронхейм».

Потом голос сообщил дату, месяц и год. Санья начала кричать от радости, а я смеяться. Голос продолжил:

«День начался с измерения концентрации микробов в водах Доврефьеля. Пока еще получены не все результаты, однако создается впечатление, что они соответствуют результатам экспедиции Ютунхеймена. Ежели результаты имеют место быть, то наши оценки протекающего спонтанно процесса биологического восстановления являются куда более скромными, чем ситуация в действительности. Завтра мы высаживаем очистительные бактерии и продолжаем двигаться на север в Трёнделаг...»

На улице день постепенно начинал стягиваться толстой палящей коркой вокруг мастерской, оводы облепили защитную сетку, а мы все слушали голоса, дошедшие до нас из архемира. Иногда звук исчезал, потом выныривал, словно из ниоткуда, начинал заедать, а потом обнаруживалась новая дорожка — и все продолжалось. Санья не пыталась останавливать или перескакивать через скучные места. Звук ждал на диске несколько сотен лет, он был частью истории, уже почти погибшей в глубинах свалки. Мы не разговаривали, я не знаю, о чем в тот момент думала Санья, но я думала о тишине, о годах и воде, без усталости стирающей все и даже память. Я думала о необъяснимой цепочке событий, донесшей эти голоса из прошлого, из исчезнувшего мира до нашего иссушенного утра, до нас, вроде бы и понимавших все слова, но не осознававших и малой толики заключенного в них смысла.

Голос рассказывал об изучении вод, о заморах содержания микробов, о популяциях бактерий, о форме ландшафта. Случались и паузы, и тогда мы начали отделять друг от друга записи, в начале каждой из них голос объявлял очередную дату. После девятого дня голос умолк. Мы ждали продолжения, но его не последовало. Прошли долгие минуты. Мы посмотрели друг на друга.

– Да, жаль, что ничего больше нет, – произнесла наконец Санья, – жаль, что я не услышала для себя ничего интересного.

– Маме бы точно понравилось. Она без ума от всяких научных...

В динамиках что-то гроыхнуло. Мы замерли. Послышался женский голос:

«Некоторые считают, что я не должна этого делать, но им и не нужно знать». Женщина замолчала, откашлялась и продолжила: «Дорогой слушатель! Если ты военный, то можешь быть уверен, что я сделала все, чтобы уничтожить эти записи вместо того, чтобы передать их тебе. А если ты слышишь это, то весьма вероятно, что мне не удалось этого сделать». Говорившая сделала паузу, как будто размышляя, и продолжила: «Это случится позже, но не сейчас. Хочу рассказать нечто, что вам не понравится ни капли. Я знаю, что вы наделали и что собираетесь сделать. И если это зависит от меня, то весь мир узнает, что случилось на самом деле, потому что...»

Здесь речь оборвалась. Диск еще продолжал вращаться, но донесшийся из архемира голос пропал. Запись закончилась.

Мы с Саньей посмотрели друг на друга.

– Что это? – спросила я.

Санья прокрутила диск вперед и назад, попробовала даже перевернуть его, но мы поняли, что услышали все, что можно.

— Какой год мужчина назвал в самом начале?

Никто из нас не обратил на это внимания. Санья включила запись с самого начала, и, когда мы слушали, я увидела по ее лицу, что она думает о том же самом: этот диск не из времен эпохи архемира — мы ошибались.

— Запись сделана в Сумрачный век, — сказала я.

— Нет, это фальшивка... — неуверенно произнесла Санья. — Просто история, похожая на те, что в твоих книгах, или из приключенческой литературы — такую можно заказывать по одной главе на транслятор.

— Скажи-ка, почему там сначала был целый час ужасно скучной научной болтологии, а интересный кусок только в самом конце? — спросила я.

Санья пожала плечами:

— Может, просто плохо написано? Ведь и рассказы на трансляторе тоже часто не слишком занимательны. У отца есть несколько таких.

— Не знаю. — Я начала судорожно вспоминать, в каком месте свалки нашла диск.

С решительным видом Санья вынула диск, убрала его в ящик и закрыла крышку.

— Какая разница, в конце концов! Мы никогда не узнаем, что она хотела рассказать. Главное — архетехника работает! — воскликнула она.

Я же думала о неведомых зимах и исчезнувших историях, думала о знакомом языке и о запавших в душу странных словах. Думала о поливающем свалку дожде, о солнце — они медленно уничтожали все, что там было, и то, что там могло еще остаться.

Я была почти уверена, что вспомнила, где нашла диск.

– А что, если мы попробуем поискать еще дисков – вдруг найдем? – загорелась я. – Можно попытаться собрать весь рассказ, ну и что с того, что он придуман? Разве тебе не хочется узнать, чем там все закончилось?

– Нориа...

– Мы могли бы завтра пойти туда на весь день и...

– Нориа, – прервала меня Санья, – может, у тебя больше нет других дел, кроме как разливать чай и ковыряться в хламе, а у меня есть.

Где-то в доме заплакала Минья.

Неожиданно мы стали такими далекими, а ведь знали друг друга с тех самых пор, как, поддерживаемые мамами, сделали первые несколько шажочков. Если бы у меня спросили, я бы сказала, что ближе Саньи у меня никого нет – родители не в счет. Однако иногда она замыкалась, отворачивалась, становилась недостижимой, словно отражение или эхо: лишь след того, что только что было, но вот уже и он исчез. Я не понимала этих мгновений, но помешать им тоже не могла.

Сейчас она опять далека от меня точно сокровенный источник, точно загадочные зимы прошлого.

– Мне пора, – сказала я.

Убрав ящик в сумку, я подумала, что едва мы нашли тайный проход сквозь время и место в неизвестный мир, как он уже сгорел на солнце. Я надела сетку на голову и шагнула в палящий зной.

Всю обратную дорогу ремень от сумки тер плечо. Навалилась усталость. От пота намокла спина, слиплись волосы под сеткой. Запись на диске не давала покоя: «Экспедиция Янссона» – са-

ма эта фраза, словно из старой маминой книги. А потом голос, звучащий сквозь время, — неожиданный, спрятавшийся в бесстрастном путевом журнале, — женщина считала настолько важным свое послание, что записала его тайно и была готова скорее уничтожить запись, чем позволить ей попасть в руки военных.

Мне захотелось узнать, что именно значило для нее так много.

Уже издалека с дороги я разглядела чужих людей на нашем дворе. Если это гости чайной церемонии, то они пришли без предупреждения — надеюсь, что это не так. Отец очень не любил визитов, к которым не мог подготовиться должным образом. Всякий раз после них он брюзжал по несколько дней.

Я свернула в лесок и, спрятавшись за деревьями, попыталась разглядеть пришедших. И тут у меня перехватило дыхание: на гостях была синяя форма, а еще на гостевой парковке виднелся знакомый солнцекар. Во дворе с десятков военных переносили с места на место странные устройства. Чайный домик был огорожен забором, вокруг прохаживался солдат с саблей наголо. Мои родители стояли на крыльце дома, с ними разговаривал высокий человек в офицерской форме. Услышав мои шаги, он обернулся, и я сразу узнала его лицо.

— Вот так встреча, девушка, добрый день! — фамильярно приветствовал меня командор Таро и замер в ожидании моего поклона.

Глава 6

Они называли это обычной инспекцией, но ни о чем таком и речи не шло. Как правило, обычные инспекции проводили два солдата, и про-

должались они не более двух часов. У нас же на участке в течение двух недель круглые сутки присутствовали один старший офицер и шестеро солдат: двое охраняли, а четверо занимались обследованием дома и участка согласно строгому плану, постепенно переходя с места на место, исследуя каждый сантиметр с помощью плоских экранов. На них вырисовывались разноцветные фигуры, неровные края которых и постоянно меняющиеся формы напоминали географические карты.

Из маминых книг я знала, как работают эти устройства: они посылают в землю радиоволны, а экран их расшифровывает. Фигуры означали плотность и уровень влажности грунтов. Еще военные привезли с собой целый набор специальных буров и измерителей, а одна из них – немногословная женщина – ходила с двумя перекрещенными кусками металлической проволоки. Иногда она останавливалась, зажмурив на мгновение глаза, а потом начинала всматриваться в проволоку, словно ожидая чего-то. Родители сказали мне, что военные первым делом оцепили чайный домик, и теперь там проводился обыск с пристрастием, потому что металлическая лоза этой дамы шелохнулась в первый же день, указав на место под крыльцом.

Отец с грустью смотрел на гору из досок, растущую перед чайным домиком по мере того, как солдаты разбирали пол внутри.

– Его больше никогда не восстановить, – пробормотал он. – В нынешнее время такая доска – большая редкость, а хорошего мастера днем с огнем не сыскать, чтобы построить чайный домик по всем правилам.

В те дни родители почти не общались друг с другом. Их тяжкое молчание позволяло скрыть почти животный страх перед военными. Все бы-

ло похоже на неестественно спокойную поверхность воды: одно слово, одно движение камня на дне меняет все – и вот уже кольца пошли одно за другим, пока отражение не превращается в бесформенные блики. Мы разговаривали только по большой необходимости. Из-за присутствия военных между нами выросли невидимые стены, и разрушить их у нас не хватало решимости.

Вечерами я шла спать, сначала тайком убедившись, что приборы военных по-прежнему остаются на участке, а по утрам просыпалась в ужасе от мысли, что они собираются расширить поиски в сторону тундры. Я даже не могла спокойно позавтракать, не убедившись, что это не так. Мне снился сокровенный источник, и посреди ночи я просыпалась от гнетущего чувства, будто издалека – сквозь каменную толщу – до дома доносится шум воды. Всякий раз приходилось вслушиваться в тишину, пока сон вновь не одолевал меня.

Сначала я подумала, что мама просто для видимости интересуется приборами, чтобы унять нервное возбуждение. Шли дни, и я начала понимать, что за ее любопытством был действительный интерес, скрыть который никак не получалось. У нее явно чесались руки, так ей хотелось самой поработать с ними, узнать их устройство и применение. Прошло уже пятнадцать лет с ее последней экспедиции от университета Нового Петербурга, да и гражданские технологии всегда считались менее продвинутыми, чем военные. Так что она ни на шаг не отступала от солдат, выпрашивая то да се, а я по ее лицу видела, что она все запоминает, чтобы вечером, когда все разойдутся, спокойно записать услышанное. Отцу мамин интерес был явно неприятен, поэтому он замкнулся и стал избегать ее.

Казалось, все, что в те несколько дней оставалось невысказанным, постепенно стягивалось вокруг нас невидимой сетью, способной задушить, если только мы не сможем найти выход.

Санья – вот с кем нужно посоветоваться! Оставалось надеяться, что в прошлый раз мы не слишком рассорились, и, хотя я отправила ей три сообщения с просьбой заглянуть к нам, она не ответила ни на одно из них. Я даже не знала, что и думать, поскольку она не всегда отвечала. А тем временем, пока мама была увлечена оборудованием военных, а отец стоял у чайного домика, видимо, в надежде, что его присутствие хоть как-то ослабит разрушительный пыл солдат, я отнесла несколько стопок книг себе в комнату и принялась изучать их.

Меня мучило услышанное на серебристом диске. Казалось бы, я всегда более-менее ясно понимала, каков был архемир, точнее, как мало мы знаем о той эпохе. Эти все мои грезы о зиме и снеге – все это действительно было, но я никогда не сомневалась в том, чему нас учили в школе и о чем писалось в книгах. И я всегда считала правдой, что подавалось как истина, а остальное не имело никакого значения. Но вот загвоздка: а что, если все совсем не так? Что, если рассказываемые истории – это только осколки потемневшего и давно разбитого зеркала, или того хуже: вдруг кто-нибудь специально разбил зеркало, чтобы изменить его отражение? Голос на диске сказал: *«Я знаю, что вы наделали и что собираетесь сделать. И если это зависит от меня, то весь мир узнает, что случилось на самом деле».*

Я разложила все наши книги на полу, пока не отыскала две большие карты мира. Затем положила их рядом для сравнения: на одной был

показан архемир – эпоха холодных зим и тянувшихся к небу гигантских городов. Вторая изображала неомир – нашу эпоху.

Я смотрела на линии материков и океанов, изменившихся почти до неузнаваемости.

Всему виной были вода и соль!

Я смотрела на места поближе к нашим краям. Белое море на востоке от нашей деревни было куда меньших размеров, а озера и реки Скандинавской унии растворились в огромных водоемах, давным-давно стерев старые береговые линии.

И это еще не все.

Исчезнувшие острова, прибрежные низины, изъеденные солью устья рек. Огромные города, которые теперь повсюду возвышаются на дне моря, подобно молчаливым призракам прошлых эпох. На старой карте Южный и Северный полюсы обозначались белым. Да, я знала, что это были льды и их называли вечными, а потом оказалось, что они не такие уж и вечные. В конце истории архемира земной шар нагрелся, и поверхность океана поднялась быстрее, чем кто-либо мог предположить. Начались бури, сокрушавшие все на своем пути, люди бросали свои дома и начинали переезжать туда, где еще оставалась суша. Во время последней нефтяной войны случилась колоссальная катастрофа и водные ресурсы бывших Норвегии и Швеции оказались зараженными, а земля непригодной для жизни.

Последовало целое столетие, названное позже Сумрачным веком: нефть вычерпали, большую часть технологических достижений позабыли, выживание стало главным делом, а все, что считалось неуместным в каждодневной борьбе за жизнь, исчезло само собой.

Я вспомнила запись на диске. Мужской голос рассказывал о Тронхейме, Трёнделаге и Ютун-

хеймене. Они находились на зараженной территории – на Утраченных землях, как их официально именovala государственная пропаганда. Так, если экспедиция Янссона была на самом деле, то что она делала на Утраченных землях в Сумрачном веке? Туда же невозможно попасть, там небезопасно находиться! А может, права Санья, и запись на диске – это всего лишь увлекательно выдуманная история, фальшивка. Но в том-то все и дело, что мне она казалась правдоподобной, хотя лучшие истории – они именно такие: в них веришь, зная, что это всего лишь плод фантазии. И все-таки что-то в рассказанном смущало меня – да, в нем отсутствовала обычная для выдуманных историй форма. Все выглядело как часть живой жизни.

Много вопросов... Я закрыла книги и сложила их в стопку на стол, предварительно загнув уголки страниц.

Неожиданно, через шесть дней после появления военных, на пороге возникла Санья. Она пришла пешком из деревни с пустыми бутылками – с теми самыми, в которых я несколько недель назад принесла ей воду в качестве платы.

– Заходи, – предложила я.

– Отец сказал, что у вас тут целое нашествие в местном масштабе. С чего вдруг? – спросила она.

Санья сняла с головы сетку, я помогла ей снять прикрученные к спине бутылки.

– Они уверены, что у нас в подвале чайного домика вырыт тайный колодец, – ответила я. Мой голос прозвучал даже спокойнее, чем я ожидала.

– Давно можно было догадаться, что вы скрываете страшную тайну, – сказала Санья, и на ее лице появилась привычная гримаса. – Неуже-

ли им больше нечего делать, кроме как тратить время на такую ерунду? Кто-то попросту озлобился на твоего отца и хочет ему насолить.

Я натянуто улыбнулась. Похоже, Санья не собиралась вспоминать нашу недавнюю ссору, да и у меня не было особого желания: если и случается, что между нами пробегает кошка, то все образуется само собой.

– Ты не торопишься? – спросила я.

Санья покачала головой.

Я приготовила нам чай со льдом. Кубики льда глухо стукались о стенки глиняной кружки в потоке светло-зеленой прохладной жидкости. Мы уселись за стол, и я достала из шкафа купленные утром сухофрукты.

– Если бы только у нас была морозилка, – вздохнула Санья, отпив немного. – В том году я пыталась починить одну похожую на вашу, но она проработала всего пару недель, а потом вообще развалилась. Запчасти к ней пришлось бы везти из города, но тогда мы остались бы без еды на следующие два месяца.

– Ты не задумывалась о том, сколько всяких археустройств – таких, что еще вполне работают, – можно найти на свалке?

– И что тут странного?

– В школьных учебниках утверждается, что архетехнология была несовершенной и что таких устройств, как тогда, не имеет смысла выпускать.

– Так и есть. Большая часть из того, что можно найти на свалке, это просто хлам.

– А книги?

– Что – книги?

– Почему так мало сохранилось книг?

Я знала, что в доме чайного мастера хранилось больше книг, чем в любом другом. Родители мне рассказывали, что и в городах книги –

большая редкость. Их печатают мало из-за дороговизны бумаги, а изданий эпохи архемира вообще найти невозможно, не то что подержать в руках, если есть допуск в государственные библиотеки или – вообще редкость! – в военные архивы. В школах использовали лишь электронные книги.

– Ты же знаешь, что в основном книги хранились в больших городах, навсегда оказавшихся под водой, когда моря изменили очертания своих берегов, – сказала Санья.

– Все так. А видела ли ты когда-нибудь историческую книгу, написанную еще до Сумрачного века?

– Что толку от книги, где нет ни Сумрачного века, ни неомира!

– Ты же понимаешь, что все они просто не могли остаться под водой! Когда города оказались затопленными, почему спасли только часть книг, напечатанных в архемире?

– Откуда же мне знать?! – Санья развела руками. – Может, у них не было времени на это? Может, надо было спасать людей? Может...

Тут ее прервал крик с улицы. Я поднялась, чтобы посмотреть: один из солдат – такой коротышка в очках – размахивал руками, подзывая остальных. Не было слышно, что он сказал остальным, но, обменявшись парой фраз, все трое направились к чайному домику. Из окошка кухни домика было не разглядеть, и через мгновение они скрылись из вида.

– Что там такое? – встрепелась Санья.

– Не знаю, – ответила я испуганно.

А вдруг солдаты обнаружили что-то? Но ведь ни в доме, ни в чайном домике, ни даже в саду не было ничего такого, что могло представить для них интерес!

Меня словно окатило ледяной водой. Пожалуй, сейчас я впервые поняла, как мало мама с отцом рассказывали мне. А вдруг в чайном домике нашлась карта с указанием места источника? А вдруг отец сделал запись о нем в дневнике чайного мастера – пухлой книге с желтоватыми страницами, испещренной четким отцовым почерком, – иногда он дает ее мне подержать? Или что-нибудь содержалось в аккуратно расставленных в стеклянных шкафах гостиной книгах, где предыдущими поколениями чайных мастеров подробно описывался весь ход чайной церемонии? Я не знала. Мое воображение рисовало тысячу возможных вариантов, и все они имели плохой конец.

– Ты можешь не ходить туда, если не хочешь, – сказала я. – Скорей всего, пустяки.

Все же мы пошли вместе по перерытой лужайке, обходя ямы и кучи земли. Идти по вывороченным комьям было неудобно, даже как-то непривычно. Однако сад камней не пострадал, правда, на песке отпечатались следы солдатских сапог, и чайные кусты рядом с дорожкой зеленели как ни в чем не бывало.

Перед чайным домиком на краю огромной ямы, вырытой прямо посреди лужайки, я увидела своих родителей. Они не смотрели друг на друга, но казались в тот момент одним целым; они были похожи на каменные колонны или на сросшиеся стволы деревьев – такие я видела в Мертвом лесу много лет назад. Командор Таро и солдаты застыли на противоположном краю ямы. Я остановилась в двух шагах от родителей, Санья встала рядом со мной, точнее, я ее не видела, но ощущала ее присутствие.

Яма была настолько глубокая, что вечернее солнце не доставало до дна, однако это не мешало разглядеть на дне каменную кладку, яв-

но сделанную руками человека, а еще ниже поблескивала вода, словно слеза в глазу земли. Я попыталась прочитать хоть что-нибудь на лицах родителей, и тогда уже второй раз за короткое время они показались мне совсем чужими. Я не знала всего того, что знали они, и не знала, сколько они мне успели рассказать.

Солдат зачерпнул из ямы мутной воды специальной емкостью на телескопической трубе и подал Таро, тот приподнял сетку, окунул палец в воду и облизнул его.

– Кажется, на ваших землях имеется пригодная для питья вода, – медленно произнес он и пристально посмотрел на отца. – Могу предположить, что вы не знали о ее наличии?

– Если бы я знал, то разве скрыл бы это от вас? – ответил он, не отводя глаз.

– Вы и ваша семья, мастер Кайтио, свободны. Не сомневайтесь, мы будем держать вас в курсе всех последующих действий.

Отец медленно повернулся, собираясь уйти, затем посмотрел на маму, на меня, и тут его лицо переменилось: отец двинулся к Таро прямо по краю ямы. Солдаты попытались ему помешать, но командор жестом приказал им оставаться на месте. Отец подошел к Таро, и так они стояли напротив друг друга, между землей и небом, рядом с разгромленным чайным домиком, – лощеный офицер в синей форме и мой отец с проблесками седины в волосах, одетый в простое льняное одеяние чайного мастера.

– Послушайте, Таро, – сказал отец, – вы верите, что можно владеть всем, что ваша власть простирается повсюду, но есть вещи, которые заковать невозможно! Я еще буду танцевать на вашей могиле. И если не мое тело, то моя душа, освобожденная из телесной клетки, обязательно совершит это.

Таро немного повернул голову и, не отводя взгляда, произнес:

– Я вам так скажу, Кайтио, мы осмотрели здесь все во дворе, и теперь настал черед вашего дома. Рядовые Лиухала и Канто, проводите мастера Кайтио и его семью обратно и приступайте к обыску. Приказываю искать под каждым гвоздем!

Солдаты шагнули к отцу – он не шелохнулся. Мне показалось, что отец вот-вот ударит Таро, но он, посмотрев командору пристально в глаза, повернулся и пошел к дому. Солдаты не отставали. Мама, за все это время не проронившая ни слова, взяла меня за руку, и мы тоже отправились за ними.

Она шла медленно и, когда мы отстали на достаточное расстояние, прошептала:

– Я много раз исследовала участок и знаю, что здесь ничего не найти. Это просто дождевая вода, скопившаяся на дне давным-давно заброшенного колодца.

– Почему бы вам не сказать им об этом?

– Лучше, если они сами догадаются. Они останутся в дураках и уйдут ни с чем. Может быть, кто-нибудь из них даже попросит извинения.

– Только не Таро, – сказала я, вспомнив лицо командора, – этот точно ни в чем не уступит.

– Да уж, – вздохнула мама.

Когда мы вошли в дом, солдаты уже начали сбрасывать книги с полок, выворачивать ящики и вытаскивать их содержимое на улицу. У двери в кухню я увидела сгорбленную фигуру отца: он держался рукой за грудь и тяжело дышал.

– Все хорошо? – спросила мама.

Отец ответил не сразу, затем выпрямился, согнал боль с лица и произнес:

– Ничего страшного. Просто немного запыхался.

Позже я пыталась вспомнить, что сделала мама, пыталась найти в ее голосе или ее движениях подтверждение тому, что это был всего лишь вопрос, без подтекста. Потом я думала наоборот, искала доказательства тому, что она понимала больше и знала, что в тот момент отец в душе начал прощаться с жизнью. Пыталась и не находила никаких знаков, могущих убедить меня в том или другом. Между нами – пропасть, которую мне никогда не преодолеть, пропасть времени, изменений и неизбежных итогов, прошлое, которое останется навсегда таковым. И поскольку эту пропасть невозможно преодолеть, я должна идти по ее краю, должна позволить ей быть частью моей жизни, одной из темных трещин, существование которых невозможно отрицать и которые невозможно осветить.

Мама знала. Мама не знала.

А где же Санья? Она отстала на несколько шагов и не пошла в дом – надо бы ее проводить. Я оставила родителей смотреть, как солдаты переворачивают все вверх дном, и вышла на крыльцо.

Я увидела ее, стоявшую на дорожке в компании со светловолосым офицером, который часто сопровождал Таро и был, вероятно, его адъютантом. О чем они разговаривали, я не слышала, лица Саньи я тоже не видела, но держалась она напряженно. Офицер что-то сказал – Санья явно забеспокоилась, а заметив меня, вздрогнула.

– Мне пора, – сказала Санья то ли мне, то ли военному.

– Передавай своему отцу привет, – ответил тот и пошел к чайному домику.

– Это старый школьный приятель моего отца. Задавал всякие каверзные вопросы.

Когда я сейчас, после всего произошедшего думаю о ней, то этот эпизод встает у меня перед

глазами четче всех остальных. Я тщетно пытаюсь воссоздать другие образы, но все равно вижу, как она стоит у ворот, ее черные волосы прилипли ко лбу и щекам – такая худая и угловатая под льняным балахоном. На ее лицо падает резкая тень от сетки, а нас окружает нежный шепот ветвей деревьев и потом медленно уносит ее прочь.

Я не поднимаю руки.

Я не говорю ни слова, чтобы задержать ее.

Я стою и смотрю на плавный танец теней деревьев на ее спине и на руках, стою молча, не двигаясь, и она уходит, не оглядываясь.

Наконец через два дня военные свернули все свое оборудование и уехали. Коротышка в очках зачитал нам официальное постановление: «Обнаруженную воду признать дождевой, скопившейся в заброшенном подземном коллекторе. В ходе обыска ни в доме, ни в саду не выявлено признаков иной системы подачи воды, кроме смонтированного на законных основаниях и имеющего все соответствующие разрешения на эксплуатацию водопровода».

В довершение всего они сломали замок книжного шкафа в гостиной и вытащили оттуда на улицу три дюжины хранившихся в нем дневников предыдущих поколений чайных мастеров. Отец было запротестовал, увидев такое кощунство:

– Вы ничего важного в них не найдете! Это личные дневники нашего рода. Зачем же ломать, если бы вы попросили, я мог бы вам дать ключ от замка.

Солдаты, выносившие дневники, не обратили на его слова ни малейшего внимания.

Они оставили после себя перерытый сад и искореженный чайный домик. Отец обратился к присутствовавшему тут же Таро:

– Неужели вы собираетесь оставить все в таком виде? Вы же понимаете, как сложно найти кого-то, кто мог бы здесь все отремонтировать.

В глазах Таро зияла черная пустота – неподвижная и мертвая.

– Мастер Кайтио, я как представитель официальной власти Нового Киана обязан изучить все возможные свидетельства о наличии на объекте пригодной к питью воды. И не моя вина, если они окажутся ложными.

Так они и ушли, не попросив извинения, не выплатив компенсации.

Мне казалось, что после ухода военных все обрывается, но поразительная тишина, к которой мы даже успели привыкнуть, окружила нас неестественным спокойствием, словно неживая гладь воды.

Я ждала, когда шелохнется камень.

И когда пришло его время, оно случилось совершенно неожиданным образом.

После обыска прошло две недели, наконец из кухни опять послышались голоса родителей.

– Они все равно вернутся, – сказала мама, – они не отступятся.

– У них нет никакого повода, – ответил отец.

Мама помолчала.

– Все решено, – сказала она.

– Мы должны поговорить с дочерью, – ответил отец.

Я не успела вернуться к себе в комнату, поэтому сделала вид, что иду во двор. Отец вышел из кухни – я не глядя узнала его шаги – и встал за мной.

– Нориа! – позвал он тихо. Я остановилась и встретила с ним взглядом. В сумраке прихожей его лицо было покрыто сетью тонких серых теней. – Мать хочет с тобой поговорить.

Мы пошли на кухню, где мама сидела перед пустой чашкой. Мне показалось, что тени последовали за нами: они обволокли большой фонарь под потолком и приглушили его свет, они легли на мамино лицо, они проникли повсюду.

– Садись, дочка.

Я послушалась, отец сел рядом с ней. Они опять стали одним целым, как тогда у ямы, словно две каменные колонны, словно сросшиеся стволы деревьев...

– Мы говорили о тебе. Нам хочется обеспечить тебе безопасную жизнь, но у нас разное мнение о том, какой она должна быть. – Она замолчала и вопросительно посмотрела на отца.

– Нориа, если ты не хочешь стать чайным мастером, то настало время сказать «нет». Я уверен, что, после того как Таро перерыл здесь каждый сантиметр, он оставит нас в покое. Вряд ли ему придет в голову пойти искать источник в сопке, а даже если и придет, то источник укрыт настолько надежно, что найти его невозможно. Так что мы здесь в безопасности, но твоя мать считает иначе.

– Таро не остановится на полпути, – сказала мама. – Жизнь не вернется на круги своя, потому что они подобрались куда ближе, чем ты думаешь, Нориа.

– Но ведь они даже не смотрели в сторону тундры, – сказала я.

– Есть кое-что, о чем ты не знаешь. Расскажи ей, Микоа.

– Тебе известно, что мы расходуем больше воды, чем другие семьи, – начал отец. – Ты также знаешь, что часть ее – это выдаваемая нам военными еженедельная норма, а часть мы берем из горного источника. Думаю, ты заметила разницу.

Конечно, я знала. Наша вода для чайной церемонии всегда свежая, как только что набранная из источника. Это часть искусства мастера чайной церемонии. Отец приучил меня пробовать воду на вкус и выбирать для чая только самую чистую, если только имелась такая возможность. Обычно мы пользовались той, что поступала к нам по водопроводу: в начале месяца она была тухловатой и пахла рыбой, как обычная очищенная морская вода, в конце же месяца вкус становился получше. Мы не экономили на воде, как другие, она у нас никогда не заканчивалась, и нам не приходилось покупать воду в тридорога на рынке.

— Я не понимаю, — сказала я, — если в начале месяца мы расходует ту, что нам выдают, а в конце — воду из горного источника, то как они могут литься из одного крана?

— Слишком тяжело таскать воду на себе, — ответила мама. — Нам потребовался бы большой солнцекар и бочки, да и ездить пришлось бы постоянно. Кто-нибудь обязательно заметил бы, что мастер чайной церемонии по многу раз в неделю возвращается из тундры с наполненными бочками. Это вызвало бы подозрения. Никто знает, когда был проложен водопровод — записи нет ни в одной книге, но он действовал уже во времена отца Микоа. Построивший понимал, насколько велика опасность оставлять даже малейшее письменное упоминание о нем. Водопровод построен искусно: он выходит из глубины сопки, надежно зарыт в землю и подсоединен к государственной трубе так далеко от нашего дома, что его не найти, если обследовать землю на нашем участке. Единственная опасность в том, что его надо открывать и закрывать вручную и делать это приходится в пещере. Нам просто повезло, что он был перекрыт, когда здесь появились военные.

– Этот водопровод спрятан так же надежно, как и сам источник, – заметил отец. – Обнаружить его практически невозможно, если не знаешь его местонахождение.

– Они умеют искать, и у них умные приборы.

– У них нет причин, чтобы вернуться.

– У них нет причин, чтобы не вернуться!

Родители замолчали. А потом отец сказал, глядя мне в глаза:

– Твоя мать уверена, что оставаться здесь небезопасно.

Он бросил на нее быстрый взгляд. Я увидела, что она хочет что-то сказать.

– Мне предложили должность в университете Синджиня, и я согласилась.

– Мы переедем в Синджинь?

Я не знала в точности, где находилось это место, но была уверена, что где-то далеко, на юге Нового Киана. Путешествие через весь материк даже на самых быстрых поездах потребовало бы несколько недель пути. Родители переглянулись.

– Ты уже совершеннолетняя, и поэтому мы не можем решать за тебя, – сказала мама. – Хочешь поехать со мной или останешься здесь с отцом? Нет необходимости решать сразу, но я должна буду уехать еще до праздника окончания года, так что времени у тебя на размышление – всего месяц.

Я посмотрела на нее, потом на него. Мне вдруг стало трудно дышать. В деревне рядом с меченным синим кругом домом, проходя мимо которого люди ускоряли шаги, стояли солдаты, правили свои сабли и не слушали мольбы о помощи. В любой момент они могут вспомнить о нас, если вообще забыли. Откуда мне было знать, кто из родителей прав, поэтому я не знала, остаться мне или уехать.

Как же быть? Я боялась, что любое мое слово окажется окончательным, но тишина казалась куда более страшной.

И я рассказала, что буду делать.

Глава 7

Ранним утром восьмого дня восьмого месяца мы погрузили мамины сундук и дорожные сумки в солнцекар, за аренду которого отец обещал привезти Юкара питьевой воды. Родители уселись на переднее сиденье, я пристроилась на заднее под тент, и мы поехали по направлению к Куолоярви.

Запах, исходивший от солнцекара, пробудил одно давнее чувство: я вспомнила, когда мне было совсем мало лет, что-то около одиннадцати, стояло такое же чудесное утро. Чудесное от того, что мы ехали с родителями в город... А вот и то самое сине-фиолетовое пятно на потертой обивке сиденья... Помню, как уронила черничное мороженое, когда мы возвращались из школы. Родители тогда жутко рассердились, и мне пришлось долго оттирать сиденье, пока не стало ясно, что отчистить его до конца не получится.

Я на мгновение ощутила себя кианской шкатулкой с большим количеством донышек или пустотелой куклой с множеством кукол поменьше внутри, какие делались в эпоху архемира. Представила, что во мне скрывается много копий меня, одна другой моложе, и все они болтают ногами, потому что не могут достать до пола и не могут представить ни дня без родителей рядом с собой на расстоянии вытянутой руки, а если и могут, то тут же отбрасывают эту мысль.

До Куолоярви мы ехали почти три часа. Скоро дорога вышла к морю, и природа кругом не-

заметно изменилась. Позади остались деревня и сопка Алвинваара, потом мы проехали мимо лесов на орошаемых землях – темно-зеленая полоса слева с рвущей горизонт стрелчатой верхней линией. Эта часть пути всегда была моей самой любимой. В детстве я мечтала повернуть солнцекар в лес и остановиться в тени высоких деревьев. К счастью, я достаточно рано узнала, что делать этого нельзя, поскольку леса находятся под усиленной охраной, куда доступ гражданским запрещен – это же касалось полей и нескольких оставшихся озер с пресной водой.

Вскоре мы увидели сверкающий, похожий на волны силуэт Куолоярви с высокими зданиями, облепленными солнечными панелями, затем прямо на берегу моря показались опреснительные станции – гигантские мрачные сооружения, похожие на древних каменных гигантов, о которых ходили дурные слухи. Даже дороги к ним охранялись, и мне приходилось слышать, что людей арестовывали только из-за того, что они по неосторожности оказывались слишком близко от этих станций.

Наступил полдень, когда мы добрались до города. Уже издалека виднелось большое скопление военных. Обычно въезд в город охранялся для видимости и людей редко когда досматривали, но сейчас туда стояла длинная очередь из солнцекаров, а рядом две такие же из тех, кто пришли пешком. Мы заняли свое место. Перед шлагбаумом нам дорогу преградил военный в синей форме.

– Цель вашего приезда? – спросил он.

– Я отправляюсь в Синджинь, – ответила мама. – Моя семья приехала проводить меня на вокзал.

– В Синджинь? Вы по казенным делам?

– Да. Меня пригласили на должность в местный университет.

– Предъявите проездные документы, личный номер и письмо, подтверждающее ваше назначение в университет!

Мама порылась в сумке, нашла транслятор, зарегистрированный университетом на ее имя, и приложила ладонь к экрану для активации: на экране появились ее личный номер и бронь на билет. Она протянула транслятор военному, а также написанное на бумаге письмо, присланное из университета Синджиня. Тот был явно под впечатлением от увиденной настоящей бумаги, но ничего не сказал, а только кивнул отцу и мне:

– Ваши удостоверения личности?

– Боюсь, что не взял с собой. Кажется, раньше для въезда в город не требовалось брать с собой личных документов. Какие-то сложности?

– У нас имеются соответствующие распоряжения, – довольно сухо сказал тот. – Попрошу отпечатки ваших пальцев.

Он протянул нам мультитранслятор, и мы по очереди прижали пальцы к экрану, на котором высветились столбики цифр и наши имена. Отец отдал транслятор обратно, и военный сделал какую-то отметку.

Просмотрев данные, он сказал:

– Мастер Кайтио, вы и ваша семья можете проходить. На обратном пути вам и вашей дочери надлежит сообщить о своем убытии.

Отец кивнул, сжав губы в ниточку, и мы поехали дальше.

До этого я всего несколько раз бывала на железнодорожном вокзале в Куолоярви. Он находился в стороне от основных транспортных путей: корабли шли в Скандинавскую унию гораздо

южнее, мимо Карельских островов, через Ладожский залив Балтийского моря. Путь было всего четыре. Поезд дальнего следования уже подали, на локомотиве красовалась изящная надпись – «Сверкающий угорь». На перроне стояли всего несколько пассажиров с котомками и провожающие. Мы помогли маме устроиться в купе. До отправления оставалось еще достаточно времени, но она сказала: «Не провожайте меня. Я пришлю вам сообщение, как доберусь до Нового Петербурга».

Оттуда поезд пойдет на Урал, а там через весь Новый Киан в Синджинь. Я подумала, сколько всего могла увидеть, если бы согласилась поехать, – все то, о чем до сих пор только приходилось слышать: огромные прибрежные плантации морских водорослей и заводы, производившие из них топливо, гигантские рощи гевеи, оранжереи для выращивания огневок, морские суда и шикарные общественные чайные в городах. А там, где-то под волнами, колыхающимися подобно вечным облакам, лежали некогда стремительные, а теперь призрачные и немые, точно воспоминания, города эпохи архемира.

На прощание мама поцеловала меня.

– Я напишу с дороги, – сказал она. – Новый год начнется всего через несколько месяцев, и я обязательно приеду погостить.

Вместо ответа я долго не выпускала ее из объятий, а потом вышла на улицу и через окно наблюдала, как они с отцом о чем-то разговаривают: их губы двигались, выражение лиц менялось, но толстое оконное стекло не пропускало слов. Напоследок они обнялись, а я никак не могла понять, почему они так хотели разорвать свою жизнь надвое.

Я отвернулась.

В здание вокзала вошел мужчина с серым лицом, неся на плече огромную сумку. Неподалеку от входа прогуливалась группа военных, мерно ставя ноги в тяжелых сапогах на пыльные камни и держа руки на рукоятках длинных сабель. Маленькая девочка в синем платье, что-то напевая, прыгала через скакалку, а ее мать грызла рядом семечки, то и дело поглядывая на часы.

Отец вышел из вагона.

— Пойдем? — спросил он.

Я еще раз посмотрела на маму. Она сидела у окошка вагона — такая бесцветная этим ярким солнечным днем, точно старая фотография в альбоме. Мы пошли, а она все смотрела нам вслед и — я уверена — смотрела еще долго после того, как мы исчезли из вида. Если она и хотела отказаться от поездки, выйти из поезда и вернуться с нами в домик чайного мастера, то она этого не сделала.

Прежде чем отправиться домой, мы решили зайти на местный рынок. Нам нужна была лавка, где торговала высокая, смуглая и немного сутулая женщина. Ее звали Изельда — я помнила ее с детства. Отец попросил показать нам лучшие сорта чая, какие только у нее были. Хозяйка положила на стойку три маленьких тряпичных мешочка и открыла их. Сначала я подумала, что отец собирается осмотреть каждый по очереди, но он вдруг кивком показал, чтобы это сделала я. Это был первый раз, когда мне позволили самостоятельно, без чужой помощи выбрать чай.

Я брала по отдельности каждый мешочек. Листья чая в первом были темно-зеленые — почти черные — и длинные, у них был немного сладковатый аромат. Во втором — ярко-зеленые листья, связанные в бутончики, — они должны

раскрываться в горячей воде. У этих аромат был свежий и легкий — я даже представила, как они развернутся, как раскроется их аромат, если их заварить в воде из источника. В третьем зелень была с оттенком серебра, а листья скручены в форме капель — то, что я искала: аромат *тёк* — иначе и описать невозможно. В нем соединились тона свежесобранного чая, влажной земли и ветра, обдувающего ветки чайного куста, рождающего едва уловимый аромат, переменчивый, мерцающий, точно отблески на поверхности воды или как тени: он то казался сильным, то вдруг исчезал в никуда и возвращался вновь.

— Этот, — сказала я, протягивая мешочек отцу.

— Сколько? — спросил он у Изельды.

Она назвала стоимость одного *ляна*, как это принято у торговцев чаем. Услышав цену, я не сомневалась, что отец откажется, однако его лицо осталось невозмутимым, и он назвал меньшую стоимость, предлагая Изельде поторговаться, но она с любопытством посмотрела на него и кивнула головой.

— Мы возьмем *пол-ляна*. Этого должно хватить для церемонии посвящения, — сказал отец.

Он достал из сумки пустой мешочек, и Изельда отмерила в него нужное количество чая. Еще мы взяли два *ляна* другого чая — подешевле — для менее праздничных церемоний, потом еще каких-то специй и продуктов, которых не продавали в деревне.

На обратном пути я старалась не смотреть на пустое переднее сиденье солнцекара. Смотрела назад — туда, где остался город, смотрела на уходящую назад пыльную равнину и удаляющуюся тонкую полоску моря на горизонте, сверкающую в лучах вечернего солнца, словно чешуйчатая кожа гигантского дракона.

Отец полностью сосредоточился на подготовке обряда моего посвящения. Он позвал нескольких мужчин из деревни подсобить ему с восстановлением чайного домика и сада. Ян, отец Саньи, тоже вызвался. Он внимательно присматривался к настоящим доскам и дорогому инструменту, заказанным отцом в городе; Ян был рукастым, только ему редко удавалось поработать с хорошим материалом. Отец проводил все время на стройке, а я тем временем прибиралась в доме и собирала поспевший урожай. Наши ягодные кусты и вишневые деревья немного пострадали при обыске, а вот грядка с овощами – та вообще была перерыта солдатами. Хотя кое-что осталось, так что работы хватало: из крыжовника сварить варенье, вишню и сливы засушить на зиму, из подсолнуха и амаранта вытряхнуть семечки, миндаль – собрать, пастернак и морковь – убрать. А еще нужно заказать у пекаря пирог, проверить состояние бутылок, сшить у портного одеяние чайного мастера для меня и каждый день по разу проходить весь ритуал посвящения от начала до конца.

Казалось, отец решил больше не говорить о мамином отъезде. На четвертый день он увидел меня с тряпкой и ведром, открывающей дверь в ее комнату, и сказал:

– Не нужно.

Я посмотрела на него и отвернулась, потому что не хотела видеть его лица.

– Пускай все останется, как есть.

– Если ты так считаешь, – ответила я и подумала, что все не может так оставаться, не может, как бы я или он этого ни хотели. Пыль скапливается вокруг ножек мебели, пауки плетут сети в углах, и книжные страницы желтеют в молчании. Стекло в окнах незаметно стекает вниз, природа за окном меняется каждый день: свет

падает под другим углом, ветер треплет ветви деревьев быстрее или медленнее, зелень покидает листву, а по стволам деревьев бегут новые муравьи. Мы не видим, как все это происходит, и если на время отвлечься, то потом уже не признать того, что видел когда-то. Этот дом стал другим после отъезда мамы, и мы оба это знаем.

С дороги мама посылала нам сообщения, окрашенные настроением путешественника, дивящегося увиденному в большом мире.

«Мне никогда раньше не приходилось видеть такого огромного порта, – написала она из Нового Петербурга. – За 15 лет город вырос чрезвычайно. Ах, кого только не встретишь в поезде! Вчера ужинала за одним столом с семьей из пяти человек: они прибыли на корабле из Пиренеев и направляются на Урал. Уверена, что единственная причина, мешающая им выбросить своих беснующихся детей из поезда, это присутствие военных. Думаю о вас. Обнимаю, Л.»

Ты думаешь о нас гораздо меньше, чем мы о тебе. Перед тобой открыт весь мир, в нем нет наших следов, и они никогда не смогут медленно исчезнуть. А здесь только дом, где нет тебя, и мы бережем твои следы, чтобы они сохранились здесь надолго, чтобы ты признала их, когда решишь вернуться. Если вернешься.

В то утро я проснулась рано. Церемониальная одежда чайного мастера висела на плечиках на карнизе перед открытым окном, слегка покачиваясь на ветру. Ее время еще не настало. Накануне отец сообщил, что после завтрака мы сходим в тундру, конечно, за водой для чайной церемонии моего посвящения, но я знала, что

речь идет о чем-то другом, иначе зачем я ему понадобилась. Я надела свою обычную одежду и походные башмаки на толстой подошве, позавтракала сваренной отцом пшенной кашей, налила в бутылку воды и положила в карман немного еды. Выходя на улицу, взяла с собой москитную сетку.

Отец разравнивал граблями сад камней. Нанятые им работники успели привести все в должный вид, оставалось совсем немного – сущие мелочи. Лужайка и сад выглядели, как и прежде, если не считать нескольких стершихся волн на песке. Чайный домик пострадал больше всего, часть пола даже пришлось заменить, и теперь разница между старыми и новыми досками бросалась в глаза. Все было в полном порядке и пригодно для церемоний. Глядя на это, я вспомнила слова отца о том, что несовершенство, недостатки и перемены являются частью чайного мастерства, что им следует отдавать должное равно как идеальному и незыблемому.

Отец увидел меня и с восхищением произнес:

– Тебе суждено стать гораздо лучшим мастером чайной церемонии, чем я даже могу себе представить.

Он вышел из сада камней и стер граблями следы за собой. Волны окружили грубые камни, словно молчаливое морское дно.

– Пойдем, нам предстоит длинный день.

Мы пошли в тундру тем же маршрутом, что и в первый раз, когда отец отвел меня к сокровенному источнику. Однако на склоне сопки вдруг повернули в другую сторону, затем прошли еще немного и остановились перед извилистой трещиной с гладкими стенками, на дне которой были камни и песок.

– Как ты думаешь, что это? – спросил он.

Конечно же я знала. Такое мне приходилось видеть и раньше.

— Русло высохшего ручья, — ответила я. — Судя по густым мхам на камнях, там давным-давно уже не течет вода.

— Молодец, умеешь подмечать детали, но ты должна научиться еще кое-чему. Наверное, мне следовало давно рассказать тебе о тайном знании чайного мастера, но традиция такова, что оно переходит от учителя к ученику именно в тот день, когда последний становится мастером чайной церемонии. У источника ты поймешь, что я имею в виду.

Мы повернули обратно к пещере. Отцу было интересно, сумею ли я найти дорогу к входу в форме кошачьей головы. Это не представляло особого труда, ведь места эти мне были знакомы с детства. Затем от меня потребовалось найти тайный рычажок, открыть лаз в потолке пещеры и пролезть первой в проход к источнику. Отец шел следом, передав мне один из фонарей. Шум источника становился все отчетливей, чем ближе мы подходили к нему, а потолок и стены становились все более влажными.

Наконец мы вошли в пещеру: вода вырывается из расщелины мощными струями, искрящимися на фоне темных камней, и уходит вновь в глубь горы. Я встала на краю озерца, отец же обошел его и поставил фонарь у самой кромки воды. В глубине виднелось белое пятно — я смутно припомнила, что видела его и в первый раз. На высоте полуметра от поверхности воды в скалу был вбит металлический стержень с остатками белой краски. В полумраке я его почти не видела.

— Вот, смотри, здесь та часть работы чайного мастера, что сокрыта от глаз остальных, — произнес отец. — С давних времен чайные масте-

ра считаются хранителями воды, и в прошлом, как говорят, каждый мастер имел свой собственный источник. Они обладали разными свойствами: вода в одном излечивала, другая продляла жизнь, третья дарила умиротворение. Вкус тоже различался. Люди даже специально приезжали издалека, чтобы насладиться чаем, приготовленным на воде из определенного источника. Чайному мастеру следует следить за чистотой воды и за тем, чтобы она расходовалась умеренно.

Лицо отца было похоже на истонченную временем бумагу, на которой тени пещеры и отблески фонаря боролись между собой.

— Ты ведь знаешь, что в эпоху неомира почти все источники иссякли, оставшиеся экспропрированы военными. Возможно, где-то еще есть сокровенные источники, но мне это неизвестно. Наверное, этот — последний.

Между нами повисла простая весомость сказанных отцом слов. Он поставил фонарь у самого края и посветил: в воде почти у самого дна был виден еще один выкрашенный белой краской металлический стержень.

— Видишь этот знак? — спросил он.

Я кивнула.

— Если поверхность воды опустится ниже его, это означает, что случился перерасход и источнику нужно дать отдохнуть и набраться сил. Задача чайного мастера в том, чтобы проследить за тем, чтобы это было сделано.

— Как долго источник должен отдыхать? — спросила я.

— Несколько месяцев, — сказал отец. — В любом случае чем дольше, тем лучше. Я всегда стараюсь быть аккуратным, потому что при моем отце такое случалось дважды, и в обоих случаях

он давал источнику отдохнуть целый год, пока он полностью не восстанавливался.

— А вот этот второй знак? — спросила я, указав на стержень над поверхностью воды.

— Он не менее важен и требует постоянного наблюдения. Если вода поднимется до этого уровня, ее нужно срочно сбросить по водопроводу в дом, иначе пересохшее русло, которое мы видели, станет заполняться водой. При мне такого не случилось, но все возможно, если перестать понемногу пользоваться водой.

— Как быстро?

— Не могу сказать в точности, думаю, что вода просочится на поверхность через пару месяцев.

Мне стало понятно, почему он так часто ходил в тундру.

— Нориа, тебе следует научиться регулировать уровень воды и пользоваться водопроводом. Пока я не стану возлагать на тебя всех обязанностей, но отныне мы с тобой будем по очереди проводить чайную церемонию в этой деревне. Помни, что однажды все перейдет тебе, так что запоминай все мои наставления.

Отец подошел к стене пещеры, поднял фонарь и подозвал меня жестом. В стене виднелась повернутая влево ручка.

— Вот этим краном можно регулировать подачу воды в наш водопровод. Сейчас он закрыт, потому что еще не израсходована месячная норма и уровень воды не слишком высок. Сегодня мы все же откроем кран, поскольку для церемонии посвящения нужна природная вода, да и уже середина месяца. Давай, попробуй сама.

Я взялась за ручку и повернула ее вправо. Вода в озере вздрагивала, словно беспокойное животное, и, хотя никакой перемены в ее движе-

ниях не случилось, мне показалось, что к шуму воды примешался еще и другой звук.

— Ну вот, теперь в дом поступает горная вода. Обычно я делаю это через две недели, потом закрываю кран, жду две-три недели и снова открываю его. Самое главное — это ходить сюда регулярно, проверять уровень воды и регулировать ее расход. На следующей неделе твой черед, — сказал он, наполняя принесенные с собой бутылки прямо из источника.

— Скажи, что произойдет, если источник пересохнет и не восстановится? Если не будет воды? — спросила я, когда мы уже выбрались из пещеры и шли к дому.

— Станем жить на воде из государственного водопровода, как и все остальные. Нормы хватило бы. Сад пострадает, но особой беды не случится.

Он замолчал. Солнце на небе выглядело уставшим от наступившей осени, но день был еще вполне жарким. Вокруг нас кружились тучи насекомых. Отец смотрел в сторону горизонта, но я чувствовала, что он хочет что-то сказать мне.

— Чайные мастера эпохи архемира знали великое множество историй, — произнес он тихо. — Хотя большая часть их уже позабыта, одна вписана в каждый из тех дневников чайного мастера, что хранятся у нас дома. История эта о том, что у воды есть разум и память, что она помнит все, что когда-либо случалось в мире — с той самой эпохи, когда человека еще не было и до этого мгновения, оставляющего свой след в ее памяти. Вода чувствует, как трепещет мир, она знает, когда ее ищут и когда она нужнее всего. Случается, что источник или колодец пересыхает без какой-либо причины, словно вода уходит по собственной воле, убегает в тайные

пустоты земли в поисках нового русла. Чайные мастера верят, что бывают времена, когда вода попросту не хочет, чтобы ее нашли, поскольку знает, что окажется в заточении, а это противно ее природе. Так что если источник пересыхает, это имеет некий тайный смысл, противостоять которому не следует. Далеко не все в этом мире принадлежит людям. Чай и вода не принадлежат чайным мастерам – наоборот, чайные мастера принадлежат чаю и воде. Мы – хранители воды, но прежде всего мы ее служители.

Остаток пути мы проделали молча. Под ногами хрустели камушки. Со стороны деревни донесся запах костра.

– Ты выглядишь счастливой, – сказал отец, улыбнувшись. – Это хорошо. Сегодня настало время тебе быть счастливой. Смотри-ка, пока мы ходили за водой, от пекаря уже прислали сладости. Пожалуйста, принести их на кухню!

Я кивнула и пошла к воротам, где стояли сложенные друг на друга три коробки. Обернувшись, я увидела отца: он стоял как будто надломленный неожиданной болью, но день был прекрасный, и мои мысли витали где-то в другом месте. Пахнуло свежей выпечкой. Больше оборачиваться я не стала.

Глава 8

Воспоминания облечены в свою форму, она не всегда совпадает с тем, что произошло на самом деле. Когда я думаю о том дне, мне начинает казаться, что предзнаменования были повсюду, только я их не замечала и не понимала. Однако теперь это слабое утешение. В архемире предсказатели гадали на чайной гуще, но ведь это просто размокшие чайные листья, просто

темные остатки навсегда застывшего прошлого. Память же, наоборот, скользкая и расплывчатая, и ее линиям нельзя доверять.

Я помню, как стою в комнате. Капельки сбегают с мокрых волос по груди и по спине между лопаток. Моя одежда чайного мастера лежит на кровати, в нее я буду облачаться для церемоний, пока она не износится. Одежда похожа на ни разу не надеванную или уже сброшенную кожу, она ждет, чтобы ее наполнили движением, дыханием и смыслом или же опустили в могилу. Самое острое воспоминание – это свет за окном: полыхающие пожаром небеса и раскаленный добела день, но и тот вскоре погрузится в холод ночи, и мой мир станет другим. Может, такое и невозможно, ведь я видела слепящее солнце и раньше, и после, но тот день моей жизни все равно теперь просто воспоминание, и только так я могу его наблюдать. Его неизменность более недостижима для меня.

Помню, как оделась. Одежда показалась мне немного жесткой.

Помню, как убрала назад тяжелые мокрые волосы и закрепила их.

Не помню, как шла до чайного домика, но я должна была это проделать, ведь идти я могла только туда.

Отца что-то тревожило. Я почувствовала это сразу, как только он вполз в домик через вход для гостей и начал осматриваться. Возможно, что-то было не так, может, я по неведению совершила ошибку, но церемония уже началась, и ее невозможно прервать. В домике на подушках у задней стены сидел приглашенный из Куусамо мастер Нийрамо. Мне полагалось подождать, пока отец не усядется рядом с ним, и затем продолжить церемонию. На церемонии

посвящения следовало присутствовать двум старшим мастерам – учителю посвящаемого и еще одному стороннему мастеру. Мастер Нийрамо проводил чайные церемонии в Куусамо, а еще он был в хороших отношениях с местной военной администрацией. Хотя отец и не слишком ценил его мастерство, но в праздник лунного года найти незанятого мастера всегда сложно – они предпочитают в это время оставаться в городах, а Нийрамо согласился приехать по просьбе майора Болина.

Из окна в крыше над очагом падал косой свет, отбрасывая резкую тень на лицо отца. В домике витал легкий аромат чая, воды и дерева. На полу рядом с потемневшими и отполированными временем сосновыми досками виднелись совсем свежие, на поверхности которых время еще не успело начертить своих посланий. Оба старших мастера смотрели на меня: они здесь не как гости, но как судьи; они должны принять меня в круг посвященных. Мастер Нийрамо никогда меня раньше не видел, поэтому выглядел несколько удивленным, в его глазах читалось плохо скрытое неодобрение.

Словно тяжелые камни повисли у меня на руках, когда я начала приготавливать первый чай.

Я смотрела на отобранную мною для этой церемонии утварь. Это были простые чашки и тарелочки – совсем без украшений и немного потрескавшиеся, – самая старая посуда в нашем чайном домике, та редкость, что досталась нам от мастеров эпохи архемира. Думаю, ею пользовались еще до того, когда море начало поглощать острова и берега. Они были цвета лежалых мокрых листьев, который успокаивал меня, обволакивал сетью древней всесильной традиции. Я стояла на дорожке, проложенной сквозь сто-

летия и сохранившейся в неизменном виде, как дыхание или удары сердца, но при этом готовой принять все новое, что давала ей жизнь.

Эхо чайных мастеров прошлого отдавалось во мне, когда я считала пузырьки на дне котелка и разливала воду по чайникам и чашкам. Я думала о следе, оставленном ими в памяти мира, — потоки их движений, отраженные моими движениями, слова, повторяемые мною, вода, что текла в глубинах земли и в воздухе, когда они шли по камням и траве, — все та же вода, что все так же выталкивает песок из моря на берег и падает дождем с неба. Эхо волной прошло сквозь времена и воспоминания, разошлось кольцами по воде, повторяя одни и те же извечные формы. Какое странное чувство: оно несет и сковывает меня одновременно!

Взяв поднос, я поднесла его к Нийрамо и опустилась перед ним на колени. Когда он протянул руку, то мне в нос ударил запах благовоний — мастер хорошо ухаживал за собой. Он одевался в простую одежду, но из дорогой ткани, с металлическими пуговицами, какие не часто встретишь. Он был далеко не худощав. Я поклонилась и предложила следующую чашку отцу.

Мой взгляд скользнул по пустому углу, где могла сидеть мама, если бы не оставила нас. Утром от нее пришло голосовое сообщение: мама желала мне счастья, одновременно наблюдая за тем, как ее поезд движется мимо Аральского залива. Мне даже на мгновение показалось, что я вижу проносящийся пейзаж за окном, вдыхаю пыльный запах обивки сидений вагона, слышу крики бегающих по узкому проходу детей и перестук колес и ощущаю движение пола под ногами. А когда я посмотрела из окна, то увидела

только неопределенного цвета землю и далекий, непостижимый горизонт. Пустота в комнате заняла ее место, словно неотступная тень.

Церемония посвящения всегда длится дольше обычной, порой несколько часов. Кроме чая и сладостей частью ритуала является небольшое угощение. Беседа почти не ведется. Я вошла в чуждый, медленный ритм – такой, наверное, обретают утопленники, когда море начинает нести их тела.

Я представила себе, как вода заполняет комнату, смягчая движения и звуки, омывая меня снаружи и изнутри, медленно разрушая всё и вся.

Лицо отца – намокшее дерево, Нийрамо – медленно превращающийся в песок камень, мое тело – тонкие, качающиеся в волнах водоросли – это движение волн не остановить и не задержать, поэтому лучше отдаться ему полностью.

Медленно, подобно тому как подступает и отступает вода, мои мышцы расслабились, напряжение отпустило и дыхание выровнялось. Еще небольшое волнение, но вот и оно уже прошло. Теперь ничто не сковывает меня.

Жар от очага и поднимающийся пар заполнили комнату. Воздух был недвижим, от этого ткань намочла под мышками и прилипла к ногам. Лоб Нийрамо покрылся крупными каплями пота, отец тоже сидел с красным от духоты лицом. Еще до начала церемонии я оставила маленькое окошко над входом открытым, но было ощущение, что воздух с улицы никак не мог протиснуться вовнутрь. Я встала со своей подушки и открыла окно побольше на противоположной двери стене, и, хотя стоял безветренный день, в домике сразу стало легче дышать.

Нийрамо опустил чашку и посмотрел на меня:

– Вы уверены, что оба окошка следует держать открытыми?

Краем глаза я увидела, как напрягся отец.

– Полагаю, что от небольшого сквозняка будет приятнее, – ответила я.

– Если мастер Нийрамо желает, чтобы окно было закрыто, следует послушаться, – вмешался в разговор отец. Тень на его лице сместилась в сторону и теперь падала отцу на шею.

Нийрамо все смотрел на меня, и я не понимала, как толковать выражение его лица – как улыбку или как насмешку.

– Тот, кто скоро станет мастером, вправе поступать так, как считает нужным, – сказал он.

Я оставила окно открытым, поклонилась и вернулась обратно на свое место у очага. Нийрамо не произнес больше ни слова, но я не сомневалась, что он улыбался – так улыбается богатый торговец, поймавший своего мальчика на побегушках на воровстве. В течение всей церемонии отец хранил полное молчание, а мне казалось, что он тайком посматривает на мастера Нийрамо.

Надо было подождать, пока они закончат трапезу, затем убрать утварь, отнести ее в заднюю комнату, снять льняное полотенце с блюда со сладостями, торжественно внести его в церемониальную комнату и подать к чаю.

Вода закончилась. Настало время оценить мое мастерство.

– Нориа Кайтио, – произнес Нийрамо и поклонился, – пожалуйста, подождите в соседней комнате.

Поклонившись в ответ, я удалилась. Комната была без окон, ее использовали для хранения воды, подносов, котелков и прочей чайной

утвари. Куда бы я ни протягивала руку, везде натыкалась на стену или принадлежности для чайной церемонии. Из-под двери пробивались тонкие полоски света. На потолке висел фонарь, в котором огневки лениво бились о стекло, от чего тени беспорядочно двигались, открывая и запахивая свои покровы, приближаясь и отдаляясь. Отец и Нийрамо о чем-то тихо разговаривали.

Опять вспомнилась мама. Ее поездка могла стать и моей: другая жизнь, где я похоронила бы одеяние чайного мастера, а не сделала бы его своей второй кожей. Я увидела себя словно в зеркале, идущей по незнакомым улицам, – их запахи и повороты между городскими домами я бы учила, как учат чужой язык. Там я нашла бы себе место, сделала бы его своим домом.

Со стороны чайной комнаты слышалось шуршание, затем шаги на крыльце, а потом звук задвинутой входной двери. Наверное, отец и Нийрамо принесли что-нибудь с крыльца. Город и весь тот воображаемый и незнакомый мне мир рассыпались в прах: на дне зеркала осталась только темнота, и у меня не было иной жизни, кроме этой.

Раздался удар гонга – это значило, что решение принято. Я откинула волосы с лица и отодвинула дверь. Я не ошиблась: кто-то из них действительно входил на крыльцо. Нийрамо держал в руках сверток, а отец – толстую книгу в кожаном переплете.

– Нориа Кайтио! – торжественно начал Нийрамо.

Я поклонилась.

– Как принимающий в ранг чайного мастера, я обязан указать на ошибки, которые вы совершили в ходе церемонии, – сказал он и замолчал.

Я ждала. В комнате остались только пересохшая каменистая пустыня и обжигающий воздух. – Вы сумели доказать, что владеете этикетом чайной церемонии, – продолжил он, – однако, по непонятным мне причинам, позволяете себе менять его, как вам заблагорассудится и, что хуже всего, в тех местах, где никакие изменения непозволительны.

Он посмотрел на отца и самодовольно улыбнулся, как улыбаются богатые торговцы.

– Полагаю, что вы знаете правило, согласно которому во время церемонии не может быть открыто более одного окна?

– Да, мастер Нийрамо, это правило мне известно.

– Не соизволите ли напомнить нам, в связи с чем такое правило существует?

Мне пришлось процитировать слово в слово все то, чему я училась несколько лет:

– Коль скоро гости должны получать удовольствие от аромата чая и ощущения влажного воздуха, то сквозняк в чайном домике вредит удовольствию.

– В таком случае я бы хотел знать, на каком основании вы решились нарушить данное правило.

Я вновь поклонилась, хотя меня взбесил его глупый вопрос.

– Из практических соображений, уважаемый мастер. В чайном домике было душно и жарко. Как хозяйка, я думала прежде всего о комфорте моих гостей.

Нийрамо внимательно посмотрел на меня:

– Как бы то ни было, вы позволили себе отклониться от правила, что является ошибкой. Вторая ошибка – и в этом мы с вашим отцом сошлись во мнении – это выбор церемониальной утвари.

Я промолчала и подумала о чашках и тарелках, об их испещренной временем поверхности, об их безукоризненной форме, соединяющей меня с эпохой архемира.

– Почему вы считаете мой выбор ошибкой?

Улыбка мастера Нийрамо дрогнула, колыхнув его пухлые, гладкие щеки. Почему-то он напомнил мне червя, вгрызающегося в гнилой плод.

– Вы, надеюсь, понимаете, что для подобной церемонии следует выбрать самую ценную утварь, какая только имеется в распоряжении чайного мастера, этим он оказывает уважение гостям и демонстрирует привилегированное положение чайного мастера. Мне доподлинно известно, что вашему отцу покровительствует сам майор Болин, собственно, ваш дом и сад свидетельствуют о солидном для провинции достатке. Уверен, что здесь имеется не только более ценная посуда, но и что вы имели возможность заказать новый набор для посвящения в мастера. Это было бы самым правильным.

– Но мастер Нийрамо...

Он прямо-таки вскинул брови на потном лице – ведь я перебила его. На лице отца появилось смятение. Я замолчала и поклонилась, как и полагалось в иерархии мастера и ученика, когда последний просит слова. Улыбнувшись, Нийрамо кивнул.

– Мастер Нийрамо, чайная церемония – это не демонстрация зажиточности, а внимание к переменам и признание бренности мира. Этому я и хотела оказать уважение.

Капелька пота сбежала по его полной щеке.

– Ты, девчонка, будешь рассказывать мне, что такое чайная церемония! – возмутился он.

Обида подступила комом к моему горлу.

– Вы должны и без меня знать это! – выпалила я, не успев прикусить язык.

– Нориа! – воскликнул отец.

И тут мастера Нийрамо разобрал безудержный смех. Он трясся, а капли пота одна за другой слетали с его гладких щек на искусно расшитый ворот.

– Вы меня изрядно повеселили, девушка, – наконец сказал он. – Что же, вам еще многое предстоит усвоить касательно церемонии и всего остального, но я, пожалуй, предоставляю времени и жизненному опыту возможность позаботиться об этом. Запомните одну истину: когда через тридцать лет вы будете посвящать в мастера какого-нибудь юношу и он скажет вам, что церемония – это не демонстрация зажиточности, то не забудьте рассмеяться в ответ.

Никогда я такого не сделаю. Ни в этой жизни, ни в десяти тысячах других жизней.

Мастер Нийрамо понемногу успокоился, а затем произнес:

– К сожалению, меня несколько смутил пол посвящаемого. Ваш отец забыл предупредить меня об этом заранее. Кстати, хотел бы знать, с чего вы взяли, что женщина вообще способна служить мастером чайной церемонии?

Тут я поняла, почему Нийрамо так удивился, впервые увидев меня. Возможно, майор Болин, приглашая Нийрамо на церемонию посвящения, специально не упомянул о том, что я не мужчина?! Я посмотрела на отца, но он не мог мне помочь, так что мне самой нужно было справляться с ситуацией.

– Позвольте, на основании чего вы судите, будто женщина не может служить чайным мастером? – поинтересовалась я.

– Так написано в древних текстах, – ответил он. – Мастер Ли Сонг пишет: «Пускай женщина

не ступает на путь чайного мастера, если она не готова отказаться от самой своей сути».

На мой взгляд, цитата не исключала права женщины стать чайным мастером, но я не стала спорить и сказала:

– Верю, что можно поменять оболочку вещей, оставив содержание неизменным, равно как возможно оставить поверхность нетронутой, изъязвив сердцевину.

Нийрамо молчал. Я вдруг засомневалась в своих словах, но тут снаружи колокольчик звякнул один, другой, третий раз, и он заговорил:

– Желаю, чтобы вы уяснили для себя следующее. Если бы вы проходили посвящение в городе, то я потребовал бы пройти весь обряд заново. Но в отдаленной деревне нельзя требовать уровня, как в городе, да и от женщины нельзя ожидать слишком многого. Далее: вы находились на обучении только у своего отца и не обладали возможностью познакомиться с традициями и обрядами других мастеров. Так или иначе, я не вижу препятствий к тому, чтобы посвятить вас в мастера чайной церемонии, хотя в иной ситуации, окажись на моем месте менее благосклонный человек, вам ни за что не пройти обряда. Советую в будущем быть более точной в соблюдении этикета, особенно если гостями у вас будут представители администрации или военные.

Я хотела что-то сказать, но увидела лицо отца, выражавшее, скорее, безнадежность, чем раздражение, потому решила промолчать.

– Вы готовы? – спросил мастер Нийрамо.

Я поклонилась в ответ.

– «Нория Кайтио, – начал он читать свиток, – сегодня, в пятнадцатый день восьмого месяца

года сазана по календарю Нового Киана, вам присваивается звание полноправного мастера чайной церемонии».

Нийрамо передал мне свиток. Под зачитанным только что текстом стояли подписи его и отца. Настала очередь моего отца. Он протянул мне книгу в кожаном переплете, я приняла ее и прочитала выученную наизусть клятву:

– «Я – хранитель воды. Я – служитель чая. Я чту перемены. Я позволяю расти тому, что растет, и не привязываюсь к тому, что обречено на разрушение. Путь чая – это мой путь».

Я сделала глубокий поклон, отец склонил голову. Когда я подняла взгляд, то увидела в его глазах слезы. Отец открыл рот, желая что-то сказать, но не сделал этого.

– Да, чуть было не забыл, – нарушил тишину Нийрамо. – Командор Таро посылает вам свои самые теплые поздравления. Он был прав: ваша вода исключительно вкусная.

– Как же так, я должен был заранее предупредить тебя насчет утвари, – сказал мне отец на кухне, когда мы заворачивали, как того требовала традиция, использованную в чайной церемонии чашку в чистую ткань для подарка мастеру Нийрамо. – Можно было предположить, что он начнет из-за этого возмущаться. Мне не понравилось, как он тебе выговаривал, но, к счастью, нам никогда больше не придется видеться с ним.

Мне показалось, что отец хочет отчитать меня, но он молчал.

– Ты собираешься на праздник лунного года? – спросила я.

Отец помотал головой:

– Я достаточно много бывал там, да и в моем возрасте сон куда больше приятен.

Прежде чем уйти, я отнесла свиток и пока пустой дневник чайного мастера к себе и положила его на кровать. Затем посмотрела в зеркало: лицо было все еще красным после церемонии, под мышками расплылись большие темные пятна. Я переоделась и расправила церемониальную одежду на кровати, положив рядом то, чему предназначено стать моим дневником. Повернувшись к столу, я вдруг увидела большой белый конверт. Надписанный маминой рукой, он был сразу замечен на темной столешнице. Наверное, отец принес его сюда перед церемонией.

Большой конверт был не из какой-нибудь морской травы, а из самой настоящей бумаги. Внутри лежал платок из тончайшей шерсти. Мама не могла такого найти в деревне, даже во всей Скандинавской унии – в наших краях не продавалось ничего, кроме грубой шерстяной ткани. Должно быть, она заказала его в каком-нибудь далеком городе. Внутри нашлась и записка: *«Новоиспеченному чайному мастеру! Будь счастлива, Нориа! Горжусь тобой. Твоя мама»*. Я поднесла платок к лицу, попыталась ощутить ее аромат – мыла и ароматического масла, но нет, платок пахнул чистой шерстью, немного бумагой и больше ничем.

Я накинула платок на плечи.

Вешая церемониальную одежду в шкаф, я случайно взглянула в окно и увидела на лужайке мастера Нийрамо. Он стоял с закрытыми глазами, вытирая пот со лба, и казался бесконечно уставшим, словно скрытая тяжесть легла ему на плечи.

Я сунула в сумку бутылочку с водой, взяла со стола фонарь, коробочку с выпечкой и пошла.

Санья уже ждала меня на крыльце, когда я подошла к ее дому. Полусонная Минья сидела у

нее на руках, посасывая завернутые в кусочек ткани какие-то семена. Увидев меня, Санья так и подскочила в выдавшем виды кресле-качалке. Минья захныкала.

– Ну, как все прошло?

– Для тебя двери на мои чайные церемонии всегда открыты.

– Поздравляю! – закричала она, тут же соорудив гримасу. – Думаю, что обойдусь. Я ведь никогда на них не была и не умею вести себя правильно. погоди, я сейчас.

Санья обняла меня одной рукой и потащила сестру в дом к матери. Когда она вышла обратно, то принесла корзинку, прикрытую тканью.

– Это тебе, – произнесла она торжественно.

Внутри корзинки была восхитительная шкатулка ее собственного изготовления. Да, я умела цитировать наизусть тексты, подражать движениям, изящно кланяться гостям, но не умела, как она, разбирать вещи на части и собирать их по-новому, перестраивать и переиначивать, придавать новые формы, добиваться какого-то фантастически иного результата. Сейчас из кусочков металла, пластмассы и дерева она смастерила шкатулку прямоугольной формы, на поверхности которой переплетались и разбегались в разные стороны замысловатые узоры, возникая из ниоткуда и исчезая в никуда.

– Нравится? – спросила она и вдруг смущенно покраснела, что было странно. – Это тебе для чая.

– Чудесно! Спасибо тебе!

Я обняла ее, сунула шкатулку в сумку и отдала корзинку:

– Идем?

Санья кивнула. Мы пошли к центральной деревенской площади. На прозрачном небе бли-

стало несколько звезд и висела полная луна – бледная, с острыми краями, она прорезала себе путь все выше и выше в плотной черноте неба.

– Гляди! – Санья показала на небо.

Сначала не было понятно, куда же нужно глядеть, но потом я это увидела: отдельно от металлического свечения луны белые отблески небесного сияния плескались над черными контурами гор. Они двигались медленно, словно полосы ткани в воде.

– Все только начинается, – прошептала Санья.

Мы шли через деревню, а вокруг кружились звуки начинающегося праздника. Во дворах висело множество разноцветных фонарей, петарды с треском взрывали воздух, разбрызгивая искры в разные стороны. Отовсюду доносились ароматы жарившейся рыбы, овощей и праздничных пирогов. Люди расставляли на столах еду и напитки, собираясь праздновать день окончания сбора урожая, где-то уже начали веселиться.

Издалека мы увидели выходящую на площадь праздничную процессию. Над ней плыл сооруженный из пластикового лома, камыша и деревяшек морской дракон, который колыбался в руках танцоров. Бухали барабаны, и раздавалось ритмичное пение. Кругом стайкой кружилась ребятня, изображавшая рыб и прочую морскую живность, они следовали за драконом, поблескивавшим пластиковой чешуей в лунном свете. Я подумала, что давешнее небесное сияние на самом деле было отблеском их костюмов, ну как это бывает в историях, где чешуя рыб, плывущих за морскими драконами, отсвечивает в небо. Посреди площади на помосте возвышалась огромная, вырезанная из дерева и окрашенная белой краской полная луна – это

был центр предстоящего действия. Подойдя поближе, мы увидели, что глаза дракона светятся желтым. Потом мы поняли, что внутри головы был светильник – бледный, действительно очень бледный силуэт дракона в темноте казался похожим на безмолвный призрак, тихо витающий над площадью.

Мне понемногу начало нравиться. Тут Санья потянула меня сквозь толпу к киоскам, торговавшим всякой всячиной. Мы купили жареного миндаля и сушеных хлопьев из морской травы. Когда я платила, то увидела, как Санья переминается с ноги на ногу – понятно, куда она хочет пойти дальше.

– Пойдем, поглядим, что там такое, – сказала она, показывая на киоск в самом начале улочки, отходящей от площади. Мы начали протискиваться сквозь толпу, когда вдруг слышались встревоженные голоса.

– Это все чепуха, – сказал один из мужчин, державший в руках транслятор, – в новостях не было ничего такого.

– Да знаем мы эти новости! – возмутился другой. – Меня вообще не удивит, если все это затеяли унионисты. Мой сват утверждает, что среди его знакомых есть несколько таких...

– У меня кум видел, не может ведь он врать, – возразил мужчина с транслятором. – Он сам был в том месте и говорит, что там царит полный хаос.

– Ерунда, ни за что не поверю, – ответил третий.

Этот странный разговор мне вспомнился много позже, но сейчас моя голова была занята другим.

Санья знала, куда шла: над киоском красовалась нарисованная синим фигура нимфы. Все знали, что тут продают, и, хотя ничего проти-

возаконного в этом не было, многие уважающие себя лавочники отказывались от такого занятия.

— Нам, пожалуйста, четыре кекса из голубого лотоса, — попросила Санья.

Торговка была пожилая женщина с большими коричневыми родинками на лице.

— А вы не слишком молоды для этого? — поинтересовалась та, но Санья молча протянула ей деньги, женщина не стала задавать больше вопросов и отдала нам кексы. Я посмотрела на небо, где разгоралось небесное сияние, раскидывая тонкое полотно во все стороны сквозь сгущающуюся тьму.

— Пойдем на Нокку, оттуда лучше видно, — предложила Санья.

Ноккой называли скалу неподалеку от свалки, выступавшую из сопки и похожую на гигантский клюв птицы. С окраины деревни к ней вела узкая лестница, и там обычно собирались любители понаблюдать за небесным сиянием, если только не хотели вернуться домой и пойти в тундру.

Оказывается, не мы одни знали про это место. На Нокке уже сидели — парами или небольшими компаниями — люди, сбежавшие с праздника. Среди них было несколько знакомых. Поздоровавшись, Санья шепнула:

— Давай заберемся повыше, там уж точно найдется место поспокойней!

Скоро мы нашли подходящее место, где можно было улечься и разглядывать звезды. Мы разложили на гладкой поверхности скалы старый плед, поставили пакетики с кексами и орехами. Небесное сияние полыхало над нами, извиваясь, потом вдруг пускаясь в пляс и внезапно останавливаясь, вздымаясь и падая, колыхаясь точно море.

Мы молчали, но эта тишина не разделяла нас своей пустотой, наоборот: она объединяла и успокаивала, погружая в вечность. Санья в задумчивости трогала кайму рукавов — очень знакомую. И тут я вспомнила, что она от их праздничной скатерти, которую мать Саньи сшила по случаю окончания школы. Сейчас ленточка прикрывала края ее сильно потрепанной одежды.

Я ела кекс и ждала, когда наступит привычное ощущение легкости.

— Если морские драконы отправляются в путь, это означает, что мир начинает меняться.

— Это все выдумки, Нориа, — ответила Санья, грызя орехи. — Небесное сияние — это такие частицы, они трутся друг о друга вблизи полюса, получается всего лишь электромагнитное явление — ничем не интересней явления электрической лампочки или огневки. Нет никаких живущих в море драконов, ни плывущих за ними стай рыб, ни отблеска их чешуи на небе. — Она взяла кекс и откусила немного. — Эти получше, чем в том году.

— Конечно, я знаю, что такое небесное сияние, — ответила я, — но мне все же хочется думать, что оно вспыхивает из-за драконов. Неужели ты их не видишь?

Санья долго смотрела на небо, а я смотрела на нее. В колыхающихся отблесках небесного сияния ее лицо было цвета кости или, скорей, раковины, когда ту облепили водоросли, а руки казались похожими на две морские звезды в вечернем свете. Вдруг я представила себе, как они пытаются спрятаться под камень на дне моря, куда не достает свет солнца — туда, где прозрачные, продолговатые существа не издают ни звука и не мечтают о другом мире.

— Вижу, — произнесла она после долгого молчания. — Я вижу их.

Санья положила руку мне на плечо; через тонкую ткань одежды я ощутила ее тепло, почувствовала каждый изгиб ее пальцев, словно это солнце нарисовало их на моей коже. И мне стало хорошо: в фонаре поблескивали огневки, по небу продолжали плыть морские драконы, и мир медленно и неуклонно вращался вокруг себя.

Тихим утром я шла домой, завернувшись в платок. Дорога из деревни к домику чайного мастера не была такой уж длинной, а тени от деревьев не казались высокими. Во рту был вкус вчерашней еды и ночи, и мне хотелось пожевать листики мяты. Пройдя через ворота, я легонько задела колокольчик в знак приветствия и, вместо того чтобы пойти к дому, повернула к саду каменной. Помню, как стебельки щекотали мне лодыжки и кожа наслаждалась прохладой утренней росы.

Сейчас моя память покрыта снегами, ей нельзя доверять, как и тонкому льду, но я все помню.

Увидев ее, я остановилась.

Темная худая фигура стояла на краю сада около чайных кустов и ждала.

У меня сжалось сердце, я не могла сделать и шага.

Фигура повернулась и пошла прочь, пока не исчезла за чайными кустами. Какое-то мгновение ветви деревьев качались там, куда она ушла, но потом успокоились.

Преодолев навалившуюся тяжесть, я бросилась к дому.

В прихожей висел потухший фонарь, и глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к темноте. Отец лежал на полу с искаженным

болью лицом, а рядом с ним валялась разбитая бутылка. Вода растеклась по полу, намочив его одежду.

– Отец, что произошло? – в ужасе спросила я, помогая ему подняться.

– Ничего, – ответил он, с трудом удерживаясь на ногах. – Просто немного устал.

– Надо пойти за доктором, – сказала я.

Я отвела его в родительскую спальню, уложила на кровать и накрыла одеялом. Через какое-то время он опять забеспокоился:

– Хочется пить. Во рту все пересохло.

– Я принесу воды, – сказала я, но он пожелал сам подняться, пойти на кухню и налить себе воды. Это был последний раз, когда я видела, как он встает с постели.

ЧАСТЬ II

Пустынный дом

Ибо даже песчинка не сдвинется с места без того, чтобы не случилось движение в глубинах: меняя одно, ты меняешь все.

*Вэй Вулонг. Путь чая
VII век, эпоха Старого Куана*

Глава 9

Мы – дети воды, и смерть – союзница воды. Они неотделимы от нас, ибо мы созданы из переменчивости воды и близости смерти. Они всегда идут рука об руку – в мире и в нас, – и рано или поздно настанет время, когда иссякнет вода, бегущая в наших жилах.

И случится это так: земля займет место воды, займет свое место на коже человека, на пробивающемся из песка зеленом листочке и разлетится прахом. А потом лист, кожа, мех животного обретут цвет земли и ее форму, и будет невозможно различить, где заканчивается одно и начинается другое.

Сухое и мертвое станет землей.

Земля высохнет и станет мертвой.

Когда-то большая часть земли у нас под ногами росла и дышала, когда-то она имела живой облик, но это было давно. Однажды некто, кто не будет помнить о нас, пройдет ногами по нашей коже, и мышцам, и нашим костям, перешагнет через прах, что от нас остался.

Нас отделяет от праха только вода, и ее невозможно удержать. Вода утекает сквозь пальцы, сквозь поры и тела, и чем больше мы пытаемся сжаться, тем скорее она оставляет нас. И когда вода иссякнет, мы станем принадлежать только земле.

Я выбрала место для могилы отца на краю сада камней, рядом с чайными кустами. Тучи заслоняли небо, тонкий серый свет давил на уставшую от зимы лужайку, как море давит на свое вечное дно. Он сгибал мне кости и клонил к земле. Я размышляла о тишине земли, но воздух и вода все еще текли во мне, и я должна была прожить каждый час отведенной мне жизни.

Надо было постараться не повредить корни чайных кустов. Я сняла куртку, положила ее рядом с лопатой и взялась за мотыгу. Работала, пока не заболели руки и не пересохло во рту. Когда первые огневки заблестели в кустах, могила была готова. Затем я умылась и послушала сообщение, посланное мамой на транслятор. Мамин голос звучал глухо, словно ее горло распухло от горя: «Нория, у меня пока нет никаких вестей из визового центра. Железнодорожное сообщение между Синджином и Уралом прервано, никого не выпускают. Сейчас я могу только попытаться устроить тебе билет в один конец и визу, чтобы ты смогла приехать ко мне, когда будет такая возможность. Надеюсь, что сумею придумать, как переправить их тебе. Ах, как хочется быть сейчас рядом. – Тут мама сделала паузу, и было слышно, как она дышит, а затем добавила дрогнувшим голосом: – Нория, пожалуйста, сообщи мне, как у тебя дела».

В трансляторе раздался сигнал, и он отключился.

Я заново прослушала сообщение, потом еще два раза. Чтобы отправить ответ, нужно было выбрать в списке ее имя и наговорить звуковое сообщение, но я была исполнена тишины, где словам не оставалось места. Наконец я нажала на зеленую кнопку. На экране зажглось «запись».

– Все в полном порядке, напишу тебе завтра, – сказала я как можно спокойнее. Затем нажала «отправить», поставила транслятор обратно и пошла к себе в комнату.

В утреннем свете стали видны очертания мебели. Уснуть мне так и не удалось. Я решила выйти на крыльцо и не сразу поняла, то ли погода стояла необычно прохладная, то ли мне было просто зябко. Вернулась в дом, надела куртку и штаны, накинула еще платок, натянула на ноги две пары носков и только потом сандалии. На глаза попалась отцова москитная сетка, лежавшая на полке в прихожей. Я взяла ее, отнесла в мамину комнату и плотно закрыла за собой дверь.

Гости начали собираться около десяти утра. Первым пришли Юкара, его жена Ниниа и сестра Тамара, затем прибыл майор Болин с водителем. Вскоре на пороге появились четыре чайных мастера из соседних деревень. Они с моим отцом были не сильно знакомы, но посчитали должным прийти попрощаться. Мне приходилось наугад составлять список приглашенных, потому что мама была родом из-под Нового Петербурга и никто из ее родных не жил так далеко на севере. Отец же редко общался со своими, я даже не помнила, приходилось ли мне когда-либо встречаться с кем-то из его родни – разве что в детстве, когда нас приглашали на свадьбу или на наречение детей, где отец обычно проводил чайную церемонию для собравшихся. Я ощущала себя в полном одиночестве, окруженная этими чужими мне людьми, у меня ни с кем не было общих воспоминаний, нам не о чем было поговорить.

Вскоре пришли три деревенские плакальщицы. Они выглядели точь-в-точь как я себе их

представляла. В детстве они пугали меня своими черными одеждами, платками на головах и постоянно меняющимся выражением морщинистых лиц. Старые люди говорили, будто они видят такое, что другим недоступно. Плакальщицы были молчаливы, казалось, что они следуют за смертью или же смерть следует за ними, а когда они плакали по покойнику, то вздрагивали даже камни. Не помню, чтобы я их позвала, но и прогонять не стала — ведь кто-то должен плакать в такой день, а внутри меня не было ничего, кроме тишины. Санья и ее отец Ян были последними. Мы обнялись, и я подумала, что она наверняка почувствовала, как я дрожу.

— Маме пришлось остаться. Минье опять нездоровится, — прошептала она мне на ухо и направилась в сад, где возле гроба и могилы собрались гости. Я затворила ворота и пошла к ним.

Бамбуковый гроб стоял на каменной скамье — его туда поставили накануне, — а в ногах стояла чаша с водой. Гроб казался слишком маленьким, чуть больше очага в чайном домике, и тут я подумала — уже не в первый раз, — насколько мимолетна смерть по своей сути, насколько сложно ее увидеть или понять. Отца не было ни здесь, ни в гробу, ни в чаше. В них находились только разные материи, с которыми когда-то был связан его дух, а сейчас он принадлежал им не более чем свет принадлежит иссохшим растениям, которые он сам и взрастил.

Майор Болин взял на себя формальную часть церемонии прощания: он торжественно поприветствовал собравшихся и коротко рассказал об отце. Затем открыл книгу в кожаном переплете и зачитал из нее отрывок. Я понимала, что он произносит речь, но слова подобно пустой шелухе улетали от меня прочь.

Болин закрыл книгу, аккуратно положил ее на землю и подал Юкара знак. Они вместе подняли гроб со скамьи, отнесли его к могиле и медленно опустили в яму. Мне полагалось прощаться первой. В это время года цветы еще не распустились и большая часть деревьев сбросила листву несколько месяцев назад, так что мне ничего не осталось, как выбрать ветку вечнозеленого чайного куста. В неглубокой могиле ее темно-коричневый и зеленый цвета слились с цветом крышки гроба, и только самые крохотные листики сверкали в темноте, точно осколки разбившейся звезды.

Большая часть гостей оставляли в знак прощания отполированный водой камень, принесенный из русла пересохшего ручья, или раковину: они падали на крышку, издавая мелкий легкий стук, словно капли дождя. Болин высыпал горсть серебристых чайных листьев.

Когда эта часть церемонии закончилась, настала очередь чаши с водой.

Запричитали плакальщицы. Они начали тихо, но скоро заплакали в полный голос. Их песня — красивая и вместе с тем неприятная — казалась закованной одновременно в нарастающие и слабеющие звуки, которые, чуть родившись, не исчезали, но накрывали все вокруг. Они причитывали на старинном и непонятном языке, слова которого походили на заговор или проклятие, но все гости знали, что это был один из языков эпохи архемира, теперь уже почти забытый и живущий только в песнях избранных.

Их причет начал окутывать меня мириадами сверкающих нитей, пронзая в памяти все забытое и исчезнувшее. Я подняла чашу с водой и пошла к чайным кустам. Плач возносился и ниспадал, из него вырастали ветви, листья и кор-

ни, они проникали мне под кожу, и тогда я почувствовала, как растворяюсь, словно то, что я несу внутри себя, больше не помещается в моем теле: я стала лесом, растущим и исчезающим, я стала небом и морем, я стала дыханием всего сущего и сном всего неживого. Незнакомые слова понесли меня, мертвый язык подарил мне силу.

Я наклонилась и вылила воду под корни, а когда чаша опустела, отнесла ее обратно к скамье. Песня стихла, словно ветер.

Церемония окончена, когда закончилась вода.

Гости начали переходить в дом. Я еще долго стояла на лужайке, смотрела на чайные кусты, но они росли ни быстрее, ни медленнее. И только когда Санья подошла ко мне и обняла, я снова ощутила свое тело, перестав быть прахом, развеянным в пространстве.

— Тебя ждут, — произнесла Санья.

— Мне кажется, он хочет, чтобы я побыла с ним подольше, — ответила я.

— Нориа, не нужно пытаться умиловать.

Если бы кто другой сказал мне такое или если Санья произнесла бы это иначе, я ушла бы в тундру, оставив гостей, и вернулась бы только после их ухода, но у меня на плечах лежала ее — такая живая — рука, и я никогда раньше не слышала, чтобы Санья говорила так нежно. Она посмотрела мне в глаза и убрала прядку волос с моего лица. Я пошла за ней.

В гостиную царил полумрак — я забыла зажечь фонари. Весеннее равноденствие наступало через полмесяца, и день за окном не был таким уж светлым. Произносили речи родственники, которых я никогда раньше не встречала, Ниниа и Тамара раздавали угощение. Я пообещала им воды на целую неделю — теперь, когда все водопроводы были перекрыты, никто не отказывал-

ся от таких предложений. Плакальщицы сидели и ели-пили за троих, но никто не осуждал их. Санья сидела рядом со мной.

Я смотрела вокруг и пыталась сообразить, откуда знаю всех этих людей. Одного светловолосого мужчину в углу никак не могла вспомнить. Он ни с кем не разговаривал и вроде как никого не знал, он казался знакомым, но я была почти уверена, что он не приходился мне родственником и уж точно не из нашей деревни.

— Ты не знаешь, кто это? — спросила я у Саньи.

Санья посмотрела на него.

— Никогда не видела, — ответила она.

Мужчина был в штатском, но что-то в его жестах и манере смотреть на гостей подсказывало, что это военный. Еще до смерти отца еженедельные акваинспекции начали проводиться в обязательном порядке, наказания за аквапреступление ужесточились, и военные либо в форме, либо в штатском появлялись везде, где собиралось более трех человек. Сначала я никак не хотела поверить в это, пока однажды отец, собираясь в деревню, не сказал:

— Они теперь начеку. После событий на празднике окончания лунного года опасаются всяческих собраний и следят за подстрекателями. Они прижмут к ногтю каждого из нас, пока не выдавят последнюю каплю смелости. Так что все это еще не скоро закончится.

Меня словно пронзило ударом тока. Сначала внутри все полыхнуло, а потом из глаз брызнули слезы: они текли и текли, а когда прекратились, я почувствовала, что они просто застыли в ожидании следующего приступа отчаяния, когда заново прожгут себе путь.

Приглашенные начали расходиться. Майор Болин ушел последним, но вернулся.

– Нория, можно с тобой поговорить? – спросил он.

Я заметила, что он обратился ко мне по имени, такого раньше не случалось, хотя он давно знал отца и сильно помог мне с похоронами. Возможно, Болин хотел договориться о следующей чайной церемонии?

– До завтра, – я попрощалась с Саньей, – спасибо, что пришла.

В ответ она крепко пожала мне руку и сказала:

– Посылай сообщение или заходи, когда сможешь или захочешь.

Ее отец Ян кивнул мне на прощание. Они ушли.

– Принеси сундук из солнцекара, – приказал Болин водителю.

Тот слегка кивнул и вышел, грохоча сапогами по полу, мы остались вдвоем. В гостиной стоял полумрак, и только пара тусклых фонарей отделяла свет от тени. Насколько я помнила, майор посещал чайные церемонии моего отца с тех пор, как мне исполнилось шесть лет. Он всегда был добр ко мне, обращался уважительно, даже когда я еще не владела всеми секретами церемонии. Думаю, их с отцом связывало что-то вроде дружбы, если у отца вообще были друзья, поэтому доверяла ему полностью. Я предложила Болину чашечку чая, но он отказался.

– Нория... – начал он.

Я молчала, он, казалось, подбирал нужные слова. Жужжала одинокая огневка, я думала, может, где-то остался открытым фонарь? Если не закрыть, то скоро придется подметать дохлых огневок по всему полу.

Наконец Болин заговорил:

– Кое-кто считает, что на вашем участке есть вода. Не знаю, правда ли это, но...

– Это неправда.

– Я не собираюсь выуживать из тебя информацию, – серьезно произнес Болин. – Не знаю, рассказывал ли отец тебе когда-нибудь, но мы с ним выросли вместе, и было время, когда я мог доверить ему свою жизнь. Он не понимал, зачем я выбрал армейскую карьеру, но от нашей дружбы нам удалось сохранить то, что мы сумели. Я знаю, он хотел бы, чтобы я предупредил тебя. У меня нет больше власти. Точнее, есть только номинально, но каждый день ее становится все меньше, и скоро я ничего не смогу сделать для тебя. Власть, принадлежавшую ранее мне, передали Таро. Нориа, ты должна вести себя крайне осторожно.

Пока он говорил, я размышляла, сколько же всего Болин успел сделать для меня и моих родителей. Отец однажды сказал, что он – наш покровитель, и только сейчас я поняла, что не знала, что все это значит на самом деле. Покровитель? Зачем? Вспомнился тот светловолосый незнакомец, все эти копавшие землю солдаты.

У нас на кухне всегда была еда, какую остальные жители деревни могли себе позволить только в праздник лунного года или в праздник середины зимы, и мало кто мог обзавестись морозилкой. А что, если Болин имеет к этому какое-то отношение? А что, если какие-нибудь из наших книг побывали и в его руках? Может, это он оберегал отца от вечных проверок и позволял ему спокойно работать? Сколько же он сделал для нас и, главное, как все изменится, когда его покровительство вдруг прекратится?

– Я буду осторожна, – ответила я.

На крыльце раздались тяжелые шаги, и в дверь постучали.

– Это водитель. Я тебе кое-что привез. Входи!
Раздался глухой стук, словно что-то тяжелое опустили на пол, дверь распахнулась, и вошел водитель с красным от натуги лицом. Поставив сундук передо мной, он удалился.

– Открывай, – сказал мне Болин.

Я подняла крышку: в сундуке лежала груда старых дневников чайных мастеров – все в кожаных переплетах.

– Уверен, Таро не нашел в них ничего интересного, иначе мне не удалось бы их вернуть. Их попросту уничтожили бы, но, к счастью, у меня остались кое-какие связи наверху. Считай, что этим я оказал последнюю услугу твоему отцу. Знаю, как для него важны были эти дневники.

Я чуть не разрыдалась, когда провела пальцем по кожаным корешкам. Один я узнала – это был дневник моего отца. Он так и не завел нового после того, как старый конфисковали военные. Это было единственное, что осталось после него.

– Спасибо, – выдохнула я. – Спасибо.

По лицу майора Болина пробежала тень тоски. Тускло светились фонари, ничто не изменилось, но все было по-другому.

– Я все так же буду приходить к тебе на чайные церемонии, уверен, что тебе удастся проводить их как положено, – произнес Болин. Он замешкался, а потом неловко обнял меня.

– Хочу спросить одну вещь, – сказала я. – Зачем прошлым летом вы привели сюда Таро?

В моих словах прозвучал явный укор, но его ответ удивил меня.

– Мне нечего сказать. Не существует незыблемой власти, Нориа. Даже самые высокие сопки превращаются в пыль, находясь во власти ветра и дождя.

Он показался мне таким старым и ранимым, но я не смогла найти слов утешения. Было видно, что он опять колеблется.

— Позволь, я тоже задам тебе один вопрос, — сказал он. — Конечно, ты не захочешь отвечать, но я бы хотел знать: как умер Микоа?

Я молчала. На улице темнело, год медленно приближался к весне, вода бежала под каменной коркой сопки, и мне было так холодно, словно мои кости превратились в лед.

— Я не хочу об этом говорить, — ответила я. Болин низко поклонился и ушел.

Это случилось так.

Вечером в праздник начала лунного года отец оседает на пол и остается лежать молча, без движения, пока вода и темнота прокрадываются в его одежду и волосы, в его тело.

Тем временем три сторонника унии обливают свою одежду и волосы горячим маслом, подходят к главной двери военного ведомства в Ку-усамо и поджигают себя.

На следующий день люди в синей форме уводят из деревни пожилую пару, а к вечеру все знают, что их сын и два других молодых человека и были те, кто сожгли себя в знак протеста против оккупации Киана.

Следующие три дня над деревней разносятся стенания.

Они увеличивают количество акваинспекторов, затем перекрывают все водопроводы, и единственный способ обеспечить себя водой — это отстоять огромную очередь на площади. А по новостям с завидным постоянством трезвонят о полном контроле над терроризмом в Скандинавской унии, о незначительных волнениях в отдаленных деревнях, о вспышках насилия в городах. Начинает казаться, что идет война, не

имеющая ни смысла, ни цели. Одновременно на рынках становится меньше еды, ужесточается выдача личных номеров и пропусков, а листовки с именами погибших бойцов сопротивления все чаще белеют на заборах.

Луна сменяется на новую, наступает новый год, а мама все не едет домой, потому что железнодорожное сообщение прервано.

Я смотрю на все это сквозь болезнь отца, и, хотя сомнений не остается, происходящее похоже на зыбкий туман, легший по краям моей жизни. Отец — в центре всего: сковавшая его боль, которую я никак не могу облегчить, его уходящая, тающая на глазах жизнь. Удержать ее нет никакой возможности. Позволяю остальному проходить мимо, хотя и знаю, что с этим мне предстоит встретиться позже.

Отец лежит на родительской кровати, слишком широкой для него одного, его кожа похожа на истонченную бумагу, сквозь нее видны углы и изгибы его костей. Майор Болин пытается добыть для отца лекарства, но даже военным это становится все сложнее. Доктор печально смотрит, колет иглами ноги и руки, уходит и возвращается, но не знает, что с моим отцом. Я же думаю, что отца гложет отсутствие мамы, его мучают происходящие перемены и он просто не может больше жить.

Он перестает есть.

Он перестает пить.

Он знает все.

Он приказывает мне подготовиться к последнему ритуалу.

Он становится моим гостем один-единственный раз в жизни, и чайный мастер не показывает гостям своих чувств.

Выпив последний раз свой чай, он остается ждать в чайном домике, пока смерть не накроет рукой его сердце и не иссякнет вода в его крови.

Когда Болин узнал о случившемся, он отправляет врача, чтобы тот изъясил внутренние органы отца, потому что у военных в них дефицит. Затем он посылает за телом солнцекар.

Я выбираю для отца бамбуковый гроб – такой маленький – и посеребренную чашу, куда будет собрана вода. Через два дня мне сообщают, что все готово. Я сажусь в солнцекар и отправляюсь к пекарю за угощением для гостей.

Мамы здесь нет, хотя она должна быть. Нет поезда, чтобы она могла доехать, нет письма от нее, и каждый день я живу надеждой, что она жива и дышит, хотя я этого не ощущаю.

Отца нет здесь, хотя он должен быть. Он лежит в каменном и металлическом сосудах, где вода, бежавшая в нем, превратится в лед и оставит его. Через два дня от него останется только прах в бамбуковом гробу и вода в посеребренной чаше.

Я здесь, а все слова – всего лишь немой пепел во рту, и никакая вода не сможет утолить мою жажду.

Глава 10

Очередь медленно двигалась вперед. Зимнее солнце слепило, лицо медленно покрывалось пылью. Я подумала, что нужно было прихватить с собой москитную сетку. Оводы пока не донимали, но тучи поднимающейся пыли были ничуть не лучше. Пункт раздачи воды находился еще очень далеко, никаких особенных планов на этот день у меня не было, и стоять в очереди за водой совсем не хотелось: утром я ходила к источнику проверить уровень воды, однако здесь, на площади, приходилось появляться хотя бы пару раз в неделю, чтобы никто ничего не заподозрил. Надо терпеть.

Накануне я весь день стирала белье, обрезала кусты крыжовника в еще голом саду и посеяла семена овощей в горшки. Конечно, хотелось, чтобы дом, чайный домик и сад оставались такими же, что и при жизни отца и когда здесь жила мама, но это все равно что пытаться удержать огонь ладонями. Пыль собирается в клубки, застревая в паутинках, которые незаметно появляются то здесь, то там. Насекомые с длинными ножками цвета мертвой листвы летят на свет в доме, но попадают в западню запутанных коридоров и стен. Их иссохшие трупики хрустят под ногами в темных комнатах и грудками скапливаются там, где я не успевала или не хочу подметать, — тоненькие прутики ножек, блестящие чешуйки крыльев, отвалившихся от лишенных воды телец, головки с черными глазами и обращенные к тишине вечности сломанные усики. Перемена оказывается сильнее и быстрее меня. Дом стал другим. Жизнь идет иначе, заставляя меня приспособливаться к происходящему, хотя моя кровь взывает к другому.

Луна была полной лишь один раз после того, как я вырыла могилу. Она еще не заросла травой, и черные комья земли торчали между редкими травинками. Странно, хотя я видела все это каждый день, смерть отца оставалась по-прежнему совершенно непонятной, осознать ее присутствие в этих комнатах было не под силу. Оставленный им след оставался четким, казалось, что он все еще здесь и не может уйти, что он прошел у меня за спиной за мгновение до того, как я обернулась, что он заглянул в чайный домик, а потом туда вошла я. Его присутствие рождало тепло и грусть, мне не было страшно. Порой я произносила вслух его имя, зная, что он не ответит и даже если и услышит, то не положит руку мне на плечо. Теперь мы жили в раз-

ных мирах, и никому никогда не случалось пересекать темный поток между нами, кроме как только в одном направлении.

Очередь двинулась вперед, Санья дернула тележку со своими и моими бутылками. Песок заскрипел под повернувшимися колесами. Перед нами было еще с дюжину человек.

– Тебя здесь нечасто встретишь, – услышала я за спиной, и на мое плечо легла рука с короткими пальцами с обломанными ногтями. Я повернулась и увидела жену Юкара с сеткой на голове. С тех пор как мы встречались последний раз, ее круглое лицо словно постарело и оплыло, но губы были ярко накрашены. «Сейчас найти такого цвета помаду, пожалуй, не очень-то просто», – подумала я.

– Добрый день, Ниния!

– Получается, тебе теперь вода нужна только для себя, – продолжила она, и ее выцветшие на солнце брови сдвинулись, придав лицу сочувствующее выражение. Ниния похлопала меня по руке. У меня начало щипать глаза. – Есть ли какие новости от мамы?

– Связь плохая, – ответила я лишь немного дрогнувшим голосом.

Каждую неделю я посылала маме сообщение за сообщением, но от нее получила только одно, да и то сразу же после похорон. Новости, дошедшие из Синджиня, были неважными, и мамино молчание пугало меня больше, чем я могла себе в этом признаться.

– Как у вас дела? – спросила я.

– Детишки страдают, – сказала она, имея в виду внуков. – Растягивать норму воды на всю семью – не такое уж простое дело, но нам еще повезло: Юкара подрабатывает в гарнизоне, а офицеры иногда накидывают сверху, ну ты ведь знаешь. – Тут она осеклась, поняв, что сказала

лишнее. — Тяжко, но ничего не поделаешь. А ты, поди-ка, живешь похуже нашего? Ах, бедное дитя, и ведь нет рядом родителей, чтобы хоть помогли, одни только чайные церемонии и кормят.

Санья, заметив мое выражение лица, перебила ее.

— Извините, у вас что-то под левым глазом. Нет, с другой стороны, — сказала она, когда Ниния подняла сетку и утерлась рукавом.

— Все?

— Кажется, я ошиблась, наверное, это морщина. Или, может быть, тень от вашего модного головного убора?

Ноздри женщины так и раздулись.

— Конечно, нынче приличной москитной сетки уже и не купишь, — сказала она и по-старушечьи поджала губы.

Мне пришлось отвернуться в сторону, чтобы она не увидела мою улыбку: ее москитная сетка была далеко не новой, и по краю красовались засохшие пятна от губной помады.

— Как твоя семья, Санья? — Ниния попыталась перевести разговор на другую тему, хотя тон ее голоса явно стал выше.

Санья ответила не сразу. Ее беспокоило, что Минья болела уже много недель. Вода из пункта раздачи была пока еще чистой, но по деревне ползли слухи о многочисленных случаях отравления, да и родители шепчутся, якобы военные травят население, специально раздавая зараженную воду. Мне не хотелось верить этому, но свою норму я предпочитала тратить на умывание или на полив деревьев.

— Не хуже, не лучше, — ответила она наконец. — Работы у отца хватает, его, кстати, наняли ремонтировать старые дома, что на окраине, под жилье для новых акваинспекторов.

– А мама и сестра? – не унималась Ниниа.

– А что, у них все хорошо, как и у вас.

– Ну тогда передавай им от меня привет, – сказала та, немного помолчав и давая понять, что разговор на этом закончен.

– Ух, мерзкое насекомое, – пробормотала Санья.

Наступил и наш черед. Я достала транслятор и прижала ладонь к экрану: на нем высветились мое имя и мой личный код гражданина. Затем я протянула его солдату на раздаче, он подключил его к своему мультитранслятору, наполнил мои бутылки и запросил данные о выдаче недельной нормы воды: *«Гражданин – Нориа Кай-тио. Время до следующей выдачи – три дня»*. Затем он вернул мне транслятор, я отключила его и убрала в сумку.

Пока я грузила воду на тележку, Санья наполняла водой свои бутылки. Они казались страшно маленькими, я одна расходовала столько же каждый день – половина уходила только на мытье посуды и умывание.

Когда все было готово, мы отправились домой: прошли мимо нескольких лавок, где были выставлены старая посуда, мебель и прочий ненужный хлам. Пожилая женщина громким голосом пыталась выторговать себе мешок муки в обмен на пару башмаков. Для этого времени года стояла неожиданно холодная погода, и, хотя мы разгорячились, толкая перед собой тележку с бутылками, пальцы совсем окоченели. Горизонт был затянут плотными тучами, похожими на намокшее шерстяное покрывало.

– Надеюсь, хоть сегодня пойдет дождь, – сказала Санья. – У нас уже и бочки под воду во дворе приготовлены.

Я тоже ждала дождя – освежающего и очищающего, чтобы он омыл меня и природу во-

круг и хоть на время подарил миру новые запахи. Однако тучи не сулили ничего, кроме редких дождинок, но говорить об этом я не стала.

По улицам прохаживались акваинспекторы в синей форме, кто-то тащил домой полученную норму воды, но в остальном все было спокойно. За те несколько месяцев, что прошли с праздника начала нового лунного года, жители привыкли разговаривать вполголоса, количество военных на улицах заметно выросло, а вокруг деревни все возводили и возводили новые казармы. Из-за нехватки воды в деревне начали разноситься запахи человеческой жизни, они проникали повсюду, накрывали дома и дворы, словно сорняки, затягивающие брошенные хозяевами поля. И всякий раз, как я приходила в деревню, они били мне в нос, пока мое обоняние не привыкло к ним.

Около местной больницы зловоние стало похожим на густую смолу. Крохотный вестибюль старинного кирпичного здания вмещал чуть более десятка человек, остальным же приходилось коротать время на улице. Кричали груднички. Одна молодая женщина – вряд ли старше меня – пыталась безуспешно успокоить своего ребенка с распухшим лицом. Другая девочка лет трех казалась настолько уставшей, что не могла ни двигаться, ни разговаривать. Ее мать, увидев меня и Санью, протянула к нам руку с поильником и попросила:

– У вас не будет хоть немного воды? Ребенок совсем болен, а мы сидим здесь уже который час.

Санья посмотрела на меня. Это было что-то новое. В деревне и раньше не хватало воды, но никто никогда не попрошайничал.

– Подожди, – сказала я Санье.

Я отлила в поильник воды из бутылки, женщина вцепилась мне в рукав.

— Благодарю вас, девушка! Вы хороший человек. Спасибо, да пребудут с вами чистейшие воды!

Она все продолжала благодарить, а мне от этого становилось только неловко. Когда я уже закрыла бутылку и поставила ее обратно на тележку, к нам подошла другая женщина, держа за руку двух малышей.

— У тебя не найдется капельки воды и для нас?

Санья выразительно посмотрела на меня:

— Нориа, нам пора идти.

Она была права: все, кто сидел в очереди перед больницей, начали посматривать в нашу сторону, точно взвешивая свои шансы и придумывая, как получше попросить воды. Если бы мы остались еще на немного, нам пришлось бы уйти без воды.

— Извините, — сказала я второй женщине. — Я прошу прощения, но я не могу, у меня больше нет.

И тут на ее лице появилось сначала недоверчивое, а потом и брезгливое выражение.

— Ты же дочка чайного мастера, не так ли?

— Пойдем отсюда, Нориа. — Санья потянула меня в сторону.

— Можно было догадаться. Чайные мастера всегда считали себя выше других.

Кровь ударила мне в лицо. Я отвернулась и начала толкать тележку на другую сторону улицы. А в спину летели какие-то беспорядочные выкрики, и было слышно мое имя.

— Не обращай на них внимания, это же не твоя вина, что ты не можешь помочь им всем, — пыталась успокоить меня Санья.

Лицо горело, горло казалось распухшим, и нечего было ответить от чувства унижения. Хотелось поскорей уйти от всего и наконец-то подумать о предстоящем, об истинной причине, почему я сегодня пришла в деревню. Даже сквозь унижение и смятение я ощущала волнение.

Мы свернули на узкую улочку. Я успела заметить низкий оштукатуренный домик, на двери которого около четырех недель назад появился синий круг, — зашторенные окна, и ни движения, ни голосов. Наши ноги сами выбрали другое направление: в деревне с некоторого времени стало непринято ходить привычным путем, по мере того как на дверях все чаще появлялись синие круги, новые пути постепенно заменяли старые. Таких домов насчитывалось уже два десятка: они стояли, словно немые привидения, окруженные молчанием, границу которого никто не пересекал без особой необходимости. Жители соседних домов продолжали жить так, как если бы на месте преступного дома колыхалась всепоглощающая пустота, один взгляд в сторону которой мог поглотить и их тоже.

В деревне поговаривали, что пару раз видели жильцов этих домов, что те забирали что-то с порога или молча стояли во дворах, но никогда не покидали их, — это было либо рано утром, либо уже почти ночью. К этим разговорам относились, как и к любым другим историям про привидения, — со смешанным чувством страха и любопытства, исчезавшим с первыми лучами солнца.

На самом же деле никто не знал, что происходило с жителями меченых домов. Проще было вообще не интересоваться, ведь тишина — лучшее лекарство.

Холодный ветер обрушивался на стены домов, насакивал на нас. В одном из дворов ху-

дой, как скелет, мужчина, в котором я признала учителя деревенской школы, втирал в кожу головы светло-коричневую смесь из глины и толченой коры – такую продавали на рынке в качестве сухого средства для мытья волос. Сама я пользовалась мыльнянкой – ее густые пучки росли у нас за чайным домиком. Мне нравилось, как она пенилась между пальцами, смешиваясь с водой. Тут я подумала, что кому-то может показаться странным, отчего я никогда не покупаю сухого моющего средства. Никогда не знаешь, где проходит граница, насколько нужно изменить жизнь, чтобы стать такой же, как все жители деревни.

Когда мы подходили к дому Саньи, я не стерпела и спросила:

– Хочу сходить на свалку. Пойдешь со мной?
Санья вздохнула.

– Не могу. Дома полно дел, – ответила она. Затем взглянула на мои бутылки и продолжила: – Если хочешь, можешь оставить их у нас. Заберешь на обратном пути. К чему их таскать попусту с собой?

– Возьми себе, – сказала я.

Санья посмотрела на меня так, словно я предложила ей полететь на спине дракона.

– Не будь идиоткой! Тебе же не дадут воды до следующей недели. Не возьму я ничего!

– Они мне не нужны. У меня дома воды хватит до конца недели. Возьми, пожалуйста.

Мне показалось, что Санья хотела возразить, но, вздохнув, она сказала:

– Ладно, только не вздумай предлагать мне когда-нибудь еще.

Вокруг колыхался густой запах. Я прошла мимо места, где протекал ручей с мутной водой, из него люди пытались наполнить водой бутылки и

ведра. Родители запрещали мне даже пробовать ее, говоря, что вода на свалке нечистая и что я могу заболеть. Раньше деревенские жители сторонились ручья, но теперь, всякий раз оказываясь здесь, я видела, как кто-то набирал воду. Как-то раз, помню, даже сказала одной женщине, что вода непригодна для питья.

— А что ты предлагаешь мне тогда пить? Может, воздух или песок? — взвилась та в ответ.

С тех пор я никогда не заговаривала с кем-либо у ручья.

От неожиданности я чуть не споткнулась, увидев среди набравших воду людей лицо с красными губами. Это Ниния, склонившись над ручьем, черпала желтоватую водицу в принесенную бутылку. Во всем ее облике — коричневая одежда, нелепые движения — и впрямь было что-то отвратительно тараканье, при этом мне вдруг стало стыдно. *А что ей еще делать, кроме как выживать из всех сил? Что здесь делают все эти люди?* Вероятно, военные платили Юкара не так уж и щедро, как Ниния намекала нам с Саньей на площади. Она отвернулась, и я не поняла, успела она заметить меня или нет, а может, просто сделала вид, что не заметила.

Надо было идти дальше.

В постоянно меняющемся, обманчивом виде свалки сложно было ориентироваться, но я знала дорогу. Я дошла почти до самого центра, где из-под сопки бесформенного мусора торчали гигантские бетонные блоки, а рядом лежал насквозь проржавевший остов огромного архемобиля. Там, где когда-то были колеса, торчали металлические оси, приборная доска зияла пустыми глазницами, а сиденья и все пригодные металлические части давным-давно утащили. Никто никогда даже и не пытался сдвинуть же-

лезяку с места, потому что в этой части свалки не было ничего такого, чем мусорщики могли бы поживиться.

Подойдя к архемобилею, я просунула руку в дырку приборной доски и начала шарить внутри, пока не нащупала коробочку размером с чайное блюдце. Доставать ее не было необходимости, достаточно знать, что она на месте — одна из капсул времени. Такие мы с Саньей любили в детстве прятать в разных местах, складывая в них камешки, сухие цветы, самодельные браслеты из водорослей и найденные сокровища. На внутренней стороне мы оставляли отпечатки пальцев, смоченных в краске, и писали дату закладки, а на внешней — день, когда капсулу можно открыть. Обычно — через десять лет. Это был последний наш тайник, и, может, поэтому, всякий раз приходя на свалку, мы проверяли, на месте ли он.

Все в порядке. Я вытащила руку, вытерла ее о штаны и направилась к краю свалки. Еще двадцать шагов, и я оказалась на краю небольшой ямы, которую заметила несколько дней назад, похоже, сюда никто не заходил, кроме меня, достала из сумки толстые перчатки, натянула их и принялась перебирать мусор.

Я никому не говорила, но именно серебристый диск привел меня сюда. После смерти отца онемевший дом начал погружать меня в тяжелый сон, а темнота земли тянуть к себе, суля вечный покой. Тишина эта жила не только в пустых комнатах, оставленных родителями, не только среди стен, лишенных их дыхания и звуков их шагов. Это была не рассказанная ими тишина, не высказанная вслух, — все то, что мне следовало научиться понимать. Только сейчас я ощутила, сколь мало я знала о скрытом источнике, о других чайных мастерах, о тайных союзах и

правилах, о хрупком равновесии нашего существования, обо всем раскрывшемся вокруг меня, подобно темной всепоглощающей пустыне в чужом мире взрослых. А что я могла ощущать, кроме ярости, если они покинули меня, не рассказав ничего такого, что мне сейчас действительно требовалось? *Почему вы не рассказали мне?* Вместо них со мной теперь были только бессловесные земля и ветер.

Я еще не осознавала всей важности истории, услышанной на серебристом диске, потому что не умела соединить все ниточки, делавшие ее такой важной. Одной такой ниточкой был страх, что однажды я увижу слишком сильно понизившийся уровень воды в источнике или наткнусь в пещере на военных в синей форме с саблями наголо. Другой – робкое предположение, точнее, пустая надежда на то, что в жизни есть еще что-то, что вдалеке от деревни существует иной мир, что он не везде такой же обожженный и иссушенный, как здесь. Конечно, в голове-то все эти ниточки уже начали сплетаться воедино, и, пока еще не умея выразить эти роящиеся мысли словами, я чувствовала, что должна сделать все, чтобы отыскать недостающие кусочки истории, записанной на диске. И поэтому я начала искать их в маминых книгах, рыться в мусоре свалки, хотя понимала всю бессмысленность этого занятия, но оно помогало увести мысли прочь от неизбывного молчания, найти надежду на изменение, найти скрытую возможность, которая могла бы однажды увидеть дневной свет.

В низкой и широкой яме (я выкопала ее спустя три недели после смерти отца) валялись останки разбитой архетехники. Потребовалось немало дней, чтобы добраться до нужного места, я была почти уверена, что серебристый диск

нашелся много лет назад именно в этой части свалки, — запомнились исковерканные приборы, тогда Санья не обнаружила в них ничего для себя интересного: одни были совершенно разбиты, в других отсутствовали важные детали, которые могли пригодиться для ее экспериментов. Я помнила, что диск был почти на поверхности. С тех пор свалка не раз меняла свой внешний вид, и даже если дисков изначально и было больше, то сейчас они лежат куда глубже прежнего или вообще в другом месте. Я чувствовала полную растерянность.

Тень от бетонных блоков сдвинулась и начала удлиняться, в воздухе появились первые весенние оводы. Еще до конца не проснувшиеся, они пытались взмыть вверх из своих зимних укрытий, но падали на осклизлую поверхность свалки. Скоро опять придется надевать москитную сетку. Болели руки, одежда прилипла к телу, но ничего особенного не находилось, кроме обычного мусора — битой посуды, башмаков со стоптанными каблуками и бесконечного множества пластиковой упаковки. Я отодвинула в сторону треснувший прибор с торчащими изнутри проводами — это был один из тех, что Санья однажды посчитала хламом, а значит, и я не имела ни малейшего представления, для чего он когда-то предназначался, — и долго смотрела на лежавшие под ним лохмотья пластиковых пакетов. Я решила пойти домой, как только разберусь с ними, хотя вера в удачу начала угасать. Пакеты были связаны между собой, и вытащить их никак не получалось. Тонкий пластик расползался в руках, а я все тащила и тащила, пока где-то что-то оборвалось и все эти лохмотья выскользнули из груды. Я скомкала их и отбросила в сторону.

В открывшейся яме лежали только одни пакеты.

Я закрыла глаза. Ломило плечи, боль начала растекаться по всей голове, казалось, что кожа слезает, скручиваясь в узелки. Опять напрасные поиски. Пора уходить.

Я открыла глаза. Передо мной лежал лишь один-единственный разбитый прибор — не такой уж и большой — с пробитым в нескольких местах корпусом, словно кто-то пытался это сделать специально. С одной стороны у него была круглая треснувшая стеклянная линза, похожая на дно фонаря. Прибор я видела и раньше, скорее всего, даже много раз брала его в руки и передвигала с места на место в поисках чего-нибудь поинтереснее, после того как однажды Сання оставила его, а я забрала серебристый диск себе. Но в этот раз солнечный свет попал на металлическую пластину шириной в полпальца и осветил выгравированную на ней надпись. И тут мне показалось, что мир остановился.

Я несколько раз прочитала надпись.

М. Янссон.

Прибор чуть не развалился на куски, когда я заворачивала его в тряпку и запихивала в сумку. Нельзя было терять ни минуты, а под ногами начал трещать и лопаться пластик, будто свалка вдруг опомнилась и решила поглотить меня, уносящую что-то очень ценное. Тут я подумала, что если раньше продолжение записанной на диске истории принадлежало только ей и мои шансы найти ее были мизерны, то теперь возможность — пускай крохотная, но вполне реальная — сделать это существует. Проклюнувшись, мысль тут же пустила зеленый росток, потянувшийся к солнцу.

Дома я поставила находку на единственный свободный от книг и записей угол маминого стола

и развернула тряпку. Затем опустила жалюзи, потому что за время моего отсутствия солнце успело развернуться и начало светить в окна на этой стороне дома. В комнату опустилась тень. Я сидела на стуле, уставившись на стопки книг, на бумагу, куда записала все, что только помнила из услышанного на диске, на принесенный прибор, стоявший молча, словно мертвое насекомое. Четкие лучи вечернего солнца пробивались сквозь пластины на окне.

Экспедиция Янссона. Сумрачный век. Утраченные земли. М. Янссон.

Я знала, что это еще не все, что это далеко еще не все части истории, и, кто знает, может, всех их мне никогда не удастся раздобыть, но я знала, что есть еще одно место, где я не искала.

В доме царили тишина и покой, молчал пустой чайный домик, на улице было пустынно. И если дух отца бродил по комнатам или по лужайке, то он пребывал в полном умиротворении, охраняя то, где прожил всю свою жизнь. Индикатор транслятора не мигал, муравьи чертили свои дорожки по каменным плитам сада и в углах дома, дерево стен ощущало медленно растущую усталость, пыль собиралась на окнах и полках — все это происходило незаметно, но никто ни о чем меня не спрашивал и ничего не просил.

В гостиной стало сумрачно. Крышка сундука тихо поднялась — пахло пожелтевшей бумагой и старыми чернилами. На обложках дневников не было указано ни дат, ни имен чайных мастеров, так что мне потребовалось некоторое время, чтобы найти нужный том. Наконец на первой странице одного из них я увидела дату, которую искала.

И начала читать.

Глава 11

Были допиты последние капли чая, чашка опустела. Мертвая пыль витала в воздухе, светясь в лучах солнца. Я отодвинула в сторону прочитанные дневники и записи, принесенные сюда из маминого кабинета, легла на спину и закрыла глаза: в кожу врезалась складка одежды, мысли путались, и всякий раз, как я пыталась потянуть за одну из ниточек, остальные затягивались еще в более тугой клубок.

Последние два дня прошли у меня за чтением дневников чайных мастеров, и за это время я изучила семь – те, что относились к эпохе Сумрачного века. На его исходе в доме проживали одновременно четыре чайных мастера, первый – Лео Кайтио – практически не занимался дневниками и оставил после себя только один. Сделанные им пометки были скудными и мало о чем говорили: «Утром шел дождь. Визит прапорщика Сало с супругой прошел, как и ожидалось. Не забыть отнести башмаки в починку». Или: «Нынче январь теплее, чем в прошлом году. В глиняном чайнике трещина». Из маминых книг я узнала, что январем назывался первый месяц в году по старому солнечному календарю. Несмотря на всякие сложности, я довольно быстро изучила записи Лео, правда, в конце его почерк изменился, но я быстро разобралась, что случилось. Пришлось даже открыть следующий по порядку дневник, где на первой странице стояло «Миро Кайтио» – вероятно, сын Лео. Так что последние страницы дневника Лео были написаны именно его рукой.

Миро не унаследовал лаконичного стиля своего отца и все свободное время старательно вел записи. Его мелким почерком были испещрены шесть дневников и целая куча больших

и мелких клочков бумаги, вложенных между страницами. Часть записей оказались без даты, к таким относились и сделанные в книге Лео. Возможно, с бумагой уже тогда были сложности, иначе зачем Миро стал бы вести свои записи в оставшейся от отца книге.

Он рассказывал о своих снах, мыслях, чувствах и переживаниях во время чайной церемонии и после нее; он перечислял вещи, вызывавшие у него улыбку (кошка на руках, вкус свежего яблока, нагретая солнцем лужайка под босыми ногами), и то, что раздражало его (тесная обувь, треснувшие очки, чернила, которые кончаются всякий раз, когда они очень нужны).

Я отрыла глаза и встала, правда, сделала это чересчур быстро — в глазах потемнело, пришлось даже опереться на стену и подождать, пока голова перестанет кружиться, потом пошла на кухню, налила остывшего чая, вернулась в гостиную, уселась на подушки и принялась читать последний дневник Миро. Страницы выглядели настолько сухими и хрупкими, что казалось, вот-вот превратятся в бумажную труху, рассыпав по полу черные слова. Связь с прошлым выглядела словно разбитый мост, ступать на который лишний раз не стоило, но слова источали силу, они захватывали меня, и мне то и дело приходилось напоминать себе о том, что именно я искала. С каким же необыкновенным проникновением этот живший задолго до моего рождения чайный мастер описывал свои дни, бессонные ночи, проведенные при полной луне, песчинки, оставленные гостями на полу чайного домика, снег, таявший на черной земле. В ту эпоху все чаще случались зимы, когда снега не было вовсе. Эти события и осколки давно исчезнувшей жизни вставляли с пожелтевших страниц дневника настолько подробно и очевидно, что

мне было легко представить их себе. Кости скелета этого мастера, вода его крови давным-давно вернулись в землю и на небо, но его слова продолжали жить и дышать. И мне казалось, что я сама, читая эти строки, начинала дышать полной грудью.

Тени сменились на улице, а я все слушала шелест бумаги у себя в руках.

Я закрыла книгу, когда слова начали сливаться в одно. Рухнули мосты в прошлое, и оно превратилось в беспорядочные знаки за плотным занавесом. На меня опустилась тишина. Прошел еще один день, а я так и не нашла того, что искала.

Перед сном я вышла во двор привести в порядок сад камней. Тонкие бороздки на песке уже почти исчезли в темноте, когда я заканчивала работу. И тут мне показалось, что на дорожке, идущей в сторону деревни, стоят две человеческие фигуры и наблюдают за домом. Я остановилась – сердце так и прыгало в груди. Грабли выпали из рук. Я наклонилась, чтобы поднять их, а когда выпрямилась, то возле леса никого не было. На следующее утро сходила туда поискать какие-нибудь следы, но затвердевшая земля и опавшая толстым ковром хвоя отказались раскрывать мне вчерашнюю тайну. Да, подумала я, деревья в полутьме могут казаться неподвижными фигурами людей.

Через два дня я получила от мамы сообщение: я как раз вошла в дом, когда на трансляторе замигал индикатор. От неожиданности я чуть было не выронила бутылки из рук, поставила их в угол и бросилась к транслятору. Засветился дисплей, и на нем появились слова, написанные кругловатым маминым почерком.

«Дорогая моя Нориа, – писала она. – Я очень извиняюсь, что никак не получается писать тебе чаще. Поверь, мне грустно без тебя, и надеюсь, что ты очень скоро сможешь приехать ко мне. Обещаю сделать все возможное для этого, а сейчас хочу тебя попросить прислать мне что-нибудь из своих вещей. Не нужно ничего особенного, но что-нибудь такое, чем тебе приходится часто пользоваться, скажем, ложку из чайного домика или чем ты ведешь записи в дневнике. Мне это нужно, просто чтобы у меня была вещь, которая напоминала бы мне о тебе, чтобы чувствовать себя ближе к тебе, особенно сейчас, когда мы не можем быть вместе. Только не утруждай себя, не мой и не начищай вещицу специально; оставь, как есть. Мой транслятор скоро разрядится, а зарядить получится только завтра при солнечном свете, так что вынуждена на этом закончить. Обнимаю, твоя мама Лиан».

У меня от радости прямо-таки подкосились ноги. Какое облегчение! Мама жива, ведь я не получала от нее вестей уже больше месяца. Я написала ответ: *«Ты в порядке? Скучаю»*. Послала сообщение, но подтверждение о доставке не пришло.

Потом я еще раз перечитала мамино послание – что-то в нем меня озадачило, а потом еще и еще несколько раз, и всякий раз ее просьба казалась мне все более странной. Конечно, она любила меня, но ее никогда не интересовали вещи, и, даже переезжая в Синджинь, она не взяла с собой ни единой своей книги и потом ни разу о них не вспомнила. У нее вообще была привычка сдавать в утиль все ненужное, не задумываясь о его ценности. Например, я видела, как она от-

давала другим детям мои игрушки, как шила из моих детских одежек чехлы для мебели или нарезала их на лоскутки для половиков. Вот так она преспокойно уничтожила мою коллекцию камней, которую я собрала специально для нее. Насколько мне было известно, она не сохранила ни одного моего детского рисунка, а платок, подаренный ею мне на выпускной, был единственным предметом одежды, не имевшим практической ценности.

Поэтому ее просьба о какой-нибудь вещи показалась мне совершенно неожиданной и непонятной. С какой стати? Еще удивило то, что она не рассказывала, как у нее дела. А вдруг мои сообщения до нее вообще не доходили? Или я не получала всего, что она посылала? Шла большая война, и, скорее всего, все линии связи контролировались, поэтому я старалась в письмах придерживаться нейтрального тона, насколько это было возможно, поскольку кто знает, что может взбрести в голову военным.

Я решила послать ей ложку, которой пользовалась сегодня утром и оставила на столе невымытой. На металле виднелись коричневые следы засохших капель чая. Я завернула ложку в лоскут ткани, нашла в ящике мешочек для посылок и положила ее туда. Сходила за дневником, вырвала из него страницу и написала: *«Мама, посылаю тебе это на память о себе. Надеюсь, что увидимся. Целую, твоя Н.»*. Затем сложила листок и положила его в посылку, завязав ее шнурком. В принципе уже завтра ее можно отправить, надо только сходить в деревню. Главное, чтобы она дошла до Синджиня.

В течение следующих двух недель дни стали заметно теплее, и весна начала тянуться к лету. Вода поднималась сквозь мрак земли, к нагрет-

тым солнцем камням и испарялась. Когда я не размышляла о книгах, или об экспедиции, или о родителях, то вспоминала о Санье. Мне хотелось поговорить, рассказать ей о том, как после смерти отца я стараюсь выбраться из тишины, но для этого никак не находилось подходящего момента. Последнее время Санья жаловалась на усталость и вообще была немногословна, так что мне казалось, будто она что-то недоговаривает. Мы перестали вместе ходить на свалку, а если я спрашивала, в чем дело, то она отвечала уклончиво.

Для начала мне следовало разобраться с записями Миро, расставить все в логическом порядке, хотя он все равно получится случайным, ведь дело осложнялось тем, что в то же время в доме жили два других чайных мастера. Вообще, ситуация выглядела так: Миро не обзавелся детьми, так что его учеником и последователем стал его двоюродный брат Нико Кайтио, который умер молодым всего за несколько месяцев до процедуры посвящения в чайные мастера. Тогда место Нико в учениках занял его сын Томио. Ни Нико, ни Томио не обладали полетом фантазии, оставив много пустых страниц в своих дневниках, отчего Миро, не особенно стесняясь, заполнил их своими записями.

В одном из дневников концовка была сделана рукой Миро, и я решила разобраться, в чем тут дело. Дата совпадала с последним годом Сумрачного века, он же был и годом смерти Миро, как я узнала из скупых записей Томио.

«Я знаю, что настает время последней церемонии, поэтому хочу успеть записать это еще до того, как остановится мое сердце. Нигде и никогда я не писал об этом, считая такое дело небезопасным, но с тех событий, о которых я скоро расскажу, прошло четыре де-

сятилетия, так что вряд ли эти записи смогут кому-то навредить. Возможно, настанет время, и тогда еще кто-нибудь, кроме воды, будет помнить и знать, ибо слишком много историй исчезают бесследно и слишком редко оставшееся является правдой».

Тут я быстро отсчитала от указанной даты назад и получила год, указанный на серебряном диске, потом уселась поудобнее, скрестила ноги на подушке и продолжила чтение.

«К тому моменту я успел прослужить мастером чайной церемонии всего несколько лет, а мой отец скончался годом раньше. Одним темным вечером в дверь постучали. Я пошел открывать и увидел на крыльце двоих мужчин и одну женщину. Они назвались и сказали, что готовы за еду делать любую работу по дому и в саду. В те времена это было обычным делом, ведь шли войны, и многие лишились крова, порой ходить из деревни в деревню в поисках крыши над головой и куска хлеба оказывалось единственным способом выжить. Правда, пришедшие не выглядели бродягами: одежда на них была довольно новой, а вели они себя беспокойно, как те, кого преследуют. Один из мужчин был ранен, рука у него была замотана грязной окровавленной тряпкой, из-под края которой виднелась странная татуировка: морской дракон, держащий в лапах снежинку. То, как они представились — один слишком быстро и уверенно, а второй словно заикаясь, — заставило меня подумать, что имена их были выдуманными. Однако они выглядели утомленными, как если бы им пришлось идти несколько дней кряду без отдыха, к тому же у них с собой был всего лишь один маленький чемоданчик из какого-то непромокаемого материала. Я решил, что они не опасны, и предложил переночевать в чайном домике. Там

не хранилось ничего ценного, так что грабить у меня было нечего, да и сплю я всегда чутко и точно слышал бы крадущегося человека. На двери у меня большой замок – его не откроешь, не загремев. Я угостил их чаем с хлебом, дал подушки, войлочные одеяла, фонарь и показал, как пройти через сад к домику. Потом приготовил очищающую мазь для ран, а когда пришел к ним, то увидел, что все спят без задних ног. Я оставил баночку с мазью на ступеньке.

На следующее утро они еще спали, когда курьер от пекаря принес хлеб и заодно самые последние новости: «Поговаривают, что прошлой ночью военные ходили по домам, будили спящих, разыскивая троих дезертиров». Скоро проснулись и ночные гости. Я приготовил им завтрак, а сам сел за стол и начал внимательно приглядываться. В их лицах угадать что-либо было сложно: держатся хорошо, даже несколько чопорно – похоже, образованные, а это значит, что воспитывались в привилегированных армейских кругах. И в то же время некоторые их замечания, мягко сказать, были несколько неподобающими для военных людей. В общем, я понял, что не сумею у них ровным счетом ничего выведать, если не задам вопрос в лоб. Рассказал, о чем слышал утром, и они тут же замолчали и словно застыли на месте – понятно, что искали именно их. Тогда я попросил назвать хотя бы одну причину, почему я не должен выдавать их.

Мужчины начали было что-то возражать, но женщина остановила их одним жестом. Тут я заметил у нее на руке такую же татуировку, как и у ее спутника.

Женщина рассказала, что они идут с Утраченных земель, где исследовали пригодность воды для питья и состояние экологии после ка-

тастрофы. Это меня сильно удивило, так как я был уверен, что Утраченные земли являются зоной отчуждения и доступ к ним запрещен. Высказал эту мысль вслух, на это женщина сказала, что они вроде сталкеров и проникли туда нелегально. По лицам ее спутников было видно, что они предпочли бы не говорить об этом, но женщина выпила глоток чаю, выпрямилась и продолжила.

Каким-то образом до военной администрации Нового Киана дошли слухи об их экспедиции, и началось преследование. Руководителя застрелили около Колари, когда он делал забор воды, а остальным удалось скрыться. Еще через несколько дней один из их товарищей исчез, унеся часть записанного материала и видеокамеру, на которую они снимали все происходящее. Часть записей осталась при них, конечно, было бы крайне нежелательно, если они попадут в руки военных. До сих пор никаких известий от других членов экспедиции не поступало. Если возможно, они хотели бы провести какое-то время поблизости от деревни в надежде, что военные станут искать в другом месте.

С этими словами все трое взглянули на меня. Тот, что поменьше ростом и с русыми волосами, придерживал раненую руку, которая явно причиняла ему страдания. Пот блестел у него на лбу. Лицо другого оставалось спокойным. Женщина попросила, чтобы я их не выдавал. Тогда я поинтересовался, отчего же они пришли в дом к чайному мастеру и почему они так уверены, что я окажу им помощь.

— Мой отец тоже служил чайным мастером, — ответила женщина. — Он погиб в войнах за воду, когда я была ребенком, но я хорошо помню, что чайные мастера понимают воду.

Я спросил, действительно ли на Утраченных землях можно найти воду, пригодную для питья.

Она посмотрела на своих спутников, затем высокий вздохнул и кивнул головой:

— Правда. И мы хотим, чтобы она принадлежала всем, а не только военным.

Вот так история! Я понимал, что у них не было никаких причин лгать мне, ведь их судьба в моих руках: за выдачу дезертира платили кругленькую сумму, и, если бы я захотел, мне достаточно было поднять трубку. Да, их трое, а я один, но я здоров, а они измождены, я успел бы выбежать из дому и запереть их. Они не могли не понимать этого.

И тогда я согласился помочь.

Решил отвести их в единственное безопасное место. Нужно было сделать так, чтобы они не запомнили дорогу, поэтому проводил их обходным путем по одному, с завязанными глазами — таково было мое условие. Посовещавшись между собой, они согласились беспрекословно следовать моим указаниям. Ясное дело, позже они могли бы так или иначе найти дорогу обратно, но я не мог не рискнуть. Доставив всех троих до тайного места, я сходил за едой и теплой одеждой.

Они пробыли там три недели. Я навещал их через день, всякий раз сообщая последние новости. Не то чтобы они много рассказывали о себе, но кое-что мне все же удалось выведать: они были университетскими профессорами и входили в большую подпольную группу, добивающуюся отмены всех ограничений на воду. Через две недели они решили отправиться в путь, потому что им надоело жить в тесноте и они не хотели (или просто так говорили) больше подвергать меня

опасности, оставаясь там. По их просьбе я выяснил, что военные прекратили свои поиски в нашей округе, так что уйти можно было без всякой опаски. Я нарисовал им карту пути в обход охраняемых пунктов, дал в дорогу воды и немного провизии. Ученые хотели дойти до Куолоярви и оттуда направиться в Новый Петербург. Стояла весна, когда ранним утром я вывел их по одному с завязанными глазами в условленное место, где были приготовлены продукты.

Они поблагодарили меня за доброту, посетовав, что не могут дать ничего взамен, в ответ я сказал, что в мире есть вещи, за которые нет необходимости платить. На это женщина улыбнулась одними глазами:

– Пожалуй, вы понимаете, что никто из нас, скорее всего, не увидит того времени, когда вода снова будет принадлежать всем?

– Конечно, но это не причина, чтобы отказываться от надежды.

– Может, так оно и есть, – ответила она.

С этими словами мы попрощались, и я долго смотрел на их удаляющиеся худые фигуры, пока они не исчезли в дрожащем мареве нагревающейся тундры.

Потом я ничего не слышал о них, не узнал их настоящих имен и удалось ли им спасти информацию – никаких слухов по этому поводу не было. А может, информация спасла их – как знать. Однако это последняя моя запись, и теперь вода в моей крови может беспрепятственно покинуть меня».

Я закрыла дневник и, глядя на пол, заваленный бумагами, начала мысленно рисовать перед собой цельную картину происшедшего. Неужели эти трое, случайно оказавшиеся в доме чайного мастера, и были частью экспедиции Янссона?

Вероятность была крайне мала, но это позволило бы объяснить, каким образом серебристый диск оказался именно в этой деревне. Если они боялись ареста и хотели, чтобы информация о водных ресурсах Утраченных земель не попала в руки военных, то вполне могли выбросить записи на свалку.

Но еще больше меня интересовало, неужели Миро действительно спрятал их в сопке? И быть может, даже у источника? Это казалось невероятным! Слова и поведение отца свидетельствовали о том, что к источнику имеют доступ только чайные мастера и их посвященные в таинства церемонии ученики, возможно, члены семьи — уверена, что и мама бывала в пещере. В таком случае Миро нарушил все неписанные законы, спрятав у сокровенного источника чужих, которым у него не было никаких причин доверять. С другой стороны, что еще он мог сделать? Он же не написал о том, что носил им воду — только пищу, еще мне показалось странным, что он не описал тайного места, а это никак не вязалось с его любовью к подробностям, значит, наверняка он поступил так специально.

В прихожей в трансляторе прозвучал сигнал. Как же мне хотелось, чтобы это была мама! Ведь я, с тех пор как несколько недель назад послала ей ложку, ничего о ней не слышала. Когда я пошла читать сообщение, по онемевшим ногам побежали мурашки. Оно было от Саньи.

«Пожалуйста, продай нам в кредит немного воды! Срочно! Сделай это сегодня, если успеешь».

У меня внутри все так и перевернулось. Санья никогда не просила воды, тем более в кредит, значит, речь шла о ее сестре. На улице будет светло еще несколько часов, поэтому я успею

вернуться домой до наступления комендантского часа.

«Уже выхожу», — ответила я.

Оставив раскрытые книги на полу, я наполнила водой три большие бутылки, погрузила на солнцедел и поехала потихоньку в деревню.

Глава 12

Входная дверь была закрыта. Я постучала, но никто не открыл. Постучала еще раз — опять ничего. Сняла куртку, накинула ее на бутылки, чтобы никто их не увидел, и пошла посмотреть, есть ли кто на заднем дворе. Подергала дверь в мастерскую, но и та была на защелке. Попыталась разглядеть что-нибудь через сетку стены: на верстаке стояли наполовину собранное археустройство и небольшой вентилятор, рассекавший лопастями раскаленный воздух, рядом с ним лежали остатки пирога Саньи не было видно.

Тут мне вспомнились истории из эпохи архемира, где рассказывалось о кораблях-призраках, экипаж которых словно растворялся в воздухе без всяких на то причин: предложение оставалось неоконченным, белье грязным, в чашке был недопитый чай.

— Санья!

Нет ответа.

— Санья! — позвала я. — Кира! Ян!

Никого не было слышно: ни Саньи, ни ее родителей, ни даже голоса Миньи. Я повернулась, чтобы пойти обратно к двери, как услышала позади себя стук: покрасневшая Санья вылезла из-под верстака и обернулась ко мне, вытирая с лица пот.

— У тебя все в порядке? — спросила я.

– Быстро ты, – сказала она, выключила вентилятор, открыла дверь и вышла наружу.

– Я не видела тебя. Подумала даже, что никого нет.

– Вот, возилась тут под столом, – сказала она, избегая моего взгляда. Я знала точно, что в мастерской нет такого места, где бы я ее не заметила.

– Все в порядке? – снова спросила я.

И тут Санья расплакалась:

– Нет, не в порядке. Минья... С ней совсем плохо. Мама опять повезла ее к доктору, но все это без толку, лекарство нужно смешивать с водой. – Она дернула головой и подняла глаза на меня.

Я сделала к ней шаг, другой, затем прижала ее к себе, и Санья не отпрянула. С тех пор как в десять лет она споткнулась и растянула ногу, я ни разу не видела ее плачущей. Она хлюпнула носом и затихла. Так мы постояли некоторое время под лучами палящего вечернего солнца. Наконец Санья отодвинулась от меня и высморкалась.

– Извини.

– Не глупи, – сказала я, ткнув ее в плечо. – Я принесла воды.

Как же легко стало у меня на сердце, когда она улыбнулась!

– Готова хоть до конца жизни ремонтировать для тебя все, что пожелаешь, если уж ты не хочешь никакой другой платы, – заявила она.

Я открыла рот, чтобы возразить, но она продолжила:

– Так будет честно. Ведь у тебя нет столько воды, чтобы хватило на всех.

Я не смотрела на нее и не знала, что она могла увидеть на моем лице.

— Я оставила бутылки на переднем дворе. Пойдем, пока кто-нибудь не прибрал их.

Мы забрали воду из солнцевела и отнесли их к двери. Когда Санья открыла ее, изнутри пахнуло давно не мытыми волосами и прокисшим молоком. В гостиной на столе и под ним валялись пустые стаканы и грязная посуда с остатками пищи. В углу стоял таз с замоченной в нем детской одеждой. По полу катались огромные клубки пыли. Санья посмотрела на меня, затем вокруг и, кажется, удивилась, словно впервые за много дней увидела, как выглядит их дом.

— Ну и кавардак тут! — сказала она. — Что делаешь, Минья ничего не может есть, ее постоянно тошнит, и мы не успеваем стирать за ней испачканное белье.

Было видно, что ей неловко от того, что я стала свидетелем их бед.

— Теперь успеете, — сказала я и попыталась улыбнуться.

Мы отнесли бутылки на кухню, Санья ополоснула бутылочку, налила воды до половины и отмерила немного белого порошка из тряпичного мешочка. Потрясла, чтобы растворить лекарство. Белый порошок окрасил воду в беле-сый цвет.

На крыльце слышались шаги. Едва Санья успела повернуться к двери, как вошла уставшая Кира с дочкой на руках. Какой кошмар! Я не видела Минью несколько недель. Ее голубые глазки стали похожи на две темные ямки на бледном лице, она была настолько исхудавшей и изможденной, что я заволновалась.

— У них нет больше коек, ближайшая больница находится в Куусамо.

— О чем только они там думают? А нам-то что делать? — нервно спросила Санья.

— Они сказали, что надо давать ей лекарство и ждать, пока не спадет температура.

– Так ведь именно этого мы и добиваемся уже две недели! Ты сказала, что у нас не хватает воды?

– Санья, наша больница переполнена, там больные, которым еще хуже, чем нашей Минье. – Голос Киры звучал устало и глухо. – У них всего два врача, три медсестры и парочка волонтеров. И они задолжали спекулянтам с черного рынка воду за три месяца. Они даже не знают, смогут ли работать в следующем месяце.

Как это страшно, когда у докторов нет другого варианта, кроме как отправить человека домой умирать.

Санья протянула бутылочку с лекарством.

– Вода достаточно чистая? – обеспокоенно спросила Кира.

– Да, – ответила я.

Они обе пристально посмотрели на меня, и лицо Киры помрачнело.

– Ты ведь знаешь, что нам нечем заплатить?

Она обращалась к Санье, но больше ко мне.

– Платить не нужно.

Кира уселась в обшарпанное кресло, взяла бутылочку и протянула ее Минье. Та с трудом открыла рот, почти сразу проглотила несколько капель и уснула. Кира отнесла ее в спальню.

– Санья, подойти сюда, – позвала Кира.

– Иди-иди, я подожду тебя здесь, – сказала я.

Они закрылись в спальне. Из-за двери было слышно каждое слово, хотя Кира и пыталась разговаривать вполголоса, но, думаю, она хотела, чтобы я слышала.

– Ты не должна была просить у нее воды!

– А что еще мы можем сделать! – выпалила Санья. – Мне никогда не построить этот водопровод – деталей нет, да и цены на них заоблачные.

Кира только вздохнула:

– Знаю, дочка. Добывать воду – не твоя забота. Если бы Минья была здорова, мы могли бы ходить по соседним деревням, чинить одежду или еще что-нибудь или, например, попытаться устроиться на обувную фабрику в Куусамо. Мне просто не хочется ни у кого одалживаться.

Все. Больше слушать этого мне не хотелось, поэтому я вышла на крыльцо и аккуратно закрыла за собой дверь. Присела на ступеньку и стала глядеть по сторонам: вялые, с трудом удерживающие себя прямо подсолнухи, дырявая крыша, сплетенная из водорослей, под нею два разбитых стула... Соседние дворы и дома казались одинаковыми, тусклыми, уставшими отражениями друг друга.

Не знаю, сколько я просидела на крыльце, наконец Санья вышла и тихо закрыла за собой дверь:

– Они обе уснули, в последнее время это большая редкость в нашем доме.

Я старалась говорить вполголоса, но мои слова прозвучали неожиданно резко:

– Ты соображаешь, что делаешь?

Она вздрогнула, а у меня сердце сжалось в груди, потому что все последние недели запечатлелись на ее лице, во всем ее облике, но я вспомнила пустую мастерскую, стук и ее неожиданное появление, поэтому все же продолжила:

– Неужели ты не понимаешь, насколько опасно заниматься строительством нелегального водопровода? А если его обнаружит аквапатруль? Стройка-то у тебя под верстаком, так ведь?!

Санья тяжело вздохнула:

– Нам не хватает положенной нормы, и у нас нет больше денег покупать воду. Отцу удастся получать часть зарплаты водой, но она иногда выглядит так, будто в ней замачивали грязное нижнее белье.

Я нахмурилась:

– Пожаловаться куда-нибудь не пробовали?

Санья усмехнулась:

– Скажи кому? Тем же самым генералам, которые нелегально дают отцу эту воду?

Я поняла, что она имела в виду.

– Хватит, – сказала я, и Санья недоуменно посмотрела на меня. – Никогда больше не подходи к своему водопроводу.

– Ясное дело, тебе никогда не приходилось делать выбор – оказаться в тюрьме или позволить своей семье умереть от жажды.

Я не верила своим ушам: она ни разу не позволяла себе разговаривать со мной таким тоном. Санья и сама была удивлена своей жесткости, она схватила мою руку и сжала ее:

– Нориа, прости меня. Я не имела ничего такого в виду...

– Сколько тебе нужно?

– Нориа...

– Сколько?

Она пристально посмотрела на меня:

– Гораздо больше, чем ты можешь мне дать. Две бутылки в день.

– Ты получишь их.

Санья покачала головой:

– Вода нужна тебе самой. Я не могу.

– Не беспокойся.

Мне показалось, что она хотела спросить о чем-то еще, но промолчала, и я была благодарна ей за это. Хоть не пришлось лгать.

С тех пор что-то поменялось в наших отношениях – что-то, чему я ни тогда, ни сейчас не могу найти подходящих слов.

Она не разговаривала со мной о водопроводе, не упоминала о болезни Миньи, а я не рассказывала ей о сокровенном источнике.

Тайны точат нас, как вода точит камень. Казалось бы, на поверхности все спокойно, но есть вещи, которыми мы не можем ни с кем поделиться, они гложут нас изнутри, а затем жизнь обволакивает их, подстраивается под них. Тайны пожирают отношения между людьми. Порой мы надеемся, что они во благо, что, допустив другого в уголок души, где прячется тайна, мы уже не останемся с ней один на один.

Я начала регулярно приносить Санье воду. Она молча брала ее. Тем временем Минья стала выздоравливать и интересоваться происходящим вокруг, и, хотя ручки и ножки у нее выглядели, как истонченные зимними холодами веточки, смертельная опасность была уже позади. Мама Кира относилась ко мне со смешанным чувством благодарности и неловкости, ограничиваясь короткими фразами, а отец Ян вообще не упоминал про воду. При встрече он всякий раз интересовался, не нужно ли чайному мастеру помочь чем-то в саду или подремонтировать в доме. Я отказывалась.

Все мои попытки найти какую-либо информацию об экспедиции Янссона зашли в тупик. Воодушевленная последней записью в дневнике Миро, я пролистала все оставшиеся книги, но обнаружила лишь не связанные друг с другом короткие заметки, в которых не нашла ничего нового. Свалка надежно хранила свои секреты. От моих поисков не было проку, только рана на руке от какой-то ржавой железки да горсть-другая запчастей для Саньи. Со всех сторон меня окружала стена молчания: индикатор транслятора не мигал, молчаливая трава тянулась вверх из земли, прах отца лежал безмолвно в могиле.

Весна шла полным ходом, пока однажды утром тишина рухнула.

Стоял обычный день, каких много: небо в тучах стального цвета, на ветках редких деревьев и кустов светло-зеленым пламенем трепещутся листочки, улицы пустынные. Я шла мимо дома, во дворе которого пожилая пара сидела под навесом из водорослей. Он обнимал ее за плечи, а у женщины текли слезы по морщинистым щекам. Видеть такое было не под силу.

Санья ждала меня у входа, когда я подошла к их дому.

– Ты уже слышала? – спросила она. Я увидела, что она чем-то напугана, и мое сердце сжалось.

– Что случилось? Все ли в порядке?

– Да, точнее, нет. Помнишь тот серый дом рядом с больницей, где на двери был синий круг?

Конечно, я помнила: темные окна, задернутые шторы, пустая улица и соседи, которые обходили дом стороной.

– Оказывается, жильцов не увезли, как все думали. Их держали под домашним арестом почти два месяца. Они никуда не могли пойти, солдаты приносили им совсем немного еды и воды, чтобы они только не умерли. Сегодня утром их вытолкали на улицу и... – Она запнулась на полуслове. – Их казнили прилюдно.

– Ты уверена?

Перед глазами встал намалеванный синим круг на двери, особенно заметный на фоне облупившейся краски, – круг цвета неба и солдатской формы. Трудно было поверить в случившееся, несмотря на все события после праздника начала лунного года.

– Отец видел. Он как раз шел на рынок и увидел, как солдаты вытащили их на улицу и перерезали каждому горло на глазах у прохожих.

Я попыталась отогнать от себя страшное видение, но оно опередило меня: блестящий ме-

талл, впивающийся в нежную кожу, движение руки в синем рукаве, кровавая лужа, растекающаяся в пыли, и солнце, ломающее в ней свои лучи.

– Неужели так теперь будет всегда? – вдруг хриплым голосом спросила Санья. – Неужели теперь кого угодно можно арестовать просто так или, того хуже, казнить прямо у себя дома без разбирательств?

– Такое не может продолжаться вечно, – ответила я. – Не сомневайся.

– А что, если это никогда не закончится? – Говоря это, Санья смотрела на меня, и я не могла припомнить, чтобы когда-нибудь видела на ее лице такую безнадежность. – Люди не могут перестать нуждаться в воде. Они будут строить незаконные водопроводы, даже если их за это накажут. Я...

Ах вот в чем дело!

– Неужели ты все еще строишь свой водопровод? – спросила я.

Она отвернулась, закрыв лицо волосами.

– Нориа, ведь мы не можем целую вечность зависеть от твоей воды. Она нужна и тебе тоже.

Я подумала о поколениях чайных мастеров, об их выборе и ответственности, я подумала о Миро, поступившим так, как посчитал для себя единственно верным, нарушив тем самым все традиции, подумала о родителях, которых не было здесь, подумала о Санье – она была со мной.

– Пойдем, я хочу показать тебе кое-что.

Мы отправились в тундру, как делали это много раз в детстве, играя в умных и бесстрашных искателей сокровищ в диком и заброшенном месте. Темнеющие тучи начали медленно загроживать горизонт, и в конце концов все небо

спряталось за ними. Я хорошо помнила дорогу к сопке. В памяти вставал другой пейзаж: широкие тропинки, высокие сопки, большие камни, на которые трудно взобраться, глубокие шрамы в скале, оставленные пересохшими ручьями. В сравнении с ним все вокруг выглядело мелким и пресным, но мне казалось, что я шаг за шагом иду в глубь чего-то темного и всепоглощающего — еще более впечатляющего своей мощностью, чем то, что я помнила с детства. Я почти слышала, как позади меня трещат камни, как рассыпается в прах тропинка, и если обернуться, то можно увидеть только пустыню, а вдали зеленую полосу леса, но дом и деревня оказались бы стертыми, все дороги заваленными, и не было бы иного выхода, кроме как идти вперед в неизвестность.

Санья не спрашивала, куда мы идем, просто молча шла за мной.

Когда мы подошли к пещере, она воскликнула:

— Я помню это место! Тут у нас с тобой был Главный штаб Центрального общества посланцев Нового Киана, — сказала Санья.

— Иди за мной, — позвала я и поползла в самый конец пещеры. Там мои пальцы привычно нащупали металлический рычажок на сухом, шершавом и прохладном камне. Открылся вход. Беспокойный свет фонаря блеснул в глазах Саньи.

— Что это за место? — спросила она.

— Место, которого нет, — ответила я.

Нас овевала прохлада сопки, пока мы спускались в ее глубины. Я слышала за собой шаги Саньи, начавшееся снаружи странное видение не отпускало. Глухой гул источника был похож на шепот, и мне казалось, что если я обернусь, то

Санья исчезнет в складках скалы, станет тенью среди других в глубинах земли. Наши движения изображали изящный танец на стенах. Мы не останавливались, пока не пришли в пещеру, где вода вырывалась из скалы в небольшое озеро.

Санья глубоко вздохнула, подошла и вцепилась дрожащими руками в мою руку. Я почувствовала, как ее ногти крохотными остриями впились в кожу.

– Это все... Все это вода. Это твое?

– Да, – ответила я. Ее пальцы сжались. – Точнее, нет.

Санья в бешенстве повернулась ко мне, и я вздрогнула.

– Как ты смеешь!

Ее слова были похожи на плевок, а голос дрожал:

– Как ты смеешь скрывать все это? Жильцы того дома... Минья. Она могла бы...

Мне стало стыдно. Я не могла смотреть ей в глаза.

– Как ты смеешь! – повторила она.

Страх свернулся во мне в тугую пружину. А что я могла ожидать? Благодарности? Облегчения? Или, быть может, ощущения сопричастности к тайне? Конечно, я знала, что подвергаю себя опасности, приведя сюда Санью, однако ни на секунду не поверила бы в то, что опасность может исходить от нее. Теперь такой уверенности не было.

– Ты должна мне пообещать, что никому об этом не расскажешь, – произнесла я в панике. – Я смогу тебе помочь, только если источник останется в секрете.

– Ты не имеешь никакого права, – ответила она.

Я не могла смотреть ей в глаза.

– Санья, – начала я таким тихим голосом, что сама едва слышала себя, – как ты думаешь, что случится, если кто-нибудь узнает об этом?

Она по-прежнему держала меня за руку. Я подняла глаза.

Тени сомкнулись на лице Саньи, она была напряжена. Потом ее плечи опустились, лицо стало обычным, и голос зазвучал как прежде.

– И все равно это неправильно, – тихо сказала она.

– Знаю, – ответила я.

Постепенно холод начал пробирать меня до самых костей. А у Саньи, как всегда с дороги, лицо пылало, и ей было жарко. Она начала раздеваться: сбросила свитер, стянула рубашку и развязала шнурки.

– Что ты делаешь? – воскликнула я.

– Как думаешь, когда я последний раз мылась в чистой воде? – спросила она, сбрасывая оставшуюся одежду, и осторожно подошла к краю озерца. Там было место, где гладкая скала плавно спускалась в воду. Потрогав ее ногой, она вздрогнула, но не остановилась, а смело пошла дальше и нырнула. Вода охватила ее, словно упавший гладкий камень. Санья вынырнула, в дрожащем свете фонаря она выглядела такой бледной и тоненькой, что казалась прозрачной – дух воды, принявший человеческий облик.

– Холодная?

– Иди, попробуй!

Тайны точат нас, подобно воде, что точит камень. И если мы допустим другого в уголок души, где прячется тайна, мы уже не останемся с ней один на один.

Я сняла одежду и смело ступила в воду, дала ей обнять меня, хотя она тут же сковала каждую частичку тела пронзающим холодом. Камни на

дне были округлые, гладкие и скользкие, но я не видела их – я вообще не видела, куда ступать. Вдруг я поскользнулась, и Санья подхватила меня под руку.

Я остановилась и закрыла глаза.

Время текло тонким ручейком где-то снаружи пещеры, ветер медленно превращал скалу в песок, и свет вокруг менялся, а мы стояли, молча и неподвижно.

Снаружи ничто не меняется, но наша жизнь медленно ищет и подстраивается под то, чем мы никогда не можем ни с кем поделиться.

Наконец Санья отпустила меня и сделала шаг назад, затем другой и третий. Неожиданно она с удивлением стала всматриваться в воду. Я подошла ближе и почувствовала под ногой что-то ровное и твердое, похожее на пластину, скользкое от водорослей.

– Нориа, что это?

Это был крепко сколоченный, гладкий, перетянутый двумя кожаными ремнями деревянный ящик толщиной в два или три дневника чайного мастера, но немного длиннее. Мы рассмотрели его со всех сторон, замка не нашли и решили развязать один ремень.

– Ты уверена, что мы поступаем правильно? – спросила Санья.

– Нет, но разве мы не хотим узнать, что там внутри?

Она кивнула и начала развязывать второй ремень.

В деревянном ящике находился другой – металлический, плотно закрытый, он тоже был без замка. Вода просочилась в деревянный ящик, но внутри металлического было сухо. В нем лежал плотно завернутый пластиковый пакет, сквозь который виднелся сверток ткани, оказавшейся,

когда мы содрали пластик, старой рубашкой. Мы стояли в молчании – в нее было завернуто шесть гладких серебристых дисков.

Дождь шел не переставая, пока пыль не начала кипеть грязными пузырями и узенькие ручейки не побежали по камням улиц и дворам. Люди стояли с открытыми ртами, пили воду, льющуюся на них с небес, и восхваляли небесные силы. Вода стучала по дну бочек, горшков, бутылок и банок, громыкала по крышам, и ее звуки обволакивали все вокруг словно мягким саваном, лаская землю, лужайку и корни деревьев.

Мы с Саньей сидели на крыльце чайного домика, глядя на отблески света фонаря на стенах и полу, и наслаждались теплом друг друга.

На деревянном столе поблескивали семь серебристых дисков.

Наступила тихая ночь, и, кроме нее, ничто не осталось как прежде.

Глава 13

– Включи последнюю запись еще раз, – попросила я.

Санья нажала на кнопку археустройства, с нарисованными двумя стрелками влево. У меня от долгого писания затекли руки. Я потрясла рукой в такт таинственным звукам, стрекотавшим из динамиков. Санья отняла палец от кнопки, и голос произнес: «...пока мы не подтвердим все результаты. На данный момент очевидно, что территории Салтфьеллет-Свартисен, Рейво и большая часть между Мальмбергетом и Колари являются регионами, на которых водные ресурсы уже частично пригодны для употребления. По нашим оценкам, полное очи-

щение произойдет в течение следующих пятидесяти лет».

– Останови, – сказала я.

Санья выключила диск, и я записала последнюю фразу в записную книжку.

В мастерской мы аккуратно расставили все по кругу: археустройства, диски, книги, принесенные из маминого кабинета. Я взяла увесистый том с картой Утраченных земель, напечатанный еще в эпоху архемира, и начала искать только что услышанные названия. Вот тут – Рейво. Я обвела его в кружок и откинулась назад, разминая затекшую спину. Мы просидели уже несколько часов.

– Пожалуй, надо сделать перерыв, – сказала я.

– Ты же сама хотела перенести все с дисков на бумагу. Пойду принесу нам чаю, – ответила Санья, пожав плечами.

Она пошла на кухню, а я начала искать на карте другие названия.

– Нет, я все же никак не возьму в толк, что ты собираешься делать со всем этим, – недоуменно пробормотала Санья, возвращаясь с кухни.

– Я и сама не очень понимаю, – ответила я.

Это не было правдой.

Серебристые диски лежали на той самой рубашке, в которую они были завернуты. Для ясности мы поставили на них номера от одного до семи, чтобы запомнить порядок, прослушивая каждый в отдельности и выписывая даты. Мы уже расшифровали четыре, и я записала слово в слово всю информацию – потом попытаюсь обдумать ее, – однако не все слова понимала: время стерло некоторые места, а кое-где на дисках были глубокие царапины, так что археустройство их не прочитывало. А еще отсутство-

вали целые куски, дни и даже недели. Наверное, дисков было больше – десять или того больше.

В любом случае становилось ясно, что все они происходили из одного и того же места. На дисках звучали два совершенно разных мужских голоса, из них один был тот же, что и на первом, найденном раньше на свалке. Во мне крепла уверенность, что те, кого чайный мастер Миро прятал у источника, были именно членами экспедиции Янссона. Никакого другого объяснения тому, как ящик оказался в подземном озере, придумать не получалось. Мне еще очень хотелось проследить их маршрут, но слушать, записывать и одновременно справляться с картами было чудовищно трудным делом, да и вряд ли история может когда-либо приобрести цельность. Между нашей эпохой и экспедицией Янссона пролегла целая вечность, нас разделяли смыслы, приглушенные временем, и ставшие пылью образы мира, который давным-давно канул в небытие. Мы могли довольствоваться только отголосками давних событий.

И все же, несмотря на разрушительную силу времени, во всей этой истории скрывалось нечто такое, от чего я чувствовала себя заключенной в слишком тесное место, когда повсюду ощущаются грани и пределы жизни. Экспедиция Янссона существовала – это факт. Они жили и дышали, они загрузили свой архемобиль едой, водой и научными приборами, они каким-то образом сумели все это перевезти через границы на территорию Утраченных земель. Они взбирались по крутым склонам, где никто до них не ходил в течение многих десятилетий, они смотрели с вершин вниз на деревни, которые много лет назад ушли под воду. Они погружали ладони в бегущие с гор ручьи и темные, спокойные, как лед, озера, а когда их приборы

показали, что воду можно пить, они поняли, что их усилия оказались не напрасны.

В своих снах я была с ними, в чужом краю, где вода звучала повсюду. Правда, я не видела их лиц и не разговаривала с ними. Они оставались где-то позади меня, в недосягаемости, словно я была бестелесным духом, путь которому в мир живых преграждает темный поток. Моя лучшая подруга всегда была рядом, и все вокруг было другим: белые верхушки гор, морозный воздух, вода, в которой отражалось небо – такое непостижимое, словно иной пылающий мир.

От сна до слов и дальше к поступкам путь был долог, но с каждым прослушиванием он становился все короче.

Стукнула дверь. В мастерскую вошла Санья и протянула мне чашку прохладного чая, его капелька сбежала на мои пальцы.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – сказала я. – Не проводишь меня?

Это означало – у нас был такой негласный договор – «приходи за водой». Вообще, в деревне говорить о воде стало неприличным: можно прослыть либо хвастуном, кичащимся своими запасами, либо жалким попрошайкой.

– Сегодня не могу. Мама всю неделю подрабатывает в солдатской столовой, так что я должна сидеть с Миньей дома. Зайду завтра.

– Завтра не годится. У меня будут гости.

Похоже, Санья огорчилась, но я знала, что для нее у меня не будет времени. Не то чтобы заместитель бургомистра Куолоярви был особенно требовательным, однако на чайные церемонии обычно уходил целый день, с утра до ночи. Я не могла рисковать, не хотелось лишиться постоянных клиентов. Многие из тех, кто постоянно приходил к отцу, несмотря на присланные ими соболезнования и обещания не изменять

своим привычкам, отказались принимать меня в качестве чайного мастера. При жизни отца новые клиенты в основном появлялись по рекомендации майора Болина, но, видимо, он был прав, говоря, что его время прошло и покровительствовать он нам не может. После похорон я ничего о нем не слышала.

– Давай послезавтра? – спросила я.

Санья кивнула в ответ. Я надела сетку на голову, взяла записную книжку, сумку и шагнула в пыльный теплый вечер.

Когда я выходила со двора, то заметила военного, приближавшегося со стороны деревни. Решила пройти мимо и не разглядывать его – так делали все жители, но он неожиданно поздоровался со мной. Я не сразу признала в нем того самого светловолосого военного, который общался с Саньей прошлым летом, когда Таро со своими людьми приходили искать воду в доме чайного мастера. Я повернула в сторону дома, заметив краем глаза, что военный остановился перед воротами Саньи.

Эта чайная церемония была далеко не первой, которую я проводила после смерти отца. Я научилась искать утешение в его образе: воспоминания о нем оказались настолько тесно связаны с чайным домиком, что казалось, будто он все еще рядом, что следит за моими движениями, готовый помочь мягкими наставлениями. Однако в этот раз образ отца казался мне строгим и суровым, словно он знал обо всем. Я послушно отвечала на вопросы заместителя бургомистра о картинках на стене, предлагала приготовленные по всем правилам сладости и заварила крепкий чай – все, как он и хотел. Но мне никак не удавалось обрести спокойствие, которого требовала сосредоточенность во время церемонии.

Тяжко нести бремя нарушенного обета. Тяжко пытаться умиловить мертвых, но еще сложнее не делать этого.

После церемонии наступило опустошение. Поздно вечером я закрыла двери чайного домика и вернулась по темной дорожке домой. От усталости тело казалось тяжелым и хрупким, как стекло. В слабом ночном свете раннего лета я рухнула на кровать и провалилась в сон.

В дверь постучали.

– Нориа! – позвала меня Санья. – Есть тут кто-нибудь?

– Подожди! – крикнула я в ответ и поднялась с кровати. Солнце стояло высоко. Я надела сандалии и, пошатываясь, пошла открывать дверь. На крыльце стояла Санья, в руках – четыре связанные между собой бутылки.

– Я уже послала тебе сообщение. Потом подумала, вдруг ты просто забыла ответить, в общем, пришла, как и договаривались.

Ах да, я же совсем забыла, что она должна прийти. Посмотрела на транслятор – индикатор мигает. Откинула с лица волосы и сказала:

– Я совсем ничего не слышала. А который час?

– Все в порядке, еще нет и девяти. Наверное, я пришла раньше времени, – ответила Санья.

Я распахнула дверь и пропустила ее в комнату со всеми бутылками. Только сейчас я заметила, что она принесла еще большой плотный конверт.

– По дороге к тебе встретила почтальона. Он как узнал, что я направляюсь сюда, попросил передать тебе вот это, чтобы не делать специально крюк.

Взяв конверт, я сразу его распечатала, так как знала, что он от мамы. Внутри лежал транс-

лятор – немного подержанный, хотя в хорошем состоянии, и никакого письма.

– Странно, – задумчиво сказала я.

Похоже, Санья подумала то же самое.

– Ты уверена, что это для меня?

– Так сказал почтальон.

Я попробовала включить транслятор, но экран не загорался.

– Скорей всего, он просто разрядился, – предположила Санья.

У меня вдруг засосало под ложечкой, я ведь не ела со вчерашнего утра.

– Хочешь чаю? – спросила я.

Санья кивнула и пошла за мной на кухню. Я положила транслятор на подоконник на солнце – так он зарядится быстрее. Вскоре вскипела вода, мы разлили чай, и я приложила ладонь к экрану. Тот мигнул. Санья оказалась права: транслятор включился и считал мои отпечатки. В этом не было ничего особенного, все такие устройства позволяли открывать личный профиль пользователя или семьи на основании отпечатков пальцев, и в принципе любой гражданин, числящийся в государственном реестре населения, имел возможность входить в систему в любом месте, с любого прибора. Однако... На экране высветилось не мое имя. Транслятор сообщил: «*Айно Ванамо*». Год рождения был такой же, но число другое. Местом рождения был указан Синджинь.

– Что там? – спросила Санья и встала из-за стола, чтобы рассмотреть получше. Когда она увидела надпись на экране, то изменилась в лице.

– Давай ты попробуешь? – предложила я.

Санья приложила ладонь к экрану, и на нем высветилось: «*Санья Валама*». Тогда я опять

положила ладонь, и вновь появились данные Айно Ванамо.

– Гениально! – выдохнула Санья. – Это же поддельный транслятор!

Да-да, я очень хорошо знала такое выражение ее лица: она, наверное, уже соображает, как был взломан этот транслятор и, главное, получится ли у нее так же.

– Он синхронизирует чужие личные данные с твоими отпечатками пальцев. А так, в руках кого угодно другого это совершенно обычный транслятор.

В углу начал мигать красный индикатор. Я щелкнула по нему пальцем.

«Если ты получишь это, важно, чтобы ты сделала так, как я тебя прошу. Ты не можешь оставаться там, где ты сейчас находишься, – это небезопасно. Свяжись с Болином, он поможет тебе взять билет на поезд. А когда будешь знать о своем приезде, пошли мне весточку с этого транслятора и не пользуйся другим. Оставь его дома, как уедешь. Надеюсь, что увидимся очень скоро».

И никакой подписи. Почерк был мамин.

– Поедешь? – спросила после некоторой паузы Санья.

– Не знаю, – ответила я. Только сейчас стало понятно, почему она просила меня прислать какую-нибудь вещь – ей нужны были отпечатки моих пальцев, чтобы подделать личный номер. Сказать об этом напрямую она не могла, опасаясь, что вся переписка контролируется военными, и, скорее всего, ей пришлось кого-то подкупить, чтобы транслятор обязательно дошел до меня. Судя по всему, обратная почта шла несколько недель.

Наверное, мне следует обрадоваться маминemu предложению, ведь она просит меня при-

ехать, это значит, что Синджинь относительно безопасное место, несмотря на войну. Да и жизнь будет куда проще без постоянного страха за источник: не нужно следить за уровнем воды, не нужно видеть, как лица жителей деревни становятся с каждым днем все бледнее, и ждать со страхом, на чьих воротах завтра может появиться синий круг. Мне не придется носить воду из тундры, возить ее Санье, убираться в доме, ухаживать за садом и печь сладости к чаю. Все это, ну или отчасти, мы могли бы делать вместе с мамой, как делали раньше, до ее отъезда и до смерти отца. Ах, опять эта усталость, что еще вчера сковала меня, — захотелось прямо тут лечь на пол и не шевелиться. Захотелось, чтобы кто-нибудь другой взял на себя ответственность за меня и мою жизнь, за все, что мне приходится нести на своих плечах. И вот Синджинь встает передо мной вдали, окруженный призрачным мерцанием, манящим и радостным.

Однако все, от чего я хотела убежать, призывало меня остаться. Кто позаботится об источнике? Где Санья будет набирать воду для семьи? Ведь ее схватят и казнят, если я оставлю источник на нее и военные каким-нибудь образом прознают про него, а я буду в это время далеко — на другом конце континента! Нет, я не могу позволить ей оказаться в такой беде.

Вдруг я поняла, что иду, как по тропинке, к той самой единственной возможности: вода на Утраченных землях. Да, я могу послушаться маму и поехать в Синджинь или послушаться отца и остаться здесь, стать навсегда хранителем сокровенного источника. Или же я могу поступить по своей воле и выбрать свой путь, не продиктованный ни одним из родителей.

Сначала все эти возможности казались мне одинаковыми, но потом одна из них начала

брать верх над другими, склоняя меня в свою сторону.

Мы пили чай на кухне, ели хлеб из амаранта, макая его в подсолнечное масло, я видела, как Санья пыталась сдерживаться и не слишком налегать на еду.

— Мне всегда было жутко интересно, можно ли сломать систему идентификации личности, — вдруг выпалила она. — Теоретически есть одна идея, думаю, что я смогу.

Конечно, я знала, что Санья с удовольствием забрала бы поддельный транслятор с собой в мастерскую и досконально изучила бы его, но она не хотела просить об этом напрямую, а я, в свою очередь, не хотела ей предлагать такого. Мне нужен новый личный номер, если я решу поехать в Синджинь, и поэтому я опасалась, что она случайно может удалить фальшивые данные.

Чай закончился, и Санья наполнила из крана свои бутылки. На следующей неделе надо перекрыть второй водопровод. Загрузили воду. Мы оборудовали тележку солнцевела большим сундуком из камыша с двойным дном: сначала укладывались бутылки, а потом устанавливалось второе дно, на него мы складывали старые бутылки — якобы для починки — и тряпье, из которого мама Кира с удивительным искусством шила мне на заказ всякие вещицы, нужные в чайном домике. Если акваинспекторы ее случайно остановят, как это порой случалось, они не найдут в сундуке ничего, кроме обычного хлама.

Я стояла и смотрела на следы, оставленные в пыли колесами ее солнцевела. Из-под крышки сундука торчал кусок рукава белой рубашки, трепыхаясь на ветру, точно белое пламя.

Санья все чаще составляла мне компанию, когда я отправлялась проверить уровень воды. Раньше я ходила к источнику самой короткой дорогой, проверяла уровень воды и возвращалась обратно. Теперь же наши походы участились, и приходилось идти в обход. Случалось, мы присаживались на берегу пересохшей древней реки, чтобы перекусить, и долго смотрели на бегущие по небу облака. Иногда я читала книгу, а Санья подолгу что-то рисовала в подаренной мною тетради. Погода становилась все жарче, и пещера оказывалась единственным местом, где можно было хоть как-то спрятаться от палящего солнца. Источник занимал все наши мысли, хотя о нем мы не разговаривали, нет, не из опасения, что он иссякнет, а потому что, отправляясь к озеру в пещере, мы совершали прыжок в другой мир. Там мы становились обладателями роскоши воды, принадлежащей только нам, и мне хотелось, чтобы так было всегда.

Время – ложный союзник, ему нельзя доверять. Несколько недель могут показаться началом вечности, и если верить, что ничто и никогда не переменится, то можно легко утратить чувство реальности.

В тот день мы провели у источника, может, час или два. День стоял жаркий, вокруг летали насекомые, а в прохладной пещере тени ласкали нашу обгоревшую кожу. Дома меня ждала прополка сада, Санье пора было спешить в мастерскую, но мы все тянули время. Она была в хорошем настроении и в мерцании фонарей пыталась что-то сложить из камешков.

– Что это? – спросила я.

– Вот это дом, – ответила Санья, указывая на пирамидку в центре круга, – эти с сердитыми физиономиями – акваинспекция. Это – мы.

Чуть подальше она поставила еще два камня, а между ними кусочек пластмассы, изображавший ведро. На камнях она изобразила улыбающиеся лица.

– Эти-то не видят разве?

– Инспекторы смотрят в другую сторону. Так, теперь еще возьмем вот это, – сказала она и начала мерить волос, выдернув его из моего хвоста.

– Зачем? – спросила я, отстраняясь.

– Чтобы сделать тебя, – ответила Санья.

– Нет уж, лучше я буду лысой, – рассмеялась я и бросилась от нее наутек.

Она – за мной. Так мы бегали по кругу, пока я не сдалась и не позволила отрезать перочинным ножиком пучок волос. Санья положила его на изображавший меня камень и придавила сверху другим поменьше. Потом изобразила себя.

– Вот, получилось очень похоже, – рассмеялась она.

Мы пребывали в отличном настроении, возвращаясь обратно по проходу, и, конечно, вели себя довольно шумно – звук шагов и смех разлетались по проходу многократным эхом. Когда мы подошли к лазу, Санья без предупреждения повернула рычажок: поток ледяной воды окатил меня с ног до головы. Взвизгнув от неожиданности, я отпрянула в сторону.

– Вот выйдем наружу, порадуешься, что одежда и волосы мокрые и прохладные, – сказала она с невинным видом.

– Ах так, давай и ты, не лишай себя удовольствия! – крикнула я, затаскивая ее под воду. Санья фыркала, пыталась вырваться, наконец ей это удалось, и она закрыла кран. Я все еще выжимала мокрую одежду, когда она повернула другой рычажок и вылезла в пещеру.

– Скоро приду! – крикнула я ей вслед. Ни звука в ответ. Потом снаружи послышался приглушенный хруст.

– Санья, это ты?

Я наполнила небольшую бутылочку, которую принесла с собой, опустила ее в лаз, затем пролезла сама с двумя фонарями и мокрой москитной сеткой. Подняв глаза, я поняла, что все кончено.

Санья стояла у входа спиной ко мне, а ее фонарь лежал разбитый на земле рядом с ее сеткой. В ярких солнечных лучах я увидела мужскую фигуру, стоявшую перед входом. Постепенно я разглядела его.

– Нечасто такое увидишь в нашей деревне, – медленно произнес Юкара. – Две юные особы появляются из тайного места, да еще и насквозь мокрые.

Санья обернулась ко мне. Позже я тысячу раз вспоминала тот момент, пытаюсь разгадать выражение ее лица – каждую его черточку. Память сдается и ускользает, а потом разбивается вдребезги, но и тогда, и сейчас я уверена в двух вещах: Санья выглядела удивленной не меньше моего, однако на ее лице было и другое чувство.

Чувство вины.

Начинать что-то придумывать не имело смысла. Мы совершили ошибку по небрежности, но что случилось, того уже не исправишь. Мне и Санье казалось, что никто, кроме нас, не может отыскать это тайное место, поэтому нам ни разу не приходило в голову подумать о том, как станем объяснять свое пребывание в пещере, если нас кто-нибудь случайно там застанет. Конечно, мы могли бы сочинить историю про поход, но Юкара видел лаз, видел поток воды и нашу мо-

крую одежду, так что у нас не было ни малейшего шанса солгать так, чтобы он поверил, будто нигде поблизости нет воды.

Он не просил, не угрожал и не шантажировал, ему даже не нужно было этого делать. Я и без слов понимала, что если не предложить воды ему и его семье, то в пещере окажутся военные еще до того, как я приду сюда в следующий раз — если такой раз вообще представится.

— Это я во всем виновата, — сказала мне Санья, когда Юкара ушел из дома чайного мастера с пятью огромными бутылками воды. — Мне ужасно жаль, что так случилось. Я не знала, что оно так повернется.

— О чем ты?

— На той неделе мне пришлось пойти к нему — у меня кончилась пластмасса на заплаты, а я никого другого в деревне не знаю, у кого ее можно купить. Этот Юкара содрал с меня три шкуры и вел себя как-то странно — все расспрашивал о тебе. — Она посмотрела на меня.

— И что он сказал? — осторожно спросила я.

— Жаловался, что ты больше не приносишь бутылок в починку, хотя твой отец считался его лучшим клиентом.

Да, еще до того, как отец заболел, я чаще тайком относил бутылки Санье, чем к Юкара, а когда он умер, то и вовсе перестала.

— А еще он говорил, что всякий раз удивлялся, как это у твоего отца вечно трескаются бутылки, хотя воды у него не должно быть больше, чем у других жителей деревни. — Санья покраснела и замолчала.

Я ждала.

— И еще он спросил, может, я знаю, нет ли у вас тайного колодца или какого-то другого источника воды. — Она закрыла лицо руками. —

Нория, я ничего ему не рассказала! У меня от неожиданности выпала из рук коробка с кусками пластмассы, которые он мне продал, и они разлетелись по полу его мастерской. Я ничего не сказала, а он промолчал. Наверное, Юкара уже давно подозревал, а увидев мое замешательство, решил проследить за нами...

Последние слова она произнесла шепотом.

Я не знала, что ответить ей, и сказала:

— Это не твоя вина. Если он что-то заподозрил, то выследил бы нас в любом случае.

Позже, когда Санья ушла, я достала карту и записную книжку, куда аккуратно записала все, что услышала на дисках, и начала искать дороги, по которым ходили в эпоху Сумрачного века. Вдруг по ним можно еще пройти? Потом начала соединять линиями услышанные названия и рисовать к ним маршрут от деревни.

Глава 14

Если молчание, хранящее тайну, дает трещины, оно никогда не восстановится. Трещины, словно корешки под землей, разрастаются вширь и вглубь, и уже не понять, с чего все началось и чем закончится.

Теперь не скажешь, откуда вся деревня узнала об источнике, но вряд ли Юкара тому виной. Доступ к источнику давал ему власть над жителями, так что проговориться он не мог. Сейчас я знаю, в чем причина. Где-то вне досягаемости слов, в крошечной тьме подсознания я чувствовала то же самое: источник — это моя привилегия, награда, полученная мною за службу. Тогда я еще не понимала, что есть дела и поступки, за которые нельзя требовать воздаяния.

Возможно, Юкара поделился секретом со своей женой, опасаясь, что не сможет бесконечно придумывать нелепые истории о вдруг неожиданно расщедрившихся военных или объяснять свои участившиеся визиты к чайному мастеру. Да и Ниниа не из тех, кто поверил бы. А доверять ей тайны – все равно что созвать деревенский сход и поведать обо всем. Люди начали шептаться, потом говорить вполголоса, затем вслух, пока даже те, кто не был в пещере, не услышали.

Не так уж и важно, как и когда жители деревни узнали об источнике, результат все равно был бы один и тот же. Однажды утром у моего порога появилась женщина с невымытыми волосами, в давно не стиранной одежде, с тремя такими же грязными и исхудавшими детишками и жалобно попросила дать ей немного воды в долг. Я не решилась отправить ее восвояси. Затем пришел мальчик и рассказал о своих больных и немощных родителях, затем старик, что-то беспрестанно бормотавший о пропавшем на войне сыне, затем женщины – одна, другая, третья – с младенцами, потом старухи с иссохшим чревом и с больными ногами и уставшими глазами, и женщины помоложе, просившие воды для своих детей, родителей и мужей...

Я обернула ремень вокруг руки Май Хармая, чтобы бутылка держалась покрепче.

– Не туго? – спросила я.

– Терпимо, можно даже потуже, – ответила она. Я подтянула еще. – Вот теперь держится надежно, – сказала она.

Бутылка была прикручена к ее плечу через подмышку – мне показалось, что у нее даже кожа посинела. Май спустила рукав, накинула тонкий платок на плечи, и не заметишь, что у

нее под балахоном спрятаны пять бутылок: две прикручены к ногам, две к рукам и одна – на поясе. Вода тихо плескалась в такт ее шагам. Май работала волонтером в больнице. Сегодня она была третьей просительницей.

– Кто-то идет! – крикнул ее сын Веса от ворот и бросился к дому. От его ножек поднялась пыль, оставляя пятна на ярком полотне дня. Мальчику было всего девять лет, но он чувствовал себя важным-преважным и очень гордился, что мы поставили его караулить дорогу к дому чайного мастера, наказав сразу предупредить нас, как только увидит кого-нибудь.

– Они едут на солнцекаре!

– Иди в чайный домик, – сказала я Май. – Подожди меня там. И ты, Веса, тоже.

Май быстро пошла по каменным плитам дорожки к домику, Веса вприпрыжку побежал за ней.

Нельзя было терять ни секунды. Я ушла к себе, переоделась в приготовленную церемониальную одежду. Выходя, проверила, не оставила ли чего лишнего, и пошла к воротам. Остановилась на небольшом пригорке рядом с тускло поблескивающим на ветке сосны колокольчиком и начала вглядываться в подъезжавшие к дому две фигуры в синих формах. Странно, подумала я, ведь визит ко мне был назначен на четверг, а сегодня среда, неужели я что-то перепутала? Отец учил меня всегда держать чайную комнату в чистоте и полном порядке, чтобы провести чайную церемонию, если гости нагрянут без предупреждения, но я терпеть не могла визиты, к которым не успевала подготовиться. А тут еще нужно было вывести Май и Весу из чайного домика, да так, чтобы никто ничего не заподозрил.

К счастью, водопровод из тундры в дом был перекрыт. Я не решалась пользоваться им чаще одного дня в неделю, опасаясь акваинспекций. Тогда мне пришлось бы объяснять, почему подача воды в дом чайного мастера не перекрыта, как у всех жителей деревни. Поэтому я старалась набрать про запас как можно больше воды и деревенским, если они приходили, отливала из бочки. Уф, хорошо, что я всегда была осторожна.

Солнцекар несколько раз мелькнул между стволами деревьев, подъехал к воротам и встал под навесом. Приехавшие двинулись к воротам, и когда я наконец разглядела их лица, то вздрогнула. Одного я не знала, но второй был тот светловолосый военный, который прошлым летом разговаривал с Саньей, а потом я видела его у ворот их дома.

— Приветствую вас в доме чайного мастера, — торжественно поздоровалась я и поклонилась. — Могу ли поинтересоваться, что привело вас сюда столь неожиданно?

Светловолосый поклонился мне в ответ:

— Полагаю, мы еще незнакомы. Я лейтенант Муромяки, подчиненный командора Таро. Это капитан Лиухала, — сказал он, кивнув в сторону своего спутника. — Я здесь по рекомендации майора Болина. Насколько я знаю, у нас на сегодня назначен визит на чайную церемонию.

У меня перехватило дыхание. Как всегда, церемония была согласована письменно, и поскольку я никогда не слышала имя Муромяки, то не знала, что это он.

— Я ожидала вас только завтра, лейтенант Муромяки. В письме о предстоящем визите указана завтрашняя дата, а не сегодняшняя, и в ответе я подтвердила это, — спокойно ответила я.

Муромяки наклонил голову и стал похож на пса, почуявшего запах добычи.

– Весьма странно, мастер Кайтио, – произнес он. – Я уверен, что продиктовал писцу именно сегодняшний день. Завтра мне никак не подходит.

– У меня в данный момент гости, но они уже уходят. Если вы подождете полчаса, я успею приготовить для вас чайный домик. К сожалению, сладости не совсем свежие, я ведь планировала испечь новые к вашему завтрашнему приходу.

– Если у вас гости, почему вы не в чайном домике?

– Потому что забыла принести сладости до начала чайной церемонии.

– Итак, вернемся к нашему разговору через полчаса.

Я снова поклонилась Муромяки и его спутнику, и они пошли к солнцедару.

Хорошо, что у меня на кухне в шкафу нашлось немного выпечки. Она зачерствела, но не прогоркла. Ладно, сойдет. Я отнесла блюдо в чайный домик и чуть было не вошла через вход для гостей, однако в последний момент сообразила обойти дом и зайти через вход для мастера. Май и Веса посмотрели на меня вопросительно.

– Будьте осторожны. У ворот двое военных. Они уверены, что вы – мои гости. Я провожу вас до ворот. Когда будете прощаться, поблагодарите меня за чайную церемонию, называйте меня мастером Кайтио и поклонитесь. Ты уверена, – спросила я у перепуганной Май, – что сможешь пронести бутылки?

Май сделала пару шагов, проверяя, может ли нормально идти.

– Дойдем.

– Вы готовы?

Май посмотрела на сына. Тот с серьезным видом кивнул. Кивнула и Май. Я показала на выход для гостей.

– Идите наружу и подождите меня.

Мы шли к воротам по дорожке, и мне казалось, что каждый шаг Май отдается в моих ушах громким плеском воды. Краем глаза я следила за Весой и боялась, что он вот-вот начнет прыгать или сделает что-нибудь неподобающее для гостя чайной церемонии.

Наконец мы подошли к воротам. Я поклонилась им, Май ответила – немного скованно, и Веса последовал примеру матери.

– Благодарим вас, мастер Кайтио. Нам было приятно гостить у вас.

– Благодарю вас, госпожа Хармая. Да пребудут с вами чистые воды.

Муромяки сошел с солнцекара, чтобы размять затекшие ноги. Когда Май и Веса проходили мимо него, он вдруг обратился к мальчику:

– А не слишком ли ты молод для чайной церемонии?

Я заметила, как замешкалась Май, но быстро взяла себя в руки. Аквапатрули и разгуливающие по деревне военные приучили нас к сдержанности, хотя мы не забыли, как вести себя в нормальной жизни. Май положила руку на плечо сына и сказала:

– Вот, хочу научить мальчика хорошим манерам. Он решил стать военным, когда вырастет.

Муромяки улыбнулся, и я опять подумала о голодном псе.

– Ах вот как? Ну что же, желаю успеха тебе в будущей карьере, – приветливо сказал он и потрепал Весу по голове.

Май кивнула в ответ и потащила мальчонку за собой.

– До свидания, госпожа Хармая! – крикнул Муромяки им вслед. Май шла медленно, наверное, ей было нелегко идти. Веса все оглядывался назад, но мать дергала его за руку, словно говоря: смотри на дорогу!

– Я ударю в гонг, когда все будет готово, – сказала я Муромяки, повернулась и поспешила в чайный домик, размышляя, успел ли он заметить что-нибудь необычное.

Чашки звякнули друг о друга, когда я опускала поднос на пол, но лейтенант как будто не обратил внимания на дрожь моих рук. Волнение никак не отпускало меня, однако церемония шла своим чередом, руки мои двигались сами собой, а я наблюдала за Муромяки, пытаюсь разглядеть в нем подозрительность или предвкушение разоблачения. Ничего. Совершенно неожиданно для меня Муромяки идеально знал этикет и не задавал лишних вопросов. Он тихо переговаривался с Лиухала, и ничто не свидетельствовало о том, что этот визит был для них чем-то иным, нежели отдыхом от будничной жизни.

Постепенно шум воды в котелке успокоил меня. Я напомнила себе о главном принципе церемонии: перед чаем все люди равны, даже если их жизни никогда не пересекаются за стенами чайного домика. Мне хотелось верить, что Муромяки пришел просто как гость, а не по приказу Таро и что неожиданное появление было не более чем досадной ошибкой с его стороны. Собственно, Муромяки ни разу не упомянул Таро, он говорил только о сорте чая, об утвари и о неожиданно холодной прошлой зиме. Тут я поймала себя на мысли, что неужели где-то может быть другая жизнь и там людям не нужно выбирать, на чьей они стороне, где все могут просто сидеть и пить чай, где власть не принад-

лежит одним, а страх – другим? О таком мире чайные мастера всегда мечтали, такой они создавали и хранителями его являлись... Но был ли этот мир истинным, был ли он вообще когда-нибудь возможен?

В том мире Муромяки кланялся мне, принимал чай, который я ему подавала, и мне не надо было считать его другом или врагом.

В этом мире я поклонилась ему в конце церемонии и вышла через дверь для мастера. Мои фантазии о мире, где не было властителей, тут же исчезли во мраке чайного домика. Потом я проводила Муромяки и Лиухала до ворот, не зная, кого провожаю – друзей или врагов.

В те дни середины лета, когда вода текла в дом чайного мастера по тайному водопроводу, а деревенские придумывали всяческие ухищрения приносить ее домой – под рубашками и юбками, в тачках с двойным дном, спрятанной в хлам и ветошь, которую я будто бы продавала или посылала в починку, и так далее, – я проводила каждую свободную минуту за закрытыми дверями комнаты, погрузившись в карты и записи. Мне хотелось поточнее изучить названия мест, дороги, прикинуть, в каком они состоянии, вычислить расстояние и представить местность. У меня ушла целая неделя на расчеты дней и часов, которые потребуются для путешествия на Утраченные земли и обратно на солнцекаре, сколько надо взять с собой провизии и воды – ведь как ни крути, а с грузом быстро передвигаться я не смогу. Я посадила с пригоршню огневок в фонарь и стала подкармливать их кусочками фруктов, чтобы узнать, смогут ли они выдержать заточение.

Наконец, когда с середины лета прошло полуночи, я рассказала Санье о моем плане.

Мы сидели на подушках на полу ее мастерской, передо мной лежали мои раскрытые записи. Жужжала застрявшая в сетке стены муха. Санья пристраивала в археустройство серебристый диск с номером семь. Это был последний, который мы еще не дослушали, — остальные лежали аккуратной стопочкой.

— Санья, — начала я, — ты когда-нибудь задумывалась о том, что сейчас делается на Утраченных землях?

— А должна была? — спросила она, прижимая крышку. Я повела плечами и ничего не ответила. Она посмотрела на меня, и ее глаза сузились. — Неужели ты...

— Почему бы и нет?! — воскликнула я, вытаскивая из сумки припасенную карту, и только сейчас поняла всю серьезность своих намерений.

— Нориа, у тебя есть всего несколько осколков прошлого, и даже если экспедиция действительно существовала, у нас все равно нет их полного путевого отчета. И потом, если в Сумрачном веке на Утраченных землях и была чистая вода, никто не может гарантировать, что она там имеется сегодня. И вообще, как ты туда доберешься?

— По дорогам, — ответила я, разворачивая карту с нарисованным маршрутом. — Смотри, город Рованиеми находится практически на границе с Утраченными землями. Думаю, что смогу раздобыть где-нибудь солнцедар, чтобы добраться туда. Знаешь, я все же давно изучаю карты, старые книги и записи, слежу за новостями, поэтому почти уверена, что севернее Рованиеми можно найти множество неохранных путей через границу. Дороги в эпоху архемира строили широкие, надежные, по ним ездили быстрые машины, так что, скорее всего, какие-то из них

еще вполне пригодны – ведь живут же там, на самой границе с Утраченными землями, люди! Экспедиция Янссона шла по архедорогам, и мы можем воспользоваться тем же маршрутом.

– Так-так, что значит твое «мы»? Как это – «мы»?

Тут я сообразила, что сказала не подумавши.

– Извини, я предполагала, что ты тоже захочешь отправиться со мной, – пробормотала я смущенно и покраснела.

Санья молча смотрела на меня, а я поняла, что ни разу не сомневалась в том, что отправлюсь в путь не одна. Во всех моих мыслях Санья была со мной: она читала карту, карабкалась по сопкам, определяла направление по звездам, исследовала пещеры – все это мы делали вместе, и я даже не представляла, что могу оказаться в одиночестве.

– Кажется, ты говорила, что, может быть, у тебя получится взломать для себя другой транслятор?

– Может быть, – вздохнула она. – В твоём плане слишком много «может быть». А если, если нам удастся добраться до Утраченных земель и там не окажется воды? Тогда все наши старания ни к чему!

– Уверена, что там есть вода. Она должна там быть.

Санья не унималась:

– Ну хорошо, там есть вода. И что дальше?

Да, она права. Даже если мы найдем (я найду, поправила я себя) воду, у нас не будет возможности доставить ее в деревню. Кто из деревенских решится отправиться куда-то далеко за водой? Предположим, некоторые жители уже достаточно натерпелись и решатся пойти искать для себя новое место, но Утраченные земли – закрытая территория, и туда нельзя, ска-

жут они. Может быть, решатся один или двое, но чем больше окажется таких, тем сложнее будет добраться.

Нет, отказаться от плана было совершенно невозможно, я вынашивала его много недель и месяцев, так что я была готова попробовать, но в равной степени была готова отказаться от него как заведомо обреченного на неудачу и со временем позабыть обо всем. Так могло случиться, если бы тот день пошел иначе и если бы тогда не произошло того, что произошло дальше.

Санья включила археустройство. Диск завертелся, и мужской голос сообщил дату, рассказал о результатах исследования и о погоде. Сначала я следила по своей тетради, а потом, когда он дошел до места, которого мы раньше не слушали, начала записывать. Через полстраницы голос неожиданно прервался — слышались стук, шум, и женский голос произнес: «Начнем заново. Нильс, если слышишь меня, извини, я записываю поверх твоего дневника, но это куда важнее». Дальше — пауза.

Я посмотрела на Санью, она тоже узнала голос. В последнее время я была настолько поглощена изучением маршрутов, что практически забыла, что мы слышали его на самом первом диске. Не было ни малейших сомнений, что это говорила та же женщина. От волнения меня охватила дрожь.

«Как тут быть, с чего же начать... История не имеет ни начала, ни конца, есть только события, которым люди придают форму историй, чтобы распознать суть происходящего. И чтобы рассказать о чем-то, нужно определиться, что нужно оставить в стороне».

Она продолжала свой рассказ, а мы все слушали и слушали, и все остальные звуки утрати-

ли для нас всякий смысл. На улице облака за-
слонили небо цвета середины лета, но мы не ви-
дели этого. Все так же росла трава, все так же
дышали люди, все так же вращалась Земля, но
в стенах этой мастерской все вдруг изменилось:
изменилось все, что окружало нас, изменилось
подобно разбушевавшемуся морю, которое по-
глощает улицы и дома, но никогда не отступает
и не отдает назад того, что забрало себе.

Потом голос утих, и в комнате слышались
только тихое шипение диска и наше дыхание.
Что-то во мне, нет, в нас, сошло с привычной
оси, и, когда я посмотрела на улицу, мне пока-
залось, что я будто прозрела, увидев впервые ка-
мень во дворе, засохший куст с колкими ветвя-
ми и паутину в углу.

– Как думаешь, все это правда? – наконец
очнулась Санья. Ее голос был тонким, готовым
прерваться, но от его звука треснувшее прост-
ранство вокруг нас никуда не исчезло, оно ле-
жало – глубокое и безбрежное, подобно океану.

– Думаю, что все так и есть, – ответила я.

– Я тоже.

Санья выключила археустройство. Диск за-
медлил вращение и остановился. Наступившая
тишина была самой тяжелой и неизбежной, ка-
кая только может быть: такая может окружать
лишь истинное знание – не тайну.

В тот вечер в доме было пусто и молчал сад. По
дороге лениво клубилась пыль, и я решила схо-
дить к источнику. Солнце висело над горизон-
том, легонько касаясь его, и наступившая вско-
рости летняя ночь была светлее зимнего дня.

Свет от фонаря плясал на темных стенах пе-
щеры. Когда я опустила его к кромке воды, то
увидела то, о чем давно подозревала.

Уровень воды упал. Нет, еще не ниже белой метки, но подошел совсем близко к ней, смотревшей на меня, подобно глазу с бельмом.

Глава 15

Я приподняла москитную сетку, вытерла пот и сделала глоток из бутылочки. Вокруг витала жужжащая туча темно-синих оводов. Я отмахнулась от них сумкой. Тяжелый воздух прилепил одежду к телу. Мутное солнце пылало где-то внутри раскаленных добела облаков. Хотя я простояла на рынке уже несколько часов кряду, мне удалось лишь обменять у пекаря тяжелый напольный вентилятор на два мешка сухарей. Ничего не поделаешь, может, вентилятор и стоит дороже, но в деревне никто не мог дать и этого. На самом деле мне хотелось запастись едой, которая не портилась, так что в принципе я не особенно прогадала.

Перед моей палаткой остановился невысокий коренастый дядька с облупившейся кожей на лысой голове. Я словно читала его мысли, наблюдая за тем, как он разглядывает вещи, принесенные мной из дома: два резных стула, которые выглядели бы слишком роскошно в его гостиной, несколько книг, читать которые ему будет некогда, и несколько тарелок, на которые ему нечего положить. Чуть дольше его взгляд задержался на сандалиях – две пары были старые отцовские, и одни остались от мамы. Он сравнил их размер со своими, напроць разбитыми, но потом, видимо, решил не брать их.

– Тележка продается? – спросил он, показывая пальцем.

– Нет, у меня второй нет, – ответила я.

– Жаль. Я бы тебе предложил немного голубого лотоса или листьев для трубки, – пробурчал он, кивнув на прощание.

Сегодня на рынке было спокойно: двое военных (они лениво переговаривались в тени, иногда попивая янтарную жидкость из своих фляг), несколько детишек, сидя на земле, играли в маджонг старыми кусочками пластмассы, кто-то невидимый лениво растягивал меха гармошки, Тамара, сестра жены Юкара, пришла продавать свои украшения. Мне всегда казалось странным, что женщины все еще хотят наряжаться, но, когда я сказала об этом Санье, она ответила:

– Люди стараются сохранить хоть что-нибудь из того, к чему привыкли. Это единственный способ оставаться в живых.

Между киосками мелькнула синяя форма. Она приближалась ко мне, пока наконец я не разглядела знакомое лицо: майор Болин собирался поставить свой стол, но, увидев меня, решил подойти поздороваться. Его тяжелые сапоги оставляли на песке площади глубокие следы с четким рисунком подошвы.

Майор подошел ко мне. Я поклонилась, и он поклонился в ответ.

– Нориа, – сказал он, – мне пришлось выяснять у деревенских, где тебя найти. – Тут он оглянулся и, понизив голос, продолжил: – Я получил твое сообщение.

– Майор Болин, не желаете ли чаю? – спросила я.

Он кивнул. Я накинула ткань на стол и показала жестом, чтобы он следовал за мной в палатку. Там я предложила Болину табуретку, а сама уселась на другую. Налила обоим нагретого на жаре чаю, зажгла палочку, горький запах которой должен был отгонять насекомых, и мы сняли сетки.

– Как ты, Нориа? – спросил Болин, отпивая из чашки. Его лицо выглядело изможденным, а движения казались медленнее обычного.

– Все в порядке.

Майор молча крутил глиняную чашку в руках и был погружен в свои мысли.

– Я мог бы тебе помочь, но это будет не бесплатно. Солнцекары нынче стали дороги, особенно, если хочешь, чтобы никто не удивлялся, на что он тебе нужен. – Он посмотрел на меня, и я увидела вопрос в его глазах.

– Мне нужен надежный транспорт, чтобы без проблем поехать в Куусамо и Куолярви продать то, на что там можно найти денежных покупателей. Если за дело взяться с умом, можно выручить прилично.

Болин внимательно глядел на меня, и мне хотелось надеяться, что он понял то, что я сознательно не произнесла вслух: черный рынок и антикварная мебель, а такая – он знал – была у нас в доме, поскольку сам когда-то помогал родителям с ней.

– Ты уверена, что риск оправдан?

– Нынче к чайному мастеру почти не ходят, а гости не могут платить, как раньше.

Он подумал немного и сказал:

– Я слышал, что в Куолярви контроль над черным рынком не такой жесткий. Если тебе это интересно.

– Сколько? – спросила я, мысленно поздравив себя с удачей.

Он наклонился и нарисовал на песке пятизначную цифру. Сумма была больше, чем я ожидала, но вполне приемлемая.

– Ясно. Когда нужно будет платить?

– Платить – вперед, – ответил он. – Я завтра же пошлю кого-нибудь к тебе за деньгами.

– Нет, будет лучше, если я принесу их сюда на площадь.

– Главное, чтобы никто не догадался, что я помог тебе с солнцекаром. Надеюсь, ты учтешь это.

Он допил чай и поставил чашку на песок рядом с ножкой табуретки. Морщины на лице Болина стали еще глубже.

– Это последнее, что я могу сделать для тебя. Пожалуй, ты понимаешь это.

– Да, – ответила я.

Болин слегка склонил голову в знак благодарности и ушел. Тонкая ниточка муравьев заползла в чашку, чтобы добраться до оставшейся капли. Носком сандалии я провела по оставленным им цифрам, спрятав их навсегда в песок.

День начал клониться к вечеру. Торговцы понемногу разобрали палатки, я тоже погрузила свою в прицеп, сверху взгромодила мешки с сухарями и, когда все было уложено, обвязала поклажу парой ремней для надежности. Дорога домой шла мимо пустых садов, зиявшей пустыми окнами больницы и медленно бредущих куда-то людей. Издалека я увидела низкий дом из красного кирпича, на двери которого был нарисован ярко-синий круг – совсем свежий. И решила свернуть, чтобы не проезжать мимо меченой двери.

Взгляд то и дело натывался на большие плакаты, висевшие то здесь, то там и сулившие награду тому, кто выдаст аквапреступников властям. Рядом с одним из них стоял сын пекаря, которого я знала еще по школе. Помню, что он бегал быстрее всех, всегда хорошо одевался, но получал средние баллы. Сейчас он щеголял в новой синей форме и пририсовывал к сумме воз-

награждения еще один нуль. Неподалеку виднелся такой же плакат со свежим нулем.

«Ничего удивительного, — подумала я, — что у его семьи есть возможность менять сухари на вентиляторы, если сынок стал военным».

Я решила сделать то, что откладывала несколько недель.

Дома я открыла деревянную шкатулку, хранившуюся на полке среди книг, и достала присланный мамой транслятор. Я никогда раньше не пользовалась им и, несмотря на мамин запрет, посылала ей все сообщения со своего старого транслятора и ни разу не обмолвилась о другом. Просто хотелось, чтобы она знала, что у меня все хорошо, несмотря на войну и все беды, свалившиеся на деревню. Ответов я не получала, кто знает, доходили ли сообщения вообще? Теперь же настало время известить ее о моем решении.

Я приложила ладонь: экран зажегся, и на нем высветилось имя *Айно Ванамо*. Затем я сходила в прихожую за электронной ручкой и написала: *«Мама, я решила задержаться в деревне до следующего праздника смены лунного года, но сразу же на следующий день отправлюсь в Синджинь. Сообщу, когда буду точно знать дату прибытия. Айно»*.

Я нажала «*послать*», выключила устройство и убрала его обратно в шкатулку. Конечно, я написала неправду, но это был тот ответ, который мама хотела получить.

На следующий день возле моей палатки остановилась женщина в форме армейской службы снабжения.

— Нориа Кайтио?

Я кивнула, и женщина протянула мне запечатанный конверт:

— Это от майора Болина. Он сказал, вы знаете, что нужно дать взамен.

Я достала из сумки конверт с деньгами.

— Еще он попросил передать... — Тут она придвинулась ближе и сказала вполголоса: — В воскресенье до полуночи.

— В воскресенье до полуночи, — повторила я.

Женщина кивнула, развернулась на каблучках и пошла назад. Когда она скрылась из виду, я зашла за палатку и огляделась вокруг, желая убедиться, что на меня никто не смотрит. Какая-то старуха дремала под навесом у соседней палатки, двое ребятишек — те же, что и вчера, — сидели в пыли. Я сломала печать и вытащила листок бумаги. На нем была нарисована карта с помеченным крестом местом за деревней, на опушке Мертвого леса.

Гонец рассказал мне когда, теперь я знала где.

В воскресенье я решила пораньше отправиться к Мертвому лесу. Ночные отсветы солнца пылали на небе цвета воды, но земля источала холод, пробирала до самых костей, заставляя дрожать. Как знать, что меня ожидало? Ведь иного варианта, кроме как довериться майору Болину, не было.

Деревня спала. Однако я решила пойти обходной дорогой через тундру, чтобы не наткнуться на ночной патруль. Кругом колыхались подобные столбам густого дыма тучи насекомых — словно забытые тени, они распадались на клочья и собирались вновь в густые столбы, похожие на неожиданно вылезших ночью древних духов или на вдруг ожившие давно похороненные воспоминания. Под ногами хрустели камни.

В незапамятные времена Мертвый лес называли Пышным лесом. Это напоминало о густой малахитовой зелени листвы, настолько сочной и влажной, что ее можно было почувствовать кожей. А еще раньше, когда не требовалось слов для описания такой естественной для этих краев пышности, лес был безымянным — это рассказывал мне отец. Сейчас же голые ветви и стволы деревьев тянулись к небу, похожие на гигантскую, бесцветную, высохшую паутину или громадные сухие панцири мертвых насекомых. В них не было жизни, их сосуды рассыпались, их кожа превратилась в неведомые буквы мертвого и никому не понятного языка. Часть стволов рухнула на землю и лежала там безмолвным грузом.

Я шла по нарисованной на карте тропе, пока не добралась до места, обозначенного на карте крестиком. Медленно и осторожно подошла поближе, не зная, что будет дальше. Прислушалась. Ничего не было слышно — только приглушенный плач ветра, который цеплялся за ветви и стволы склонившихся к земле мертвых деревьев.

Спустя некоторое время я нашла надежно укрытый солнцекар. Собственно, его было невозможно увидеть, если не знать, что искать. Его оставили в яме, укрыли плотной коричневой тканью и завалили сухими ветками. Судя по тому, что дорога, по которой солнцекар привезли сюда, начиналась в некотором отдалении, можно было не сомневаться в его проходимости. Нельзя сказать, что я особенно разбиралась в неотехнике, но этот солнцекар выглядел явно лучше того, на котором ездил Юкара, — лишь немного царапин, однако покрышки с хорошим протектором, солнечные батареи и сиденья в

полном порядке. Да и ключ зажигания был на месте.

Я замаскировала солнцекар получше и направилась по узкой тропинке, пока не вышла на песчаную дорогу, ведущую в сторону деревни. Дорога была завалена здоровенными валунами и прогнившими бревнами, так что, если смотреть с другой стороны, можно подумать, что по ней никто не ездил годами. Никаких следов не было видно. Болин выполнил свое обещание, и все же кто-то знал про это место, так что чем быстрее я смогу забрать солнцекар отсюда, тем лучше.

Но где его спрятать? Проще всего укрыть у себя дома, но в любой момент может нагрянуть аквапатруль с обыском, и тогда будет затруднительно объяснить, почему он здесь, да еще и с провизией и водой – явно для дальней дороги. Поэтому я решила спрятать его неподалеку от свалки, под мостом, где его трудно разглядеть из-за повсюду разбросанного хлама. Эту пещеру мы нашли несколько лет назад, и если кто-нибудь случайно обнаружит солнцекар под мостом, то не определит, чей он. Вероятно, он заберет его, и это ужасно. Конечно, принести воду и еду будет непросто, но если носить понемногу, то все получится.

Скоро стало ясно, как солнцекар доставили в Мертвый лес – одно из бревен и валун лежали не на месте. Можно идти обратно, но лучше подождать до утра, когда закончится комендантский час, и вернуться той же дорогой. Хотя место и глухое, но не хотелось, чтобы меня заметили. Поэтому я уселась на землю и стала слушать звуки сгущавшейся ночи.

А когда вернулась домой, то обнаружила, что транслятор исчез. Точнее, я решила посмотреть,

не ответила ли мама на последнее сообщение, и увидела, что в шкатулке с найденными на свалке сокровищами, куда я его положила, — пусто. Сердце так и сжалось. Я попыталась сообразить, когда последний раз доставала транслятор и включала его. Может, вчера? Или позавчера? Нет, не вспомнила. Несколько дней сюда приходили люди за водой, правда, женщины обычно были только на кухне, но они приводили с собой детей, а те могли свободно бегать по дому, пока мамы набирают воду. Первой мыслью было, что кто-то из них зашел ко мне в комнату, обнаружил шкатулку и без разрешения взял транслятор. В принципе такое возможно. А вдруг я оставила его на кухне или в гостиной? Нет, ни за книжной полкой, ни под кроватью его не было.

Я даже боялась подумать, что это не дети унесли его и не по ошибке.

Вечером зашла Санья. Я как раз подметала крыльцо чайного домика и не была настроена на разговор.

— Нам надо поговорить, — сказала она, оглядываясь по сторонам.

— Здесь никого нет, — ответила я, прислонив метлу к стене.

Есть вещи, о которых мы говорим с ней с глазу на глаз, но есть и такое, о чем мы вообще никогда не говорили, например о чем рассказал женский голос на последнем диске. Я подумала, что, может, она хочет сейчас обсудить это.

Санья пристально посмотрела на меня.

— Я хочу отправиться с тобой, — сказала она.

— В ближайшие несколько дней я не пойду к источнику, — ответила я и пошла к дому.

— Я не о том.

Она сказала это так, что я остановилась и повернулась к ней. Санья казалась взволнованной.

– Я решила, – продолжила она, – отправиться с тобой на Утраченные земли. Отец с мамой вполне справятся и вдвоем, Минья чувствует себя куда лучше. Ну что, можно мне с тобой?

Я была готова броситься ей на шею – так меня обрадовала эта новость! Наконец-то мы будем вместе, как я хотела, наконец-то мы поедем в самую настоящую экспедицию, о которой мечтали в детстве. Однако куда все же делся транслятор?

– Конечно, я хочу, чтобы ты отправилась вместе со мной, но исчез транслятор, который прислала мама. Уж не знаю, куда я его задевала, но боюсь, что кто-то украл его. У меня теперь нет фальшивого личного номера.

Бледное лицо Саньи покрылось стыдливым румянцем, она начала суетиться.

– Нория, я должна тебе кое в чем признаться. – С этими словами она достала из своей сумки мой транслятор. – Извини, что не предупредила. Мне хотелось удивить тебя. – И она протянула мне устройство.

У меня не было слов. Как хорошо, что его не украл кто-то из деревенских, но меня смущало то, что она сумела взять его незаметно. Я нажала на кнопку «вкл».

– Не бойся, с ним все в порядке.

Санья порылась в сумке и достала второй – чуть более старый и поцарапанный.

– Вот, смотри.

Она подошла ко мне и положила ладонь на экран. Сначала он загорелся, а потом появилось имя: *Луми Ванамо*. Место рождения – Рованиеми, год рождения – позже, чем Айно Ванамо.

– Ты родилась в Синджине, но наши родители Оути и Кай Ванамо уже тогда решили, что отправятся в родные места. Они совершили дол-

гое путешествие в Рованиеми через материк, когда тебе не было еще и года, а я родилась уже здесь. После того как в результате аварии на плантации водорослей наши родители утонули, мы три года ходили в школу в Куусамо и жили там у родственников. Ну а сейчас мы возвращаемся в родительский домик под Рованиеми.

Она подняла глаза от транслятора и по привычке скорчила гримасу.

– Ты знаешь, не так уж и плохо! – сказала я восхищенно.

Санья пожала плечами:

– У меня было два варианта, как сломать программу транслятора, вот мне и понадобился твой, чтобы проверить, какой из них настоящий. Ну с этим делом проблем не оказалось. Куда сложнее было раздобыть старый транслятор.

– Гениально!

– Да нет же, обычное любопытство, а еще я вкалываю до потери пульса. Ну, и когда отправляемся?

Потом она проверяла настройки, а я смотрела на ее пальцы, на сосредоточенное и непроницаемое лицо. Это она тайно унесла транслятор из моей комнаты, но мне не хотелось давать волю сомнениям, поэтому я рассказала ей подробно о планах, о солнцекаре и местах, куда намеревалась отправиться. словно это был сон, сквозь который я ощущала текущую по моему телу воду – воду, ожидавшую нас в вечном движении совсем рядом. Остальное не имело значения.

Я не поинтересовалась, что заставило ее поменять решение, а она не рассказала.

Глава 16

Жителей дома из красного кирпича казнили в тот день, когда у нас все было готово к поездке, — через две недели после того, как я купила солнцезащитный крем. Я не видела этого, видела лишь ржавые пятна на песке улицы и вынесенную из дома мебель — да, а еще краем глаза издали разглядела дверь с прибитой наискось, поперек синего круга доской.

— Не смотри, — сказала Санья, но я не могла не смотреть, а потом мне очень захотелось не видеть этого ужаса. Настали такие времена, когда мы сначала пытаемся отвернуться от какого-то события, но это не получается, и начинаем жить так, будто ничего не случилось. А тем временем это событие поселяется в нас, постепенно устраивается в гулком темно-красном пространстве нашей груди, и его острые края режут на куски мягкое, нежное сердце. Гуляя по улицам, я видела, как люди несут в себе эту душевную боль — похороненную, но не слишком глубоко, — так, чтобы она могла отбрасывать тень на их лица, словно медленно исчезающий свет.

Мы направлялись к свалке. Небо походило на стену из белого, серого и бледно-голубого тумана, меняющегося подобно морю, и было непонятно, что нас ждет — буря или хорошая погода. В сумке лежали серебристые диски.

— Надо бы их хорошенько спрятать где-нибудь, — с беспокойством сказала Санья. — Там, где никто не догадается их искать, но где можно их найти. Ведь те, кто записал на дисках историю, допускали, что кто-то их обнаружит и тогда их слова могут изменить все, что люди знают о нефтяных войнах и об архемире. Мы должны дать другим такую же возможность. На всякий случай.

Было ясно, что она имела в виду. Хотя никто из нас не сказал *«а что, если мы не вернемся?»*, но я думала об этом и уверена, что она думала о том же.

На свалке пересохший мусор хрустел под толстыми подошвами наших башмаков. Наконец показались знакомые останки архемобиля. Там я когда-то нашла первый из наших дисков и разбитое археустройство, вероятно принадлежавшее экспедиции Янссона. Диски я убрала в металлическую коробочку, в которой нашла их в источнике, сверху обмотала тряпкой и рваными пластиковыми пакетами. Санья выкопала под задним колесом архемобиля ямку, туда мы и положили наши драгоценности. Тут мне вспомнился голос той женщины, и я мысленно поблагодарила ее. Она – дочь мастера чайной церемонии из другой эпохи – организовала экспедицию задолго до нас, доказав ее возможность. Без нее я никогда и ни за что не решилась бы осуществить свой план. Сверху на диски мы навалили всякого мусора и прикрыли кипой полуистлевших пластиковых пакетов. Теперь все выглядело, как раньше.

Санья повернулась, чтобы уйти, но я попросила ее подождать немного. Затем залезла в кабину, просунула руку в насквозь проржавевшую приборную панель и достала оттуда пластиковую коробочку. Она была легкой, ее содержимое глухо стучалось о стенки.

– Помнишь? – спросила я.

Лицо Саньи просияло:

– Ой, я совсем забыла! А что у нас здесь?

Она подошла поближе, присмотрелась к дате на крышке.

– Придется подождать еще целых двадцать лет, – сказала я.

– У нас было условие, что нельзя открывать до этой даты, кроме как в чрезвычайной ситуации, – напомнила мне Санья.

– Ты думаешь, сегодня такая ситуация?

Она улыбнулась, но лицо оставалось серьезным.

– Если не сегодня, то кто знает – когда вообще.

Она поймала мой взгляд, чуть кивнула, затем взяла у меня коробочку и начала поворачивать крышку, пока не сломала лаковую печать, которой мы залили край. На внутренней стороне стояла дата десятилетней давности. Нам было по восемь лет, когда мы сделали эту капсулу времени. И чего в ней только не было: ржавый замок и ключ, для него не подходивший, пожелтевшая страница из книги – наверное, мамин, несколько гладких камней и старые очки в сломанной оправе и с разноцветными стеклами.

– А ведь я помню эти очки, – воодушевилась Санья. – Они волшебные!

Я вспомнила одну нашу детскую игру: мы изображали шпионов-исследователей. Им полагалось надеть очки и заглядывать в разные укромные места, а потом докладывать друг другу об увиденном.

– Как ты думаешь, стоит ли нам взять что-нибудь с собой, так, на удачу? – спросила я.

– Каждый лишний грамм груза может замедлить ход солнцекара, – заметила она, и была права. Поэтому я убрала очки и уже начала закрывать крышку, как Санья остановила мою руку, сняла со своей руки браслет из морских водорослей и положила его в коробочку. – Теперь ты.

– У тебя ножик с собой? – спросила я.

Санья достала нож и протянула его мне. Я положила коробочку на приборную доску и ножом отрезала длинную прядку своих волос.

– У меня ничего другого нет, – ответила я, возвращая ей нож.

Потом я обернула несколько раз прядку вокруг пальца, сделала узелок и аккуратно уложила ее в коробочку. Узелок немного ослаб, прядка развернулась и приняла форму браслета. Так они и остались лежать одно внутри другого – темные волосы и тоненький браслет, как и мы с ней в жизни – порознь и все-таки вместе. Санья закрыла коробочку и соединила края печати.

Это было похоже на ритуал против мимолетности, словно мы совершили таинство, разрушить которое невозможно. Если мы не вернемся, то после нас останется нечто – пусть безымянное, инфантильное и не имеющее ценности, но все же – некая память о нас, знак, что мы были здесь однажды.

Так я думала тогда.

И верила, что она думала так же.

Я хочу верить в это.

Когда мы вернулись в деревню, Санья пожелала мне хорошего вечера и ушла – худая и угловатая, – ни разу не обернувшись.

После ее ухода я решила сходить еще раз к солнцекару, чтобы проверить, все ли готово для завтрашней дороги. Под мостом пахло землей и гниющим мусором. Провизию и воду мы принесли заранее (взяли на всякий случай чуть больше), нам предстоял неблизкий, по моим расчетам, путь, да и кто знает, в каком состоянии дороги по ту сторону границы. Хотелось надеяться, что мы найдем там чистую воду, но уповать на это было по меньшей мере глупо, так что большая часть багажа состояла из питьевой воды.

Пришлось немного повозиться и заново переложить мешки с фруктами, семенами под-

солнечника и миндалем, чтобы пристроить еще одну бутылку. Было ясно, что нас обязательно задержат, если заметят, что мы в открытую ведем с собой запас воды на несколько недель, поэтому запастись достаточным количеством воды оказалось самым сложным. За то время, пока деревенские жители тайно приходили ко мне за водой, мы изучили все их контрабандистские ухищрения. И здесь Санья превзошла сама себя: она сняла сиденья, устроила под ними двойное дно для воды и пищи на неделю, но так, что снаружи не заметишь, что кто-то переделал солнцекар. На всякий случай прицеп мы сделали крытым, чтобы в нем можно было спать ночью.

Немного смущали огневки. Кто знает, сколько их мы сможем набрать в пути, а те, что возьмем с собой, точно долго не проживут. В конце лета светло круглые сутки, но вечера становились все темнее, и раньше, чем луна дважды станет полной, новая луна повернет год к зиме. Мы планировали вернуться раньше, но недостаток огневок вполне может осложнить нам обратную дорогу. Невозможно было знать в точности, где в жилах земли спрятана вода и насколько глубоко нам предстоит спуститься, чтобы отыскать ее. Санья починила два архесветильника — такие, что на солнечных батареях, но их свет был куда слабее, чем свет от фонаря с огневками, а второй вообще работал кое-как. Обескураженная, она сказала, что не удалось найти хороших проводов, поэтому придется довольствоваться тем, что есть.

Санья не рассказала о наших планах даже своим родителям, потому что не хотела их волновать. А я думаю, она знала, что не смогла бы поехать со мной, если бы ее попросили остаться.

Я тщательно укрыла солнцекар и прицеп огромным куском пластиковой пленки, завали-

ла их ветками и скопившимся под мостом мусором и удовлетворенная результатом выбралась из-под моста. Затем замаскировала проход и отправилась домой.

Надо мной висело небо цвета скал и мха. Первые капли начала падать на границе деревни, расползаясь по льняной ткани рубашки большими мокрыми пятнами. Когда я вошла во двор, то штанины были насквозь мокрые и испачканные снизу песком, превратившимся в грязную жижу. В воздухе витал терпкий, немного древесный запах морских водорослей.

Я по старой привычке еще поутру вынесла на улицу всю мало-мальски пригодную для сбора воды посуду. Все равно деревенские заберут ее, когда завтра придут за водой и найдут дом пустым. Это последнее, что я пока могу предложить им. Юкара, конечно, отведет их в пещеру еще до того, как мы вернемся, — в этом я не сомневалась, подозревая, что он бывал там и без нас, хотя я просила его не делать этого, потому что внезапно участвовавшие походы жителей в тундру не могли бы остаться незамеченными военными.

Мне вдруг захотелось постоять под дождем на лужайке босиком, с закрытыми глазами. Скользкие травинки облепляли ноги, образуя на коже замысловатые узоры. Вода стекала по волосам на спину, на руки, сбегала капельками по носу. Я сбросила одежду, будто старую кожу, и скоро почувствовала себя освеженной и очищенной, словно для обряда.

Деревянная бочка, поставленная с утра рядом с верандой, наполнилась до половины.

Я вошла в дом, переоделась в сухую одежду и села на пол.

Все это время я старательно поддерживала дом, каким он был при родителях. Хотя я виде-

ла, как он меняется. Когда придут деревенские, мне не хотелось, чтобы они поняли, что хозяева ушли далеко и, быть может, надолго. Поэтому я набросила на спинку стула одежду, как если бы оставила ее только что, положила на кровать раскрытую книгу, не стала убирать со стола чашку недопитого утреннего чая: мне хотелось оставить после себя иллюзию остановившегося времени – оно могло скрыть произошедшие перемены, хотелось, чтобы никто ничего не заподозрил или, во всяком случае, отложил свои подозрения на потом.

До утра или до вечера.

Теперь все готово.

Я заперла дверь и подмела каменные плиты дорожки к чайному домику. Мокрые листья и трава прилипли к щетке. Прислонила ее к стене. Пошла к краю сада камней, где росли три чайных куста. Дождь уже кончился, и капли блестели на их узких листьях. Могила отца уже скрылась под травой лужайки. Я хотела сказать ему что-нибудь, но не смогла вымолвить ни слова.

Дождь размыл песок в саду. Пришлось взять грабли и привести его в порядок. Следы зубьев разбежались между камнями, точно вода, текущая где-то в толще земли, не замедляясь и не ускоряясь.

Дневники оттягивали сумку, тени в саду встали плотной стеной, и я закрыла за собой ворота.

Все выглядело, как обычно: заваленный мусором проход, и ничто не говорило о том, что там кто-то уже успел побывать. Я подумала, что Сання, наверное, еще не успела подойти, отодвинула старое кресло и моток проволоки и пролезла внутрь.

Я даже не сразу поняла, что произошло. Потребовалось мгновение, чтобы глаза привыкли к темноте, и еще одно, чтобы осознать случившееся: солнцедар и прицеп со всем грузом исчезли.

В груди что-то оборвалось. Стало трудно и больно дышать, словно внутрь попал кусок льда.

Сначала я послала сообщение Санье на транслятор, а потом ее семье. Никакого ответа. Не зная, что делать, направилась к ее дому самой короткой дорогой – через свалку. Ноги то и дело скользили по мокрым клочьям пластиковых пакетов, но я шла, рискуя провалиться в дыры давно похороненного прошлого, мимо сгорбленных фигур, которые копошились около ручья и пытались набрать грязной воды, стекающей с возвышающихся вокруг гор мусора. На окраине деревни люди стояли во дворах, подставив лица и руки падающей с неба воде.

Свернув на улицу, где жила Санья, я оцепенела от ужаса: перед ее домом стояли военные в синей форме.

Дверь в дом, я уверена, была без синего круга и оставалась все такой же – немного выгоревшего серого цвета. Я не увидела ни Саньи, ни ее родителей, но солдаты входили и выходили из дверей, а двое направились к заднему двору в ее мастерскую.

Во дворе стоял высокий военный, он повернулся в мою сторону, и я издали узнала его. Это был Муромяки, светловолосый адъютант командора Таро.

Я пошла назад, стараясь идти спокойно, – отчего-то вдруг ноги стали совсем тяжелыми, а нависшие тучи цеплялись за вершины гор. Здесь, где все оказалось перевернутым с ног на голову, где мир сошел со своей оси, я шла в домик чайного мастера, не зная, что будет дальше.

На узкой улочке никого не было видно. Индикатор транслятора не загорался. Земля не вращалась ни быстрее, ни медленнее.

После полуночи я пошла в спальню и пролежала всю ночь без движения и без сна в плотном сине-сером сумраке ночи. Ближе к утру удалось задремать, а когда проснулась, то пришлось даже выйти на крыльцо, чтобы продышаться.

На небе уже рассеялись тучи. Яркое солнце слепило глаза. Я прошла по мокрой траве к купели, а когда наклонилась, то увидела на мгновение свое отражение в воде, пока оно не исчезло.

Раздался стук входной двери, скрипнули петли.

Я повернулась, чтобы пойти назад.

На двери в свете утреннего солнца сверкал свежей синей краской круг, будто вырезанный из неба обруч.

ЧАСТЬ III

Синий круг

Круг знает лишь свою форму. Если спросишь, где его начало и где конец, он промолчит, но не прекратит движение.

*Вэй Вулонг. Путь чая.
VII век, эпоха Старого Куана*

Глава 17

Вода – самый переменчивый из всех элементов, она не боится гореть в огне или исчезнуть в небе, не боится разбиться дождем об острые скалы или утонуть в темноте земли. Она – по ту сторону начала и конца всего. Ее поверхность может быть недвижима, но в глубинах подземной тишины она мягкими пальцами нащупывает новое русло, пока не сдвинется усталый камень и она не ринется в новое место.

Смерть – это союзник воды. Их невозможно отделить от нас, ибо в конечном счете нас слепили из переменчивости воды и близости смерти. Вода не принадлежит нам, но мы принадлежим воде: когда она просочится сквозь наши пальцы, сквозь поры нашей кожи и через наши тела, нас ничто не может более отделить от земли.

Явственно вижу ее – темную, худую фигуру, стоящую рядом с садом камней около чайных кустов или прохаживающуюся между деревьями, ее лицо выражает терпение, оно мне как будто знакомо, и оно неизменно. Думаю, она ждала меня всегда, даже тогда, когда я не понимала этого.

Чувствую, как вода хочет покинуть меня, чувствую тяжесть моего праха.

Прошло несколько дней, пока я не осознала всей ситуации.

В самое первое утро, повернувшись и увидев синий круг на двери, я какое-то время стояла без движения. Глоток дождевой воды из бочки потек по подбородку, по шее и в вырез туники — я вытерла его ладонью. Листья деревьев трепыхались на ветру, крылышки огневки нежно постукивали о стекло фонаря. Синий круг означал мертвую бесконечность, у которой нет выхода, а земля как была твердой под моими ногами, так и оставалась, небо никуда не делось. Мир продолжал существовать за невидимой стеной, воздвигнутой вокруг меня: люди думали, ходили, разговаривали, любили. Еще какое-то мгновение действительность жила вокруг меня подобно мареву, но потом начала осыпаться с краев и треснула пополам. Я подумала, что какая-то часть меня все так же живет вне этих пределов, живет той неслучившейся жизнью, и та часть уже направляется на Утраченные земли, она почти такая же реальная, как и я сейчас, и даже иногда еще более реальная, чем я, но она смотрит в другом направлении и никогда не вернется назад.

Мысль хрустнула, затуманилась и остановилась.

Я здесь, и ничто не может изменить того, что я вижу.

Ветви все так же качаются на ветру, свет густо окрашивает плотный ковер лужайки, где мириады травинок переплелись в беспорядочном танце. Единственная тень, падающая на землю, это моя тень. В утренней тиши невозможно различить звука шагов или дыхания, слов — ничего, что может принести ветер. Я подошла к двери и потрогала круг — пачкается. Вытерла палец о штаны, и на грубой ткани осталось три синие полосы. Их не отмыть, я знаю, да и какое это имеет значение.

Под моими ногами заскрипели половицы, горло пересохло настолько, что глотать больно. Я пошла на кухню, открыла кран и тут же вспомнила, что два дня назад была у источника и перекрыла водопровод — из крана не должна течь вода.

Вода пошла.

Я наполнила чашку и выпила все до капли. Выпила вторую и третью. Вода текла, не переставая. Я узнала вкус: вода из источника, потом завернула кран и открыла его вновь. Вода все шла.

Металл кажется таким холодным и гладким. Я опять закрыла кран, села на пол, обхватив колени руками и прижав к ним голову.

Начала прислушиваться к своему дыханию, к движению крови к жилах, к тишине дома и попыталась понять, что же произошло.

Вспомнились лица деревенских жителей, их просьбы и слова благодарности, цепляющиеся за растрескавшиеся губы, их руки с бутылками воды, косточки напряженных пальцев под натянутой, как пленка, кожей; их шаги были такие тяжелые из-за спрятанного под одеждой груза, от которого зависела жизнь их детей, их мужей и жен, их родителей. Однажды кто-то из них пришел ко мне, посидел на кухне, потом отнес домой мою воду, нет, просто воду, поправились я, не моя это вода, а потом, вернувшись в деревню, увидел расклеенные на каждом углу листовки о причитающейся награде, увидел сумму и через несколько дней или недель на подгибающихся от страха ногах или, наоборот, твердыми шагами подошел на улице к акваинспекторам. Подошел и произнес вполголоса, что у него есть кое-какая информация, которая могла бы кое-кого заинтересовать.

Как долго военные знали обо всем?

Неужели они все это время следили за мной, за моими приготовлениями? Неужели они знали и о солнцекаре, и о фальшивом трансляторе, и о чужом личном номере? А вдруг они уже много недель знали о сокровенном источнике, а потом вывели мои планы и решили подождать? Может, они наблюдали за нашим тайником под мостом, наблюдали, как мы носим туда провизию и воду. А вчера, когда Санья пришла раньше меня, они просто вышли ей навстречу – трое военных в тяжелых сапогах и синей форме, может, двое, да и одного было бы достаточно, ведь Санья такая хрупкая. Я как будто даже увидела, как они нависли над ней и вытащили свои сверкающие сабли, превратившиеся в пузырящиеся зеркала от попавших на них капель дождя. Один из них связал Санье руки за спиной, другой полез под мост, разобрал проход и выехал на нашем солнцекаре. И они увели ее, и у нее не было возможности убежать или тем более как-то связаться со мной.

Страшно даже предположить, что случилось с Саньей.

А вдруг все было иначе? Ее не арестовали, военные не приходили к ним домой, но такое я не могла вообразить, это не могло уместиться в границах моих представлений, не разрушая их. Я стала вспоминать обо всех остальных подобных случаях. Не так уж их и много: слухи и досужие разговоры, ночные, а потом и дневные аресты, кровь на песке – и все покрыто всеобщим молчанием.

В какой-то момент я ощутила ужас от осознания того, что окажусь запертой в четырех стенах, но потом вспомнила, что уже выходила на улицу и обошлось без последствий. Однако у меня нет ни малейшего представления, как далеко от дома я смогу уйти. А что случится, когда я

дойду до той границы, что мне дозволена? Может, меня пристрелят на месте?

Есть только один способ проверить это.

Ноги подкашивались, когда я вышла на крыльцо.

От дома до ворот ведет такая знакомая дорожка, ведь я ходила по ней бесчисленное множество раз и по многу раз в день, так что могу с закрытыми глазами описать каждый поворот. Теперь же здесь все чужое, каждый шаг отпечатывается явственно, каждое движение дается, словно выворачиваешь камни из земли. Под крышей в паутине бьется бабочка — ее там вчера еще не было; а вот щербины каменных плит, их края с обнаженными слоями, превращенными временем в монолит; вижу свои ноги из хрупких костей и тонкой кожи, стоящие — такие белые и нежные — на темном камне в окружении мягкой травы.

Мне стало трудно дышать, с каждым шагом я ждала в какой-нибудь части тела — ждала, но чего именно? В меня никогда не стреляли. Да, я видела стреляные раны, видела кровь и бинты, запачканные липкой, желтоватой жидкостью, но я никогда не видела, как пуля настигает жертву. Никогда не видела боли на лице человека в тот момент, когда металл пробивает его кожу, разрывает ткани и ломает кости. Я представила, как меня обжигает боль, как плоть разрывается в клочья, а потом представила это чувство стократным, потому что мое первое ощущение не может быть верным. Что я успею ощутить? Останется ли у меня время увидеть, как жизнь медленно вытекает из меня или же все случится мгновенно и не будет пронзительной боли?

Кровь прилила к ногам, но я заставляла себя делать шаг за шагом, травинки сминались под

подошвами и поднимались обратно, вновь ощутив легкость.

Что-то хрустнуло на краю леса, но движения я не заметила. Я ощутила, что остановилась. Дыхание рвалось наружу – ему надо дать выйти в прозрачный воздух утра, еще пахнущего вчерашним дождем. Ворота совсем рядом. Еще шаг, еще несколько шагов, и я буду далеко. Другой шаг и третий... Если протянуть руку, можно прикоснуться к прохладной после ночи поверхности. Последний шаг, и вот я у самых ворот.

Ветер ворошил листья и трепал деревья за ветки, тени колыхались на песке, и ветерок на сосне тихонько звенел у меня за спиной.

Я сделала вдох, закрыла глаза и отворила ворота.

Ничего не произошло.

Посмотрела вокруг и ничего не увидела, ничего такого, что говорило бы о присутствии кого-то еще.

Шагнула за ворота – раз.

Затем – другой.

На третьем шаге воздух рассек щелчок, как если бы толстую доску раскололи пополам одним мощным ударом: рой песчинок вспорхнул в воздух на расстоянии двух ладоней от моих ног. Я застыла на месте. Звук выстрела растворился в тишине.

В детстве, когда случалась гроза, я заворачивалась в штору маминной комнаты и в ее спокойном, мягком полумраке чувствовала себя в полной безопасности. Потом грозные трещины мира затягивались сами собой и можно было вновь без опаски гулять по дому. Сейчас меня пронзило такое же чувство: каждая клетка моего тела кричала мне «беги в дом, беги, прячься в угол, за штору – куда угодно, только беги», пока трещины опять не затянутся и мне не придется бо-

яться провалиться сквозь них в щемящую тьму или в слишком белый, насквозь прожигающий свет. Но штора уже давным-давно обтрепалась, угол был полон старой пыльной паутины, и не осталось такого места ни в доме, ни в тундре, ни в сопке, куда я могла скрыться от покрытого трещинами мира.

Еще один шаг.

Звук разорвал воздух, и песок взлетел там, куда ударила пуля. Я подняла глаза и увидела движение в нескольких шагах перед собой, то была синяя полоска между деревьями, металлический блеск там, куда на мгновение упали лучи солнца.

Третья попытка лишь укрепила мои предположения: песок прямо-таки вскипел у ног, так что сомнений не осталось — они умели стрелять и хотели, чтобы я знала границы дозволенного, но вряд ли пока собирались причинить мне вред. В наступившей тишине я медленно вернулась назад.

К вечеру мне стали понятны границы моего заключения: они шли по забору, доходили до чайного домика, но там забор заканчивался, поэтому невидимая граница была прочерчена в десяти шагах от его задней стены. В домик я тоже могла заходить. Вероятно, стрелки, которым приказали неусыпно следить за каждым моим движением, были расставлены повсюду.

Вернувшись в дом, я заперла дверь и задернула шторы. Теперь мне стало ясно, почему все дома, меченные синим кругом, стояли с закрытыми окнами. Если жизнь заключена в тесные рамки, то малейшую крупицу свободы начинаешь ценить как никогда. Конечно, деревянные двери или хрупкое стекло окон не смогут помешать им расправиться со мной, но если мне

удастся спрятать от них хотя бы частичку моей жизни, владеть ею единолично, то я ни за что не откажусь от этого, быть может, самого последнего, что я имею.

Ах да – транслятор! Один я убрала в деревянную шкатулку в комнате, а другой лежал в сумке, приготовленной для поездки на Утраченные земли. Я достала его, приложила ладонь и стала ждать, когда засветится экран, но транслятор не находил сеть. Запустила поиск заново. Через минуту опять появилось сообщение об отсутствии сети. Тогда я пошла к себе в комнату и включила другой транслятор, но и он сообщил об отсутствии сети в доме. Мои тюремщики явно позаботились о том, чтобы лишить меня контакта с внешним миром.

Ближе к вечеру захотелось есть. Вода еще была, я наполнила все бутылки, какие нашла, про запас – вдруг отключат, но с едой – сложнее. Все, что могло храниться более или менее долго, мы отнесли в солнцекар, в шкафу нашлось несколько сухарей из амаранта да немного каши на неделю; в саду уже начали поспевать ягоды, а еще можно собрать кое-каких овощей и фруктов, хотя пока мало что поспело.

Ближе к ночи я достала из ящичка кухонного стола нож и подошла к входной двери. В свое время отец прикрепил к ней металлическую вешалку для москитных сеток, но после его смерти она все больше пустовала. Я приложила острие ножа к белой крашеной двери, на ней виднелись следы кисти – движения маминых рук: уже десять лет прошло, как она сделала дверь блестящей и красивой, но теперь краска опять растрескалась – и надавила. В том месте, где снаружи был синий круг, с внутренней стороны краска скрутилась в завиток. Я подумала, что тут еще достаточно места для других черточек.

Я вернулась в комнату, спрятала нож под подушку и легла на кровать. В свете позднего лета рядом на полу валялись два моих транслятора — навсегда погасшие и онемевшие.

Следующим утром я вырезала на двери вторую черточку, затем открыла дверь, чтобы немного проветрить комнату и обнаружила на ступеньках крыльца поднос с едой: половинка горбушки, горсть сушеных фиников, пакетик бобов — их я положила размачиваться, а остальное аккуратно распределила на порции. Откуда же знать, на сколько дней мне все это выделили? Затем отнесла поднос обратно.

Я подумала о воде, что текла из крана, хотя и не должна была, подумала о притаившихся военных, стреляющих, но не попадающих в меня, подумала об оставленной на крыльце еде и поняла самое главное: мне хотят сохранить жизнь, во всяком случае, до поры до времени.

Они хотят, чтобы я боялась.

На следующую ночь я решила подкараулить того, кто придет во двор. Солдат с подносом появился после шести утра. Когда он опустил его на крыльцо, я, преодолевая усталость, поднялась, открыла дверь и спросила:

— Почему поместили мой дом?

Он не ответил, лишь забрал пустой поднос, развернулся и собрался было уйти. Я пошла за ним, хотя понимала, что это небезопасно, но нужно же все выяснить.

— В чем меня обвиняют? Можно ли поговорить с кем-нибудь?

Солдат продолжал идти молча, не оглядываясь. Я забежала спереди, солдат остановился, положив руку на саблю, и тут я увидела, что это сын пекаря, с которым я ходила в одну школу и

которого однажды видела расклеивающим объявления о розыске аквапреступников.

— Позволь мне поговорить хоть с кем-нибудь! Если уж я должна жить в заточении, то могу хотя бы узнать, в чем меня обвиняют, — почти закричала я.

В его молчаливом напряжении ощущалась угроза: еще немного, и холодная сталь пронзит мою плоть.

— Пожалуйста, — произнесла я так, что мне самой стал противен мой голос, но сын пекаря продолжал молчать, и я продолжила: — Зачем ты это делаешь?

— Хорошо, слушай: ты лишена права обращаться к кому-либо, и у меня нет ответов на твои вопросы. Я всего лишь делаю свою работу, — сказал он и посмотрел на меня.

Тут я вдруг разглядела в нем того самого мальчика, на которого никогда не обращала никакого внимания, хотя много лет видела, как он носится по школьному двору на переменах.

— Сейчас я должен полоснуть тебя вот этим, — произнес он важно, по-прежнему не снимая руки с сабли. — Но не буду, подожду до следующего раза. Берегись, другие солдаты не такие добрые, так что тебе лучше не выходить из дома, когда наши принесут еду.

Сын пекаря пошел к воротам, а я осталась стоять, не в силах пошевелиться — так поразили меня выражение его лица и голос. В его глазах я разглядела пугающую черноту. Она появляется, когда человек собирается сделать такое страшное, чего лучше не видеть. И тогда я поняла, что, если я пойду за ним или попытаюсь заговорить еще раз, он махнет саблей и оставит меня на земле истекать кровью. Я долго смотрела ему вслед, а потом подождала, пока мое серд-

це успокоится и позволит мне наконец вернуться в дом.

На третий день я стояла около сада камней и увидела идущую по дороге от деревни фигуру. На ней не было военной формы, и ростом она была ниже Саньи. Фигура смешалась с тенями деревьев, и никто не попытался преградить ей путь выстрелами. Это была Май Хармая. Скоро она остановилась и начала всматриваться, заметила меня и поглядела на входную дверь. Увидев синий круг, Май развернулась и торопливо пошла обратно. Когда она исчезла из виду, я поняла, что больше никогда не увижу никого из жителей деревни.

Глава 18

Лезвие резало краску на двери, открывая светлую поверхность дерева. Свежая черточка стала первой в шестом ряду. Я убрала нож в чехол — он был от другого ножа, но все же лучше, чем совсем без чехла, и положила в карман. Так я поступала все пять недель до сегодняшнего утра.

С тех пор как сын пекаря принес мне еды и ушел, не оглядываясь, я ни с кем больше не разговаривала. Каждое утро на крыльце стоял новый поднос, иногда я видела того, кто принес еду, но заговорить я больше не решалась.

Лишь когда границы жизни становятся осязаемыми, начинаешь понимать, насколько крепко хочется за них ухватиться.

Каждое утро и каждый вечер я упорно включала оба транслятора, хотя понимала, что бессмысленно ждать от экрана ответа, даже тогда надежда подавала признаки жизни в моем сердце, и я раз за разом топтала ее, пытаясь уничтожить. Транслятор не откликался, и всякий раз

мое сердце сбивалось с ритма, но так длилось всего мгновение, а потом мое заточение возвращалось на круги своя, где я шла шаг за шагом, не ведая, когда, что и где найду.

Мои дни постепенно заполнились поиском еды в саду и сбором воды. Доверять кранам было нельзя – вода иногда шла, а иногда и нет. Когда я не выкапывала съедобные коренья, то пыталась представить себе, что происходит за забором, – все тщетно. Я не знала, как дела в деревне, где идет война, есть ли сообщение с Синджином? Вдруг он уже вообще не существует и все остальные города тоже, а я об этом ничего не знаю? Быть может, все, что осталось, – вот этот дом и сад, склонившиеся деревья и песчаная дорога, камни в тундре и небо над ними?

Возможно, уже не было ни мамы, ни Саньи.

Случалось, немота дома и неподвижность заключенной в его стенах жизни грозили меня саму превратить в камень. Сначала ноги утратят гибкость, их кожа медленно станет серой и жесткой, они перестанут сгибаться в коленях и щиколотках, и я не смогу больше поднимать их. Не имея возможности сделать ни шага, я буду наблюдать, как каменеют ноги, потом бедра, грудь и дальше – от локтей к запястьям и кончикам пальцев. Последним застынет лицо: глаза останутся открытыми, поскольку не смогут моргать, и я увижу, как усыхают мои глазные яблоки, а потом останется только стук сердца, но и он скоро прекратится.

Мне следует избегать имеющих надо мной власть мыслей. Еще не время.

Я сходила на крыльцо за утренней порцией еды и принесла поднос на кухню. Сегодня дали совсем мало: горсть амаранта, пакетик семян подсолнуха – видимо, военные заметили, что урожай в саду начал поспевать. После скуд-

ного завтрака я вернула поднос обратно и пошла умываться. Вместо потока холодной воды вытекло лишь несколько капелек. Подождала немного, завернула и снова открыла кран. Сначала ничего, затем послышался низкий металлический звук, словно где-то повернулась труба, наконец из крана хлынула струя. Надо быстро привести себя в порядок, потому что подача воды с некоторых пор стала непостоянной. Я подумала об уровне воды в озерце и о белой отметке, видневшейся совсем близко, когда я последний раз ходила к источнику. От этого на сердце стало тяжело — нужно гнать такие мысли. Хорошо, что вода есть. Хотя для них я и преступница, мне не нужно ходить в грязной одежде или не мыться неделями, даже в заточении у меня больше воды, чем у многих других на свободе.

До сих пор мне это непонятно.

Я оделась и пошла подметать дорожку к чайному домику. Ночная роса на лужайке холодила ноги. Было пасмурно, но такие тучи не к дождю. Я сгребла опавшие листья, оставила для себя немного, чтобы разбросать по плитам дорожки, а остальное отнесла в кучу на задний двор, опасаясь случайно приблизиться к невидимой границе.

Крыжовник уже поспел, и я принялась собирать его крупные с красными прожилками ягоды с пригнувшихся к земле ветвей. Они кололи руки, но звук сыплющихся в пластиковую миску ягод успокаивал, словно дождь, сладкий сок наполнял рот, и косточки похрустывали на зубах. Вскоре я заметила, что к дому приближается солдечкар. Это выглядело странно, ведь солдат вокруг дома я видела и раньше, но они перемещались пешком, а солдечкар приезжал только при смене караула, которая проходила так незаметно, что иногда начинало казаться, будто

жизнь пуста, — это пока я не нарушала обозначенную мне границу.

На этот раз солнцедар въехал под навес для гостей, и я в растерянности опустила миску на крыльцо. Из него вышел высокий мужчина, прошел через ворота в сад, остановился передо мной и поклонился.

Я не ответила на поклон.

— Командор Таро, позвольте поинтересоваться, чем же я заслужила столь большую честь?

Таро подошел ближе — настолько близко, что я могла сквозь москитную сетку разглядеть свое отражение в его темных глазах. Мне хотелось отступить назад, но я заставила себя не двигаться с места. Он измерил меня взглядом. Я не отводила от него глаз.

— Как я погляжу, девушка, вы ничуть не изменились с нашей последней встречи, — сказал Таро, и уголки его рта дрогнули в улыбке, которая напомнила мне о сверкающих саблях военных. — Что скажете насчет условий, которые мы для вас организовали?

С этими словами он махнул рукой, словно схватил дом и сад в свой кулак.

— Мне кажется, мы проявили чрезвычайное дружелюбие, если не сказать великодушие: тут достаточно пространства, вам регулярно приносят еду и включают воду. Знаете ли, редкому заключенному позволяют подобные роскошества.

— Признаться, я была чрезвычайно удивлена своими привилегиями, — ответила я. — Смею предположить, что вы здесь, чтобы пролить свет на ситуацию.

Я видела, что Таро забавляется, но это было тонкой игрой, маскарадом. В глазах командора ничто не дрогнуло.

– Было бы жаль не воспользоваться вашими особенными умениями, девушка, прошу прощения, *мастер Кайтио*, – произнес он. – Так что я хочу предложить вам продолжить нашу милую беседу за чашечкой вашего отменного чая. Не окажете ли вы любезность провести чайную церемонию в честь моего визита?

Несмотря на подчеркнутую вежливость, я знала, что это была не просьба.

– Дайте мне пятнадцать минут, командор Таро, на подготовку. К сожалению, сладостей нет, – сухо сказала я. – Уж извините.

– Как скажете, мастер Кайтио, – ответил он.

Я оставила Таро стоять на лужайке и ушла в дом. Убедившись, что шторы плотно задернуты, достала из шкафа церемониальную одежду. Она казалась гораздо мягче и приятней, чем в тот день праздника лунного года из другого времени и другой жизни, когда я впервые примерила ее. И все же в ней ощущалась чуждость, я словно примеряла у кого-то позаимствованную кожу. Сейчас облачаться в одежду мастера чайной церемонии казалось бессмысленным и ненужным, ведь Таро не этого ожидал от меня. Однако неизменный, основанный на непрерывности поколений ритуал чайной церемонии был единственным мостиком, который я могла позволить себе выстроить между своей ранимостью и неприкосновенностью мастера. Одежда оберегала меня, в ней я чувствовала себя в безопасности.

В чайном домике всегда хранится несколько комплектов утвари. Даже оказавшись в заточении, я подметала и проветривала его ежедневно и несколько раз мыла пол, так что мне требовалось только принести туда воды. Через десять минут я вышла из дома с бутылкой, наполненной водой из крана.

Я не сразу заметила Таро. Он стоял перед чайным домиком и брызгал на лужайку дождевой водой из каменной чаши, выполняя символический ритуал очищения чайного домика и пространства вокруг него. Такое разрешалось только чайным мастерам и их ученикам. Горечь унижения поднялась к горлу. Мягко шлепая сандалиями по плитам дорожки, я подошла к домику.

– Боюсь, вам придется в этот раз тоже войти через вход для гостей. Мы не изменили высоту прохода, ремонтируя домик, – с трудом сдерживаясь, сказала я.

Таро вытер мокрые руки о штаны, и уголки его рта чуть дрогнули. В почти черных глазах командора мелькнула тень, словно в зеркале в темной комнате.

– Я и не сомневался, – ответил он.

Ни один из нас не поклонился друг другу. Я обошла домик и вошла через вход для мастера.

Я развела огонь в очаге, налила воду в котелок и поставила утварь на поднос, затем приоткрыла вход для гостей. Через мгновение в домик вполз Таро уже без сетки на голове. Согласно ритуалу, я поклонилась ему, он улыбнулся и поклонился в ответ. Мне показалось, что он сделал это демонстративно, – но не уверена. Кровь прилила мне к лицу. Дыши глубоко, сказала я себе, дыши и думай о воде, что несет и сковывает меня, что отделяет нас от тлена, вода, что все еще не оставила меня. Пока не оставила.

На дне котелка появилось десять пузырьков.

Я приготовила чай и предложила чашку Таро. Он неторопливо принял ее, подул, но сразу пить не стал – чай был еще слишком горячим, – поставил на пол рядом с собой.

Командор смотрел на меня, как будто оценивая. Невыносимая тяжесть того, что он намере-

вался делать, вызывала у меня ужас, ведь Таро пришел ко мне не просто так. Я не могла знать, что кроется за его молчанием, но понимала, что ничто не может запретить ему сделать это или хотя бы помешать. Он не спешит, он ждет, он ищет мое слабое место и будет искать, пока не найдет.

Наконец он произнес:

– Ты не боишься меня, Нориа. Почему же?

Я заметила, что Таро перешел на «ты» и сделал это, сознательно нарушая этикет чайной церемонии и выказывая неуважение к мастеру. Я не ответила, а он продолжал смотреть на меня.

– Пожалуй, ты понимаешь, что я могу причинить тебе боль, если только захочу, – сказал он все так же невозмутимо. – Либо я могу приказать кому-нибудь другому сделать это, а сам буду наблюдать со стороны.

Конечно, я все понимала. Все знают о том, что происходит в темноте, о том, чего лучше не видеть. Я слишком много о них думала: о маме, о тюремных стенах вокруг нее, возможно, даже толще тех, что окружают меня, о металле, прижатом к ее тонкой коже. Я думала о Санье. Нет, надо гнать такие мысли, потому что у меня начинают дрожать руки, а я не могу сейчас допустить это.

– И ведь все равно ты говоришь с вызовом и не кланяешься мне, – продолжил Таро. – Почему?

И тогда я сказала одну-единственную фразу, которую могла сказать в той ситуации, а когда сказала, то поняла, что это было правдой.

– Вы не можете сделать со мной ничего такого, что имело бы для меня значение.

Таро поднял чашку, подул и отпил глоток:

– Так уж и ничего?

И опять тот же самый оценивающий взгляд и чернота в глазах.

– А что, если я скажу, что могу подарить тебе жизнь? – спросил он.

– Я не поверю.

– Я ведь все знаю об источнике, – сказал Таро, – но, пожалуй, ты уже догадалась. Об этом следовало рассказать мне раньше. Да, твой отец... Упрямец, каких мало, и тебе передал свое упрямство. Вот меня лично утомляют все эти затащенные донельзя традиции чайных мастеров. Так что вывести вас на чистую воду было делом времени.

Он провел пальцем по краю чашки. Таким движением мама учила меня извлекать звуки из стаканов для воды: когда по краю тонкого стакана проводишь мокрым пальцем, рождается удивительный высокий звук, он становится звонким и похожим на забытую мысль, которую никак не вспомнить. А еще она сказала, что если долго играть на стакане, то он разобьется, поэтому я больше никогда не играла ни на одном стакане.

– Многие чайные мастера и сами уже позабыли об этом, – продолжил Таро, – потому что они слишком долго живут в городах. Но ведь тайна истинного мастерства заключается в том, что чайный мастер издавна являлся хранителем источника. Проблемой твоего отца было то, что он слишком сильно верил в свою исключительность. Ну скажи, как такое возможно: чайный мастер живет в глухой деревушке, не поддается соблазну переехать в город; его сад цветет, а чай вкуснее, чем у тех, кто покупает у военных самую лучшую воду? Ясно ведь, какую тайну он хранит.

Пальцы Таро остановились. Я слушала его, а во мне росла тревога, наконец я не могла больше сдерживаться.

– Откуда вам знать о союзе чайных мастеров и воды? – спросила я, вспыхнув.

Его улыбка была похожа на звук поющего стекла.

– Нориа, мне кажется или ты действительно выглядишь озабоченной? Поверь, твой отец не лгал, говоря, что это тайное знание. Это правда. Знать могут лишь те, кто прошел обучение.

Я чуть было не спросила, скольких мастеров он замучил до смерти, чтобы выведать тайну, но слова застряли у меня в горле – я все поняла: Таро осознанно нарушил этикет церемонии. Мне случалось принимать гостей, то и дело совершавших ошибки, но они могли не знать всех тонкостей этикета, да и можно ли требовать от гостя такого? Ошибки гостей приводили их в смущение: им становилось неловко, что, несмотря на все старания, им не удавалось выглядеть достойно. А для некоторых этикет вообще ничего не значил. Но не для Таро. Он уже в первый свой визит дал понять, что в совершенстве знает этикет, однако сейчас нарушил его, потому что был наделен властью, а кроме того, владел секретами церемонии так же хорошо, как и я, и в точности знал, как можно оскорбить чайного мастера и его гостей.

И тут все предстало в новом свете. Я вспомнила, как он превратил свой первый визит в допрос, как приказал разрушить чайный домик, отлично понимая, что невозможно восстановить его в прежнем виде, как конфисковал все дневники, хотя, конечно, знал, что ни один чайный мастер никогда не оставит записи о тайном источнике; как только что разбрызгивал воду, хотя это привилегия чайного мастера и его уче-

ника, а если такое сделает кто-либо другой, это означает осквернение чайной церемонии...

Он смотрел на меня и ждал, ждал, что я догадаюсь.

– Вы – чайный мастер, – сказала я.

Таро посмотрел в сторону, и я не смогла прочитать его мыслей.

– Был им, – ответил он. – Точнее, должен был стать. Я учился у отца, тот тоже был хранителем воды, одним из последних. Он презирал городских чайных мастеров, считал их негодными предателями.

Поднимавшийся из котелка пар оседал на окне и лице.

– Но ведь вы не служите чайным мастером, – сказала я.

Таро допил чай, опустил чашку на пол и придвинул ко мне. Я вновь наполнила ее.

– Нет, не служу после того, как выдал военным источник отца, – ответил он. – Я это сделал, потому что сам решил стать военным. Знаешь, Нориа, это пошло моей карьере явно на пользу! Однако мы отклонились от главного. У меня достаточно власти, чтобы не лишать тебя жизни, если, конечно, ты того пожелаешь.

Командор поднес чашку к губам, но чай еще был горячим, и он поставил ее на пол:

– Ну, скажем так, мы сохраним тебе жизнь, хоть и не в полной мере, но по большей части.

Я сидела молча, положив руки на колени, хотя мне хотелось вытереть пот с лица.

– До тебя, наверное, еще не дошли слухи о твоей матери?

Я понимала, что мне не нужно соглашаться на сделку с ним, но я слишком много дней смотрела на мертвый транслятор, в моей голове выстроилось слишком много разных версий, кото-

рые мне не хотелось додумывать до конца. И я спросила:

– Что вы знаете о моей маме?

Лицо Таро не изменилось.

– В Синджине вспыхнуло восстание, и твоя мама уже целый месяц числится без вести пропавшей. Считается, что она погибла.

Узнать такое всегда страшно, но я ничего не почувствовала. Печаль придет позже, а сейчас она прошла мимо и исчезла, оставив за собой пустоту.

– К сожалению, не в моей власти возвращать мертвых, – произнес Таро. – Но что до тех, кто все еще жив?

Он увидел мое волнение, и на его лице появилось удовольствие.

– Неужели нет никого другого, кого ты могла бы спасти?

У меня кольнула в груди.

– Где она? – спросила я.

Таро в задумчивости наклонил голову:

– Она попросила меня передать тебе, чтобы ты приняла мое предложение.

Как же мне тяжело!

– Что за предложение? – спросила я.

– Ты и Санья вернете себе свободу и будете жить, как жили до сих пор, но уже под защитой военных. Вы сможете даже пользоваться источником чаще других жителей деревни.

Мне вспомнилось то время, когда источник был только нашим. Уголки рта Таро дрогнули – он заметил смятение на моем лице. И тогда я заставила себя посмотреть ему прямо в глаза.

– Что вы хотите взамен? – опять спросила я.

– Вы соглашаетесь на то, что источник принадлежит военным и вы обе работаете на меня. – Тут он сделал паузу, словно ожидая моей реакции. – Вы, конечно, наделали кучу глупо-

стей, но проявили незаурядную смекалку и ум. Я даже почти поверил, что никакого источника нет и в помине. Мой верный адъютант Муромяки долго следил за вами, пока не выяснил, откуда вода и как она доставляется от вашего дома в деревню. Нам нужны шпионы с такими способностями, как у вас.

Уже второй раз во время нашей беседы воспоминания сдвинулись в моем сознании, и их детали стали выглядеть по-новому. Этот неожиданный визит Муромяки?! То, как он остановился у ворот Саньи и завел с ней разговор?! И еще одно воспоминание – почти стершееся, но теперь высветившееся ярче других: светловолосый гость на похоронах отца с вроде как знакомым, но таким невыразительным лицом. Все время после смерти отца вокруг меня стягивалась сеть, а я не понимала этого.

Мне показалось, что в комнате все застыло, и я не видела перед собой тропы из-за тумана, клубившегося над прошедшими, непостижимыми неделями, поднимавшегося из трещин мира, из темного зеркала, в котором невозможно различить собственного лица.

– Это Санья попросила меня пойти на такое?

– Она сказала, что согласится, если вы сможете встречаться.

Я подумала о Санье и почувствовала, что одна мысль о ней меня успокаивает. Сказать «да» просто, но стереть стоящую перед моими глазами картину невозможно: мы с ней рука об руку возле источника, где беспокойный поток прижимается к границам нашего «я» и наш след остается навсегда в памяти воды и мира.

Я закрыла глаза и тяжело вздохнула.

– Санья верит, что оно того стоит, – продолжил Таро мягким голосом. – Поэтому она и пришла к нам.

Я открыла глаза. Слова, образы и все, что было столь эфемерным и призрачным, исчезло.

– Вы лжете, – ответила я.

Лицо Таро вдруг стало странным, как будто исчезла маска, тщательно спланированный план – не знаю, не уверена, что именно, но я увидела, что его идеально выстроенная схема дала трещину, и, прежде чем его лицо приобрело равнодушное выражение, я поняла, что права.

– Можно сказать и так: я лгу, но ведь этого ты как раз и не можешь знать. Ты знаешь только то, что услышала от меня, и ты не доверяешь мне, – сказал он и замолчал.

Мы молча смотрели друг на друга, в комнате двигался только выдыхаемый нами воздух.

– А что, если я тебе скажу, что Санья пришла к нам не ради тебя, а потому что хотела защитить свою семью? Тогда ты согласишься? – неожиданно спросил он.

Тени обернулись вокруг Саньи и понесли ее прочь от меня, пока совсем не скрылись из виду. Я не подняла руку, не сказала ни слова на прощание или чтобы задержать ее, и она ушла, ни разу не обернувшись.

Я осталась совершенно одна и сказала только то, что могла сказать:

– Ничто не заставит меня принять ваше предложение.

Таро поднял чашку, молча допил ее и поставил на пол.

– Это твое последнее слово? Подумай хорошенько, другой возможности у тебя не будет.

– Последнее.

Он кивнул и поднялся; его тень лишь на мгновение стала моей, а затем навсегда оставила меня одну в бесконечной пустоте.

Я передвинулась к входу для гостей и открыла Таро дверь. Он встал на колени и уже собрал-

ся выползти на улицу, но остановился и посмотрел на меня.

– Позволь полюбопытствовать, – спросил он, и тут я впервые увидела у него в лице нечто, похожее на живой интерес. – Почему? Неужели ты веришь, что тебя ждет какая-то награда в другой жизни или в потустороннем мире, если ты сделаешь то, что считаешь правильным?

– Нет. Просто я верю в то, что каждый день нужно делать тяжкий выбор, даже зная, что не получишь за это никакой награды.

– Но почему?

– Потому что, если нет ничего, кроме этой жизни, пускай она и будет единственной возможностью оставить след, имеющий хоть какое-то значение.

Таро не кивнул, не улыбнулся, не усмехнулся, он просто посмотрел мне в глаза, а потом повернулся, чтобы покинуть комнату.

– Мне тоже любопытно, если позволите: вы не верите в награды и понимаете, что ваша власть преходяща, что же вы так стремитесь к ней и творите дела, о которых знаете, что они неправильные?

Командор не вздрогнул от моего вопроса, он молчал. Во влажном воздухе было слышно его дыхание, мне даже показалось, будто по его лицу прошла слабая дрожь, но, скорей всего, я ошибалась.

– Потому что, если нет ничего, кроме этой жизни, я хочу получать от нее наслаждение, сколько бы она ни длилась, – ответил он.

Мы, не двигаясь, сидели на коленях лицом к лицу, и ничто не разъединяло нас, но ничто и не объединяло. Его выбор мог стать и моим выбором; все тени одного цвета, и все они исчезают с наступлением тьмы.

– Прощайте, командор Таро, – наконец я нарушила молчание. – Больше я ничего не могу для вас сделать.

Я не поклонилась на прощание, но Таро поклонился, и в этот раз я не увидела в его поклоне ни насмешки, ни пренебрежения, но было ли в нем уважение? Я еще подождала, пока он выберется из домика, и поэтому не слышала стука подошв его сапог на крыльце или по дорожке сада камней.

В тот вечер я сосчитала вырезанные на двери черточки и сравнила с количеством дней, прошедших между появлением синего круга на двери другого дома и казнью его жителей.

Я вышла на улицу, чтобы наполнить фонарь огневками. За воротами, где тени становились все гуще, стояла темная худая фигура, и я была уверена, что она смотрит прямо на меня. Через мгновение она повернулась и исчезла между деревьями – по ту сторону границы моего мира.

Глава 19

На улице еще не рассвело, когда я встала заварить чай. Кран опять капризничает, но это происходит уже последние три недели: сначала вода льется в котелок потоком, потом вдруг прекращается и из трубы выходит несколько капель, наконец, после долгого кряхтения, вода начинает идти тоненькой струйкой.

Времени осталось немного.

Пока вода набиралась, я вырезала еще одну черточку – шестую в седьмом ряду. После визита Таро прошло больше недели. У меня тяжесть в руках, лезвие никак не хочет вонзаться в крас-

ку, но если я прекращу каждый день вырезать черточки, то не смогу задержать убегающее от меня время.

Вернувшись на кухню, я увидела, что струйка иссиякла, хотя котелок не был наполнен и до половины. Кажется, где-то осталось немного воды в бутылке. Все равно надо попытаться набрать воды, если водопровод согласится поработать. Я не стала заворачивать кран, поставила под него большую кастрюлю – услышу, если вода пойдет. Мои уши научились чутко улавливать звук, который раньше для меня был такой обыденностью, что я на него не обращала никакого внимания.

Я надела мамину вязаную куртку, натянула шерстяные носки и накинула на плечи платок. Сегодня холодно, куда холоднее, чем этой порой в прошлые годы. Через открытую дверь в дом доносились запахи пробуждающегося после ночи сада. Мое дыхание превращалось в пар.

Поднос уже стоял на крыльце. Я наклонилась, чтобы взять его, и увидела сияние растущего над тундрой полумесяца – грядет праздник лунного года. Скоро в деревне начнут печь сладкие, липкие пирожки, жители развешат повсюду разноцветные фонари. Наверное, для праздника уже приготовлен дракон, на свалке царит оживление – люди ищут всякую всячину для украшений и детских костюмов. В этом году, наверное, не будут устраивать фейерверка – это слишком опасно, потому что если случится пожар, то воды погасить его не хватит. Освещать придется по-другому. Может быть, морские драконы вновь отправятся в свое далекое путешествие, и блеск их чешуи будет виден в небе. Может быть, кто-то будет сидеть на Нокке и смотреть на небесное сияние, может, рядом с ним

будет другой человек, который положит ему руку на плечо и подумает, что ничто не должно меняться.

От ворот донесся звук — кто-то разговаривал негромким голосом. Я попыталась приглядеться, но ничего не увидела, кроме синей полоски, которая тут же исчезла. Голоса двоих солдат раздавались в утреннем воздухе, один из них рассмеялся.

Сегодня чуть позже — или когда там заканчивается их время стоять на посту — они пойдут в деревню гулять. Начистят сапоги, купят на площади хлеба, а может быть, голубого лотоса, а потом будут спать или бодрствовать всю ночь, не считая убегающих часов жизни. Ветер будет хватать их за москитные сетки, а солнце светить на их пальцы, но они даже не заметят живительной прохлады или успокаивающего тепла.

Имена солдат мне неизвестны, как и то, откуда они или как выглядят, но я никогда никого так не ненавидела, как ненавидела их в этот момент.

Поднос оказался совсем легким: ничего, кроме одной глиняной чашечки сушеных бобов. На подкашивающихся от усталости и голода ногах я вернулась в дом и закрыла дверь... Я удивилась обиде, которая схватила меня за горло, удивилась силе, с которой я швырнула чашку в стену, удивилась звуку, с которым она разбилась.

Реальность сплеталась по-новому вокруг меня, нити жизни переплетались вдоль и поперек, сплетались и путались, расходились и вновь создавали сеть, державшую все сущее в себе. Я видела все трещины, все уходящие от меня прожилки. Мир существовал, он все так же рождал новые жизни, но мне в них не находилось больше места. А за всем этим была вполне ощути-

мая пустота – холодное и спокойное состояние небытия – место, которое мы достигнем, исчезнув из памяти мира. Место, где мы будем по-настоящему мертвы.

Хотелось отвернуться и уйти прочь, но мне не позволяла это сделать цепочка событий, что привела меня сюда, запечатленное в камне прошлое, которое никогда не отпустит, не сдастся, не рухнет, не изменит своих форм. Я буду смотреть на него, пока смотреть будет уже не на что. О прошлом складывают разные истории, но истина, что лежит в их основе, никогда не переменится. Она не признает иной власти, кроме своей.

Во мне откуда-то изнутри поднялось жжение, которое вырвалось наружу тяжелым, прерывистым стоном. Дыхание сбилось, все тело свернулось вокруг обиды и печали, а потом всхлипывания начали так разрывать меня, что сдерживаться было невозможно. Я рухнула на пол и разревелась в голос.

В воздухе висит молчаливая пыль. Из окна в комнату падает свет. Я в изнеможении лежу на полу, чувствуя, как высыхающие дорожки от слез стягивают кожу на лице, и думаю, что останусь здесь, все равно солдаты придут утром, а бутылки пусты. Я могла бы лежать здесь, пока вода не иссякнет во мне.

Я чувствую, как на моей коже сгущается тишина. Очень хочется поддаться ей и навсегда закрыть глаза. В этой мертвой бездыханности что-то движется. Ах, если бы эта муха перестала жужжать, тогда я смогла бы немного поспать. Но она не перестает, а вновь и вновь бросается на стекло, не понимая, почему не может пробить его и выбраться на волю. Я открываю гла-

за и вижу ее, бьющуюся в узком пространстве между окном и занавеской тень.

Еще что-то шелохнулось в памяти – другая муха, ее тяжелое зеленое с черным тело, ее жужжание, полет вдоль стены и тщетные попытки найти выход.

А вот под вешалкой у стены лежит сумка из морских водорослей, в ней – прямоугольник моего дневника.

Память рисует передо мной новые картины. Муха на стене сдается и садится на стол, заваленный инструментом и проводами. Свет поблескивает на серебристом диске, когда Санья устанавливает его в углубление археустройства и прижимает крышку. Хрипят динамики. Поток слов, которые не оставят меня в покое, начинает литься в горячем неподвижном воздухе.

Мое сознание пытается ухватиться за еще одну невидимую ниточку, протянувшуюся сквозь годы, времена и человеческие жизни.

Память меняет картину: в руках тяжелая книга в кожаном переплете, слова выстраивают мостик в прошлое, которое могло пропасть. Написанные в ней буквы давно исчезнувшего мастера притягивали меня, и получалось, что он как бы существует, живет между строк, благодаря тому, что оставил после себя. Фразы зацепили меня и вытащили из кокона вечной тишины.

Это последняя история. Излив ее на эти страницы, я могу позволить воде моей крови покинуть меня навсегда.

Есть события, которым люди придают форму историй, чтобы распознать суть происходящего.

Слишком много историй исчезают без следа, слишком редко сохранившаяся история является правдой.

Несмотря на холод, которым тянуло от двери, пол показался теплым, когда я уперлась в него ладонями и попыталась подняться. Это было похоже на борьбу со встречным ветром – сидеть, не уступая давящей усталости. Сумка лежала немного дальше вытянутой руки. Я ухватилась за нее, чуть не потеряв равновесие, и притянула к себе. Достала свой дневник чайного мастера. Кожа обложки казалась такой приятной на ощупь.

Мои мысли бежали по страницам – одна за другой. Заметки описывали чайные церемонии, использованную утварь, погоду, одежду гостей и их поведение. Большую же часть занимал старательно переписанный путевой дневник экспедиции Янссона с серебристых дисков: неполный, с потерянными кусками, но настоящий, в чем я никогда не сомневалась. Я переворачивала страницы и дошла до места, где начиналось содержание последнего диска, того самого, что мы с Саньей слушали затаив дыхание одним летним вечером.

Это была история об уничтожении, о развалинах, об океане, двинувшемся к центрам материков и начавшем поглощать землю и питьевую воду; рассказ о миллионах, лишившихся крова, о войнах за топливные ресурсы, вскрывшихся под растаявшими льдами; об иссякших жилах земли, о разрушивших свой мир людях. Затем история стала рассказом о выдуманной правде, о лжи, о навсегда переделанной истории. История о книгах, превращенных в лохмотья, втоптаных в грязь и замененных на трансляторные книги, которые кроились и перекраивались, а потом стало возможным удалить из памяти мира все, что угодно, одним простым нажатием кнопки. И случилось так, что ответственность

за войны, несчастья и исчезнувшие зимы не нес больше никто.

Это была история, которую пытались уничтожить власти Нового Киана, так они стерли всю остальную память об эпохе архемира. И все же я держала в руках хоть и не всю правду, потому что правда не хранится вечно, но нечто не исчезнувшее окончательно.

Я смотрела на строчки и поняла, что должна сделать напоследок.

Я могу остаться лежать, дожидаясь, пока земля не поглотит воду моей крови, могу позволить кому-нибудь другому рассказать мою историю, если это вообще возможно. И этот кто-то исказит ее до неузнаваемости или подгонит под себя. А если я оставляю ее тем, кто нарисовал синий круг на моей двери, она не будет моей. Я не буду ее частью, не буду частью ничего и никогда.

Можно и так: позволить всему этому случиться либо попытаться оставить свой след.

Последняя треть дневника еще совсем пустая.

Ноги больше не держат, как я ни пытаюсь подняться.

Окно занавешено. Я открываю дневник чайного мастера на пустой странице, усаживаюсь на кровать и переставляю светильник на ночном столике так, чтобы он давал достаточно света.

Чернила блестят на кончике ручки, по бумаге расползается пятно в форме звездочки, и я начинаю писать.

Поначалу никак не получается подобрать правильные слова, а те, что я нахожу, выглядят неуклюже и почти неосяземо – все из-за темноты, в которой они хранились так долго. Нужно немножко притянуть их рукой, помочь им раскрыться, вдохнуть жизнь, сделать их более ося-

заемными, четкими. И тогда они сами начнут выплескиваться на поверхность – такие прозрачные и свободные, и мне останется позволить потоку слов течь свободно, касаясь только самого важного.

Я пишу о сокровенном источнике в сопке, о котором никогда и никто раньше не писал. Пишу о небесном сиянии, что качается в небесных водах, словно поблескивающие чешуей косяки рыб, и похож на плывущих драконов. Пишу о свалке, о неисчислимых тайнах в ее глубинах, о разбитых археустройствах, каждое из них когда-то кому-то принадлежало и что-то означало.

Предложения на бумаге ломают время и пространство: вода вновь течет из источника в дом, отец ходит по комнатам. Я вижу, как он разминает пальцы после работы в саду, как прислоняет грабли к перилам крыльца, как хмурится, как вглядывается в котелок, считая пузырьки на дне. А вот мама – она сидит у себя в кабинете, в задумчивости гладит волосы и ищет забытый карандаш. Слышится запах лаванды и мяты, ее самодельного мыла, в доме пахнет луковой запеканкой... Их шаги: одни – медленные, но твердые, другие – уверенные, но нетерпеливые. Их голоса вновь наполняют кухню, разносятся по саду, и я опять не одна.

Я пишу о Санье: как у нее появляется румянец на лице, когда она по одной извлекает детали из внутренностей археустройства, запоминает их последовательность и аккуратно складывает на верстак в мастерской; как один уголок ее рта поднимается выше другого, когда она улыбается, и как она всегда знает, что нужно сказать и о чем промолчать, чтобы у меня стало лучше на душе; как покрывает платком волосы. А эти изгибы руки и кожа в трещинках на кончиках ее пальцев. А еще как она выглядела

в темной воде источника – там, куда не доходит дневной свет.

На улице небо сменило свой цвет, но в доме кажется, что тени разогнал свет, исходящий от книги передо мной. Чистая полоска бумаги в конце дневника становится все уже. Я собрала все витающие вокруг меня образы и заключила их в свой дневник, соединив со всем давно исчезнувшим, пока не перевернула последнюю страницу.

Когда я отложила ручку и прижала лоб к прохладной коже обложки, за шторами занималось утро. Мое тело стало пустой оболочкой, свободной от тяжести воды и слов, – настолько легкой, что любой ветер сможет унести ее прочь.

Я облачаюсь в церемониальную одежду – свободную, мягкую и непозволительно чистую на моем давно не мытом теле. Носки скользят по полу, когда я иду на кухню, держа дневник. В шкафу лежит легкий тканый мешочек. Я ослабляю шнурок и заглядываю внутрь: на дне еще есть несколько ложек чая, который мы с отцом выбрали на площади в Куолаярви, готовясь к церемонии моего посвящения. Аромат уже не такой сильный, но все еще чувствуется та же струя – освежающая влага, сотрясающий ветви деревьев ветер и мелькающий в воде свет.

Я беру с пола бутылку с остатками воды, подставляю ее под кран и начинаю разговаривать с ним, заклинять его, произнося разные красивые слова, затем совсем некрасивые и, кажется, даже кричать на него и плакать, но что воде за дело до человеческих печалей. Она течет ни медленно, ни быстро, течет там, где-то в земной толще, где ее слышат только камни.

На внутренней стороне двери вырезано семь раз по семь черточек, и краска синего круга снаружи успела давным-давно высохнуть.

Теперь все готово.

Сегодня утром мир выглядит таким, каким мы его оставили, но я все же не узнаю его, открыв дверь. Не только цвет, но и запах, и тишина — все стало другим. Я знаю, как по-разному может звучать тишина, но эта для меня в новинку.

На мгновение мне показалось, будто я родилась заново.

Я оделась в мамин свитер и завернулась плотнее в плед. Можно сойти с крыльца в носках, но мне вдруг захотелось узнать, каково это — пройти по заиндеветшей лужайке босиком: травинки захрустели, пронзили бумажным шелестом, когда я сделала шаг, затем другой и третий.

Из-за туч выглянуло ослепительное солнце. Я много раз представляла себе прозрачную кристальность зим в эпоху архемира, но эта прозрачность совершенно другая. Белое тончайшее полотно лежало на чайных кустах, на лужайке, на волнистом песке сада камней, на деревьях и крыше чайного домика, а отражение солнца в нем слепит мне глаза.

Все бутылки на веранде пусты, лишь белый иней покрыл их исцарапанные бока. Я вынесла последнюю на крыльцо домика, подмела еще не оттаявшие призрачно-белые листья с каменных плит дорожки, оставив для себя пригоршню. Затем разбросала их обратно — так дорожка не будет казаться чересчур убранной. В этом правиле чайной церемонии отец всегда оставался непреклонен.

Вход для гостей узкий и неудобный, особенно для меня, в одежде и с бутылкой. Я вылила воду в котелок, сходила за торфом. В задней комнате вытащила из-под свитера дневник мастера и положила его на полку, где обычно хра-

нится утварь. Поставила на поднос рядышком большой металлический чайник, глиняный чайник поменьше и одну-единственную чашку; отнесла все это к очагу, высыпала остатки чайных листьев в глиняный чайник и зажгла огонь под котелком.

Подумала об отце, жившем теперь только в моей крови и моих костях, и о маме, от которой осталась только я.

Подумала о Санье.

Я знаю, как во сне можно знать, что любишь или что знаком с тем, кто в комнате, хотя он совсем чужой.

Из котелка поднимается пар. Нужно подождать, пока на дне появятся десять пузырьков.

Я налила воду в металлический чайник, заварила слабый чай в глиняном чайнике и согрела им чашку. Потом опять наполнила маленький чайник и облила его снаружи чаем из чашки, омочив его коричневые, пористые бока. Мои движения текли плавно и мягко, как гнется дерево на ветру или волна движется по дну.

В чашке прозрачный, бледный чай, его аромат окутывает меня своей мягкостью.

Я открываю дверь ему – тому, кто должен прийти, и усаживаюсь посреди комнаты на пол так, чтобы видеть деревья, склонившиеся над дорожкой, и солнечный свет на ее гладких влажных плитах.

Не о таком конце жизни я мечтала, но он единственный из возможных. Или нет, не совсем так: я могу выбежать из ворот и броситься вперед, пока не услышу выстрел и не почувствую невыносимую боль. Пожалуй, так было бы быстрее, чем ждать приближающихся солдат – их сабли, кровь, которую я уже не смогу вытереть с дорожки, это изменило бы мой путь, но не конечную цель. Нет выхода. И все-таки я решила

дышать так долго, насколько это возможно. Да, я перестану существовать, и очень скоро, но за мной придут другие, кто понесут мою историю вперед, и, кто знает, может, после них маленький кусочек мира окажется более цельным.

Церемония окончена, когда закончилась вода.

Я не вижу дальше этого двора. Не знаю, обрушились ли города и кто сегодня называет землю своей. Не знаю, кто пытается властвовать над водой и небом, не понимая, что они принадлежат всем и не принадлежат никому. Человеку не дано их удержать никакими оковами.

Мне не нужно видеть дальше этого двора. Больше не нужно.

Совсем скоро, пока я еще буду одна в чайном домике, я пойду в заднюю комнату, суну руку под полку и нащупаю щель в доске пола – это одна из старых досок, она темнее других. Я приподниму доску – она не прибита, – затем сдвину ее в сторону, чтобы открыть небольшое углубление, откуда веет холодом. Кожаный переплет дневника такой мягкий и теплый, он похож на живое существо, если его потрогать. Никто не увидит, как я опущу дневник в углубление и сдвину немного в сторону под другую доску, чтобы его не нащупала случайная рука.

Гость открывает ворота, проходит через двор и начинает искать глазами дорожку к чайному домику. Его ноги не оставляют следов на тонком снегу. Поднимается ветер, и чайный куст отряхивает с ветвей искрящуюся пыль. Сверкающие снежинки медленно опускаются на землю, тая и превращаясь в воду, сливаясь в крохотный ручеек. Я слежу за снежинками, слежу за тем, как они занимают свое место в глубоком потоке, не зная ни начала, ни конца.

Чай оставляет сладкий вкус во рту.

Я пытаюсь не думать о Санье, но ее образ втекает водой в мои мысли, и я думаю о том, втекаю ли я в ее мысли или в то, что от нее еще осталось?

Ее образ вновь и вновь встает у меня перед глазами и не хочет уходить: она стоит в пещере у края воды, смотрит на бурлящую воду, и мне хочется верить, что она придет ко мне, но я вижу ее и другой: она уходит прочь и не возвращается. И не знаешь, какая из них двоих истинная Санья, какая из них – отражение в прозрачной воде, настолько четкое, что его можно принять за настоящее.

Я могу выбрать себе конец – тот, что мне захочется.

Солнце освещает в дверях идущую ко мне фигуру. Я протягиваю к ней руки.

Эпилог

Она входит в дверь.

– Вы по какому вопросу? – строго спрашивает одетый в синюю форму охранник в стеклянной будке. Вестибюль университета в это раннее утро совсем пуст.

– У меня встреча с профессором Кайтио, – отвечает девушка. Она выглядит уставшей и худенькой в сумрачном свете, вряд ли ей можно дать больше двадцати лет. – У меня нет предварительной договоренности, но не могли бы вы сообщить ей, что я здесь?

– Предоставьте ваши личные данные! – приказывает охранник, открывая окошко. Девушка протягивает ему транслятор с личным номером, охранник считывает данные с экрана, поднимает телефон внутренней связи и набирает короткий номер.

– Профессор Кайтио? – спрашивает он в трубку. – Тут юная девушка, говорит, что хочет вас видеть. Фамилия – Ванамо. – Охранник оценивающе смотрит на девушку, затем произносит с улыбкой: – Понятно. – Он опускает трубку и возвращает транслятор. – Подождите, за вами скоро придут, – говорит он.

Девушка замечает напряжение на лице спустившейся вниз Лиан Кайтио, но охранник уже занят маджонгом и не смотрит в сторону Лиан. Рядом с ними никого больше нет.

– Пожалуйста, пойдем со мной, – говорит Лиан.

Они поднимаются в ее кабинет, Лиан закрывает дверь на ключ, хватая девушку за плечи и спрашивает с нескрываемым волнением:

– Где Нориа? Что с ней случилось?

Прочитав на ее лице немой ответ, Лиан прижимает девушку к себе, и они долго стоят в полном молчании.

Санья расскажет ей обо всем позже. О том, как Нориа решила отправиться на поиски воды на Утраченные земли, что они собирались сделать это вместе. Она расскажет о том, как аквапатруль нагрянул в ее дом в тот день, когда они должны были отправиться в дорогу, как она побежала к тайному месту, где был спрятан солнцекар, взяла его и несколько недель скрывалась в Мертвом лесу. Она посылала подруге сообщения одно за другим, но все они возвращались обратно. Наконец Санья пробралась в деревню и узнала, что военные увели с собой ее семью, а на двери дома чайного мастера уже давно нарисован синий круг.

Она расскажет, как решилась отправиться через материк в Синджинь, потому что ей некуда было деваться.

Когда она расскажет все, в комнате воцарится молчание и Лиан будет сжимать мокрый носовой платок в кулаке.

– Не знаю, что вы хотите сделать, госпожа Кайтио, – скажет Санья, – но знаю, что должна сделать я. У меня для вас есть кое-что.

Она достанет из сумки потрепанный сверток, положит его на стол и аккуратно развернет.

На столе будут лежать семь серебристых дисков.

Этим утром мир превращается в прах и пепел, но в нем уже есть надежда.

Оглавление

Пролог

5

ЧАСТЬ I

Хранители воды

9

ЧАСТЬ II

Пустынный дом

113

ЧАСТЬ III

Синий круг

213

Эпилог

250

Итяранта Э.

И92 Дневник чайного мастера : роман / Эмми Итяранта; пер. с фин. Е. Богданова. — Москва: Текст, 2017. — 253[3] с.

ISBN 978-5-7516-1409-6

Первый роман финской писательницы Эмми Итяранта «Дневник чайного мастера» стал победителем конкурса научно-популярной и фантастической литературы, организованного финским издательством «Теос». В этом романе-антиутопии перед читателем предстает мир, который может стать реальностью: нет больше зим, земля превратилась в пустыню, а реки давно пересохли, оставив на поверхности земли лишь шрамы. В нем правят военные, превратившие пресную воду в мощное средство контроля над людьми. Вода распределяется по карточкам, и любое нарушение карается без всякой пощады.

УДК 821.511.111

ББК 84(4Фин)

Эмми Итяранта
*Дневник
чайного мастера*

РОМАН

16+

Редактор *Ю.И. Зварич*
Оформление *К.Ш. Баласановой*

Подписано в печать 10.12.16. Формат 84 x 100/32.

Усл. печ. л. 12,48. Тираж 2000 экз.

Изд. № 1307. Заказ № 19

Издательство «Текст»
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7
Тел./факс: (499) 150-04-82
E-mail: text@textpubl.ru
<http://www.textpubl.ru>

**КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ТЕКСТ»**

Постоянная экспозиция в издательстве:

127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, 7
Тел./факс: (499) 156-42-02

**В Москве книги «Текста»
можно купить в магазинах:**

Дом книги «Молодая гвардия»
Большая Полянка, 28

Московский дом книги
Новый Арбат, 8

Торговый дом «Библио-Глобус»
Мясницкая, 6

Торговый дом книги «Москва»
Тверская, 8

«Фаланстер»
Малый Гнездниковский пер., 12/27, стр. 3

Продажа книг через Интернет:

www.labirint-shop.ru

По вопросам оптовых продаж
обращаться в ТД «Лабиринт»
(495) 780 00 98, 231 46 79
tm@labirint-t.ru

Роман Эмми Итяранта «Дневник чайного мастера» поражает спокойствием и глубиной, словно горное озеро. Он полон образов, которые так же красивы, как отражения деревьев на поверхности воды.

«Культуршпигель»

В романе-антиутопии «Дневник чайного мастера» предстает мир, который может стать реальностью. В нем нет больше зим, земля превратилась в пустыню, реки давно пересохли, в этом мире военные контролируют запасы пресной воды и властвуют над людьми. Нория, главная героиня книги, не боится бросить вызов системе, что приводит к роковым последствиям.

9 785751 614096

ТЕКСТ